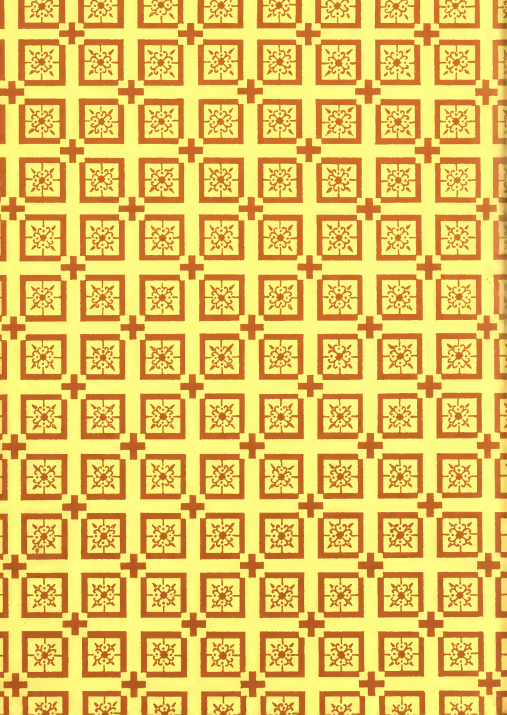
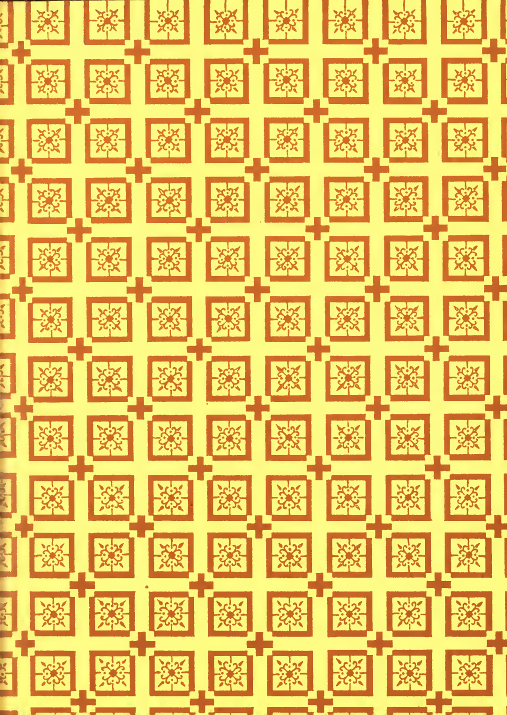

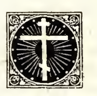
Л. С. ЗАПАРИНА

НЕПРИДУМАННЫЕ РАССКАЗЫ

Л.С.ЗАПАРИНА

НЕПРИДУМАННЫЕ РАССКАЗЫ

Л.С.ЗАПАРИНА

НЕПРИДУМАННЫЕ РАССКАЗЫ

*«Тайну цареву добро есть хранити,
дела же Божия открывати славно»*
(Товит, XII, 7)

НАРОДНАЯ БИБЛИОТЕКА

Редактор издания **священник Николай (Булгаков)**
Оформление художника **А. С. Кулёмина**
Технический редактор **А. В. Ивлев**

Запарина Л. С.
Непридуманные рассказы. — М.: Трим, 1995. — 304 с.

"Непридуманные рассказы" впервые выходят отдельным изданием. Они знакомы многим по православному самиздату, по публикациям в журнале "Москва", в других изданиях, отечественных и зарубежных, под псевдонимом Л. Шостэ и без подписи. Их автор — Лидия Сергеевна Запарина, москвичка, родилась в 1903 году. Все рассказы, вошедшие в сборник, за некоторым исключением, или услышаны автором непосредственно от тех людей, с которыми произошли описанные события, или их участником была она сама. В сборник вошли также ее записи разных лет — фрагменты книги "Большое и малое", которые, как и большая часть рассказов, публикуются впервые.

ISBN 5-85997-031-5

ВСТРЕЧА НА ТИХОЙ УЛИЦЕ

На тихой пустынной улице к урне для мусора быстро подошла пожилая, хорошо одетая женщина и, открыв хозяйственную сумку, начала дрожащей рукой выхватывать из нее аккуратно завернутые в бумагу свертки, целлофановые мешочки с фруктами, запечатанные письма с надписанными адресами и все это яростно бросать в урну

При этом она плакала и даже стонала, как от сильной боли.

Выбросив все, она захлопнула сумку и широко размахнулась, чтобы бросить туда же, но кто-то удержал ее руку.

Женщина удивленно повернула голову — перед ней стоял высокий старый мужчина с небольшой седой бородкой, в меховой ушанке и потертом пальто.

— Что с вами? — участливо спросил он.

— Я, я не могу больше так жить! — всхлипывая, ответила женщина. — Я стараюсь делать людям добро, а в ответ получаю одни обиды и укоризны. За что?!

— Вас кто-то сильно и незаслуженно оскорбил?

— Да! И не один человек, а несколько. И теперь я буду отвечать им тем же. Око за око!

Старик слушал и, нагнувшись, укладывал обратно в сумку выброшенные пакеты и письма.

— Мой муж умер, сын — в Арктике, средства у меня есть, и я многим помогаю. Обычно я одну неделю выполняю поручения своих опекаемых: покупаю лекарства, продукты, нужные вещи, кому что требуется, и складываю в эту сумку, а следующую неделю разношу все тем, кто дал мне поручение, и набираю новые. Кое-кому еще помогаю по хозяйству.

— Это замечательно, — сказал старик, отряхивая грязь с пачки писем. — А это вы, верно, именинницам поздравления писали, ведь скоро Татьянин день?

— Да, но больше этого делать не буду и ни к кому не пойду, и сумку выбросила. Можете ее себе взять.

— Но что же все-таки случилось?

— Не думайте, что мой отказ от помощи людям — стихийное действие, нет. Оно подготовлялось годами. Откладывалась горечь от полученных за любовь обид, и последние из них были, быть может, не самыми горькими, но они переполнили чашу моего терпения, и... получился как бы взрыв.

Оба замолчали. Потом старик сказал:

— Меня зовут Алексей Степанович, а вас?

— Юлия Николаевна.

— Так вот, Юлия Николаевна, погода сегодня отличная, солнышко ласковое, давайте пройдемся с вами по этой тихой улице и побеседуем.

И они пошли... Юлия Николаевна, вздрагивая и зябко кутаясь в меховую шубку, а Алексей Степанович — с ее сумкой в руке.

Пройдя немного, он сказал:

— Разговор у нас с вами возник откровенный, и потому я позволю себе задать вопрос: вы в Бога веруете?

— Да верю, что Бог есть, и Божия Матерь, и святые, но временами мне начинает казаться, что им до людей нет никакого дела.

— Почему же это вам так думается?

— Было бы Им до нас дело, так не было бы на свете ни войн, ни рабов, ни тюрем, ни бездушных христиан, которые ходят в церковь, соблюдают все посты, кувыркаются в тысячах поклонов, а в жизни еще хуже нас, грешных, на которых они смотрят с презрением, одним духом выпалила Юлия Николаевна и вздрагивающей рукой расстегнула ворот шубки.

Алексей Степанович остановился, внимательно посмотрел на клокочущую гневом Юлию Николаевну, тихонько взял ее под руку и, осторожно ступая, видимо, больными ногами, спросил:

— Вы знаете, что Господом дана человеку свободная воля делать все, что он хочет?

Юлия Николаевна неопределенно кивнула головой.

— Дав людям свободную волю, Господь дал им и заповеди, то есть, указание, как этой волей надо управлять.

Кто был основоположником войн? Каин. Господь не учил его убивать, тот сделал это сам, значит, зло пришло в мир с человеком.

А в дальнейшем, кто начал угнетать человека? Дру-

гой человек, только более жестокий и сильный, и это он создал тюрьмы для тех, кто не захотел ему подчиняться.

А болезни, кто их породил, как не сами же люди путем гибельных пороков? Эх, нет у меня образования, чтобы все по-научному доказать вам!

— А кто вы по профессии? — с интересом спросила Юлия Николаевна.

— Дьякон, старый заштатный дьякон, успевший пройти только пять классов духовного училища, потому что грянула революция и училище в момент закрыли.

— А почему вы не учились дальше?

— Дальше надо было мать и старого деда кормить, потому что я один кормилец в семье остался.

— Ну, а когда ваши родные умерли, вы же могли пополнить свое образование.

— Мог, но женился, и захотел Богу служить, и пошел в дьяконы, так как голос имел исключительный, но потому что придерживался в жизни тех взглядов, которые казались правильными мне, а не существующему строю, то для вправления мозгов попал в лагерь. А дома оставил жену с двумя ребятами.

Вернувшись, прожил с семьей только четыре года и снова для вразумления на строительство Беломорского канала попал. Дома бедность была такая, что ни обуться, ни одеться не во что. Жену все уговаривали: брось ты своего дьякона, он тебя только, знай, ребя-

тишками награждает, а сам из лагерей не вылазит. Но жена все вытерпела и меня не бросила.

— Она вас крепко любила, — вздохнула Юлия Николаевна.

— Когда я с Беломорканала пришел, то решили мы в другое село перебраться, там мне работу обещали, а ехать не на чем, коня без меня продали и деньги проели. И никто такому каторжному, как я, свою животину доверить не хотел. Хорошо, что еще телега сохранилась и сам я был тогда здоровый. Вот посадил я на нее жену с грудным ребенком на руках, а она села, ноги раздвинула и между ними четверых ребятишек разместила, чтобы своим телом греть, потому что полуголые они, а на дворе — осень. Скарб, какой был, я тоже на телегу уложил, да сам вместо коня впрягся и... поехали, — переходя на хриплый шопот, закончил Алексей Степанович.

Юлия Николаевна закусила губу и опустила голову.

— Потом еще раз в лагере был, пять лет, как вернулся. Теперь утром проснусь и первым долгом, еще глаза не открыл, а рукой женину голову на подушке ищу, чтобы увериться, что не во сне я дома, а наяву.

— Разве можно после этого верить в то, что Бог добрый?! — крикнула Юлия Николаевна и остановилась.

Алексей Степанович опустил голову, потом поднял на нее затуманенные слезами глаза и сильным голосом сказал:

— Добр и милосерден. Глубокие раны попустил мне

Господь, а все перевязал руками слуг Своих, христиан, о которых вы так плохо отзываетесь.

А чему только Он меня и мою семью ни научил, а сколько мы все, семеро, от Него чудес видели! Жизнь — это не школа, а целая академия, и Учитель в ней — Сам Господь, Который хочет, чтобы все мы спаслись. Человек же как овчинный тулуп, его если не трясти — моль заведется. А христиане есть всякие, есть такие, что только по названию христиане, а в душе хуже хужего. Давайте не судить их, Господь им Судия, лучше об них хоть про себя перекреститься и попросить: вразуми их, Боже наш.

Знаете ли, что, пока мы живы, Господь для нас — милосердный Отец, а умрем — и Он же станет грозным Судией.

Господи, прости и спаси нас!

Не надо вам, Юлия Николаевна, со своими родными и друзьями судиться. Виноваты они — простите, а еще лучше — чем их вины считать, вспомните, в чем сами перед ними виноваты.

Простите и меня, Христа ради, что я не в свое дело полез и, не имея права учить, взялся вас вразумлять, но уж такая у нас с вами сердечная встреча произошла и я вас от души полюбил, ведь распрекрасный вы человек!

Юлия Николаевна стояла смущенная, с красными от слез глазами и распухшим носом и беспомощно смотрела на Алексея Степановича.

— И спасибо вам, что вы терпеливо слушали старо-

го зека. А теперь возьмите вашу сумку и идите творить то доброе, что творили до этого дня, и еще больше творите, потому что милосердие беспредельно.

А я побреду домой, а то мать дьяконица уже давно, верно, ждет меня и беспокоится — не попал ли еще в какую историю ее непутевый дьякон.

Юлия Николаевна улыбнулась, взяла сумку, крепко пожала протянутую ей руку, на которой не хватало двух пальцев, и пошла к автобусной остановке.

НЕПОНЯТАЯ МОЛИТВА

Мой отец с большим предубеждением относился к отцу Иоанну Кронштадтскому. Его чудеса и необыкновенную популярность объяснял гипнозом, темнотой окружающих его людей, кликушеством и т. п.

Жили мы в Москве, отец занимался адвокатурой. Мне в то время минуло четыре года, я был единственным сыном, и в честь отца назван Сергеем. Любили меня родители безумно.

По делам своих клиентов отец часто ездил в Петербург. Так и теперь он поехал туда на два дня и по обыкновению остановился у своего брата Константина. Брата и невестку он застал в волнении: заболела их младшая дочь Леночка. Болела она тяжело, и, хотя ей стало лучше, они пригласили отца Иоанна отслужить молебен и с часу на час ожидали его приезда.

Отец посмеялся над ними и уехал в суд, где разбиралось дело его клиента.

Вернувшись в четыре часа обратно, он увидел у братниного дома парные сани и огромную толпу людей. Поняв, что приехал отец Иоанн, он с трудом пробился к входной двери и, войдя в дом, прошел в зал, где батюшка уже отслужил молебен. Отец стал в сторону

и с любопытством начал наблюдать за знаменитым священником. Его очень удивило, что отец Иоанн, бегло прочитав положенное перед ним поминание с именем болящей Елены, стал на колени и с большой горячностью начал молиться о каком-то неизвестном тяжко болящем младенце Сергии. Молился он о нем долго, потом благословил всех и уехал.

— Он просто ненормальный! - возмущался мой отец после отъезда батюшки. Его пригласили молиться о Елене, а он весь молебен вымаливал какого-то неизвестного Сергея.

— Но Леночка уже почти здорова, робко возражала невестка, желая защитить уважаемого всей семьей священника.

Ночью отец уехал в Москву.

Войдя на другой день в свою квартиру, он был поражен царившим в ней беспорядком, а, увидев измученное лицо моей матери, испугался:

— Что у вас здесь случилось?

— Дорогой мой, твой поезд не успел, верно, отойти еще от Москвы, как заболел Сережа. Начался жар, конвульсии, рвота. Я пригласила Петра Петровича, но он не мог понять, что происходит с Сережей, и попросил созвать консилиум. Первым долгом я хотела телеграфировать тебе, но не могла найти адреса Кости. Три врача не отходили от него всю ночь и, наконец, признали его положение безнадежным. Что я пережила! Никто не спал, так как ему становилось все хуже, я была как в столбняке.

И вдруг вчера, после четырех часов дня, он начал

дышать ровнее, жар понизился, и он уснул. Потом стало еще лучше. Врачи ничего не могут понять, а я — тем более. Сейчас у Сережи только слабость, но он уже кушает и сейчас в кроватке играет со своим мишкой.

Слушая, отец все ниже и ниже опускал голову. Вот за какого тяжко болящего младенца Сергия так горячо молился вчера отец Иоанн Кронштадтский.

РАССКАЗЫ МАТЕРИ АРСЕНИИ

Нас у отца с матерью было двое: я и сестра Настенька. С сестрой мы очень дружили, но характерами были разные: она на кавалеров заглядывалась и рано замуж вышла, а я о монастыре мечтала и все старалась черным платочком покрыться. Особенно хотелось мне попасть в Иоанновский монастырь: он был под покровительством отца Иоанна Кронштадтского, и сам батюшка там часто бывал запросто, а я его с детских лет почитала и любила. Он у нас и в доме бывал, хотя люди мы были самые что ни есть простые — отец курьером при банке служил. И предсказание он отцу очень интересное сделал, но об этом потом расскажу.

Так вот, мечта моя сбылась: приняли меня в Иоанновский монастырь. Находился он в Петербурге на самом краю города, на берегу небольшой речки Карповки, и был он очень красивый и благоустроенный, его строило купечество в знак своей любви к отцу Иоанну и денег на него не пожалело. А когда землю монастырскую отводили, то игумения попросила дорогого батюшку, чтобы разом дали земли и под сестринское кладбище, но батюшка грустно так головой покачал и сказал:

— Не потребуется оно вам.

Игумения очень удивилась, но спрашивать не посмела, а ведь так оно и вышло: ни одна сестра не успела в монастыре умереть, все по белу свету разбрелись...

Монастырь наш был городской, богатый, и послушания у нас были, конечно, не такие, как в сельских обителях.

Пришла я в монастырь молоденькая, здоровая. Ну, проверили, к чему я имею способности, чтобы знать, на какое послушание меня ставить. Я рисовала неплохо и петь могла. Определили меня в рисовальный класс и на клирос петь первым голосом поставили. И такая на меня тягота от этого пения нашла, что сказать не могу, а петь приходилось много.

Вот как-то приехал к нам дорогой батюшка. Окружили мы его по обычаю, а он так ласково с нами беседует. Увидел меня, спрашивает:

— Как, Варюша, живешь? Не скучаешь?

А я не утерпела да и говорю:

— Хорошо, не скучаю, а вот на клиросе до смерти петь не люблю.

Отец Иоанн пристально так на меня посмотрел и сказал:

— В монастыре надо трудиться и без ропота нести послушание. А пение ты полюбишь, еще октавой петь начнешь.

— Что вы, — говорю, — какая там октава, у меня же первый голос.

А он только усмехнулся, и все.

Идет время. Пою я на клиросе, мучаюсь, но пою.

Осенью ушел от нас старый регент, а на его место нового назначили. Был он знаменитый на весь Петербург, а к нам пришел по любви к дорогому батюшке. Прослушал он всех клирошанок, по отдельности каждую, и говорит мне:

— Почему вас заставили первым голосом петь, у вас ведь бас.

И с этими словами задал он мне тон, я запела, да так легко и свободно, что от радости рассмеялась. И начала я в басах петь, а потом у меня октава открылась. Регент мой голос очень ценил, а я петь стала с большой охотой и только дорогого батюшку вспоминала, как он мою октаву провидел.

А то был еще со мной такой случай. Появилась у меня на шее опухоль. Сначала небольшая, а потом стала увеличиваться, уж мне голову опускать трудно стало и чувствовать я себя начала плохо.

Показала опухоль матушке игумении, она забеспокоилась и сказала, что поведет меня к доктору.

Но тут, не прошло и двух дней, как вечером приезжает в монастырь отец Иоанн. Мы его торжественно встретили и сразу пошли молебен петь: так уж было заведено, что батюшка по приезде первым долгом молебен служил.

Иду это я с клирошанками в церковь, а игумения меня останавливает, подводит к отцу Иоанну и говорит:

— Дорогой батюшка, помолитесь о Варваре, она ведь у нас заболела, — и с этими словами подняла мой апостольник и показывает ему опухоль.

Батюшка внимательно посмотрел, потом рукой по ней провел и говорит:

— Ничего, Бог даст, пройдет. Иди, Варюша, пой!

Пропели мы молебен, потом батюшка с нами долго беседовал, затем меня позвали в трапезной помогать, и к себе в келию я вернулась позже обыкновенного. Стою раздеваюсь, апостольник сняла и по привычке опухоль свою разгладить хочу, тронула рукой, — ан ее нет. Я — к зеркалу: гладкая шея. Глазам своим не верю, ведь с кулак была! Едва утра дождалась — и скорей к игумении. Посмотрела она на мою шею, перекрестилась и только сказала:

— Благодари дорогого батюшку.

+ + +

У нас в Иоанновском монастыре было такое правило: в определенные дни и часы недели нас могли навещать наши родные и знакомые.

Вот как-то к одной из сестер пришла в приемный день ее знакомая молодая девушка. Сидит с ней, беседует, но по всему видно, что она не в себе: бледная, расстроенная и отвечает невпопад, будто ее какая-то тяжелая мысль мучает. Дивимся мы на нее, но расспросить ничего не успели, так как узнали, что дорогой батюшка приехал. Обрадовались мы страшно и все скорей на лестницу побежали бесценного гостя встречать. И девушка эта вместе с нами вышла.

А батюшка поднимается по лестнице такой озабоченный, но со всеми ласково здоровается, а когда

поравнялся с этой девушкой, то остановился и так громко ей сказал:

— Из-за тебя ведь приехал, а уж торопился как!

Мы, конечно, ничего из этих слов не поняли, а девушка, видим, смутилась и даже испугалась как бы. А он продолжает ей говорить:

— Сейчас молебен служить будем, а потом я с тобой поговорю. Никуда уходить не смей, слышишь?! — уже грозно ей под конец сказал и пошел облачаться.

Отпели мы молебен, помолились, и девушка с нами. Потом батюшка вышел, взял ее за руку и говорит:

— Ты, безумная, что это задумала, а? Ну-ка иди сюда!

Отошли они в сторону и долго он ей что-то говорил, а девушка страшно плакала. Потом батюшка повеселел, благословил ее и, слышим, говорит:

— Ну, успокоилась?

А она благодарит его, руки целует и в ноги ему поклонилась.

Попрощался отец Иоанн со всеми и сказал:

— Больше у меня здесь дел сегодня нет.

И уехал. Ну, а мы, конечно, девушку давай расспрашивать, о чем с ней дорогой батюшка говорил.

И она нам рассказала, что был у нее жених и уже свадьбу назначили, но он увлекся другой, а ее бросил. Горевала она ужасно и решила себя жизни лишить, под поезд броситься. Долго не могла с силами собраться, чтобы это сделать, а вот в этот день, как к нам прийти, твердо решила с собой покончить. Но очень ей было тяжко, и она напоследок зашла к нам

в монастырь с тем, чтобы от нас уже прямо на вокзал ехать. А дорогой батюшка почувствовал ее горе, приехал и принялся бранить, что она на такой шаг решилась. Когда она пообещала ему не делать задуманного, он ей сказал: "Ты скоро замуж выйдешь за хорошего человека, и детки у вас будут".

Веселая она от нас ушла, радостная. А потом скоро после этого замуж вышла, и хорошо жила со своим мужем, и дети у них были.

КАВЕРНЫ[1]

Сейчас это маленькая сгорбленная старушка в черной бархатной скуфейке и длинной монашеской мантии. Ей восемьдесят четыре года, но она еще бодро двигается, опираясь на палочку, и не пропускает ни одной церковной службы. Зовут ее мать Людмила.

Много лет тому назад она была высокой стройной послушницей, но все окружающие смотрели на нее с жалостью: каверны покрывали ее легкие, и она доживала последние дни, так сказал известный таллинский врач, к которому ее возила матушка игумения.

Терпеливо ждала молодая послушница своей смерти.

Как-то в ясный весенний день в монастырь приехал отец Иоанн. Радость охватила насельниц. Найдя удобный момент, игумения, держа под руку, привела к нему больную.

— Благословите, дорогой батюшка, нашу больнушу, — попросила она.

Отец Иоанн внимательно посмотрел на девушку и сокрушенно покачал головой:

— Ах, какая больная, какая больная!

---

[1] *Каверна — полость, возникающая в органе при разрушении и омертвении его тканей. — Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, — примеч. ред.*

И, не сводя с больной пристальных глаз, он коснулся ее груди и сделал такой жест, как будто собирал вместе какую-то расползшуюся ткань. Собрал, крепко сжал пальцами и даже повернул их в сторону, чтобы было покрепче. Потом притронулся к другому месту на груди и, покачивая головой, повторил тот же жест, затем перевел руку дальше, и таким путем он, сокрушенно вздыхая и молясь, как бы стягивал не видимые окружающим раны. Потом благословил больную и очень просто сказал:

— Ну, слава Богу: поживешь, и долго поживешь, правда, болеть будешь, но это ничего.

Никто не придал значения действиям великого батюшки, но вскоре больная начала поправляться.

Через год после этого случая матушка игумения ехала в Таллин и захватила с собой выздоравливавшую девушку, чтобы показать для проверки тому врачу, который предсказал ей скорую смерть.

Старый врач был очень удивлен, увидев свою пациентку поздоровевшей. Внимательно осмотрев ее, он попросил разрешения сделать рентгеновский снимок легких и, рассматривая его, качал головой:

— Ничего не понимаю! Ваши легкие были испещрены дырками, но какая-то могущественная рука починила их, затянув смертельные каверны и покрыв их рубцами. Вы давно должны были умереть, но вы живы и будете жить. Дорогое дитя, над вами совершено великое чудо!

(Со слов матушки Людмилы)

НЕИЗЛЕЧИМАЯ БОЛЕЗНЬ

По национальности я русская, но еще мои прадеды переселились в Эстонию, там я и родилась. Семья наша была религиозная, в школах в то время преподавали Закон Божий; я верующая с того момента, как себя помню.

В детстве я была веселой и энергичной, много шалила с подружками, но в десять лет у меня неожиданно заболела левая нога в голеностопном суставе. Вначале боль была незначительная, но постепенно она стала усиливаться, и родители показали меня врачу.

Он немедленно уложил меня в постель, назначил лечение, но лучше не стало.

Утомленная долгим лежанием, я попробовала ходить, ведь я была еще ребенком, хотелось поиграть, побегать. Но оказалось, что от резкой боли я не могу стать на ногу. Заказали костыли, и я начала ходить только с ними.

Днем нога болела терпимо, но по ночам я мучительно страдала и так кричала, что никому не давала спать.

Кончилось тем, что родители отвезли меня в Тарту и поместили в больницу, где меня лечили опытные врачи и профессора. Я пролежала в ней несколько месяцев, не получив никакого облегчения.

Наконец, в одно страшное для меня утро к моей кровати подошли два врача и принялись ласково, но очень настойчиво уговаривать дать согласие на ампутацию ступни, так как вылечить ее невозможно. Если же я откажусь от ампутации, нога может заразить весь организм.

Слушая врачей, я сразу представила себе, как сделаюсь калекой и буду ходить по городу без ноги. Калек я боялась с самого раннего детства, они мне внушали ужас и такое непреодолимое отвращение, что при виде их я убегала. Поэтому, когда врачи умолкли, я начала отчаянно плакать... Они испугались и старались успокоить меня, но я плакала безутешно, а когда приехали родители, потребовала, чтобы меня немедленно увезли домой.

— Ты опять будешь кричать по ночам от боли, — сказал отец.

— От меня никто не услышит ни одного стона, — пообещала я и сдержала слово. Мне тогда было двенадцать лет.

Вернувшись домой, я редко встречалась с подружками, а больше сидела или лежала дома и читала. Книги мне приносил наш знакомый батюшка, отец Василий. Особенный интерес вызывали у меня описания чудесных исцелений. По ночам, когда боль в ноге доводила меня до того, что я зарывалась лицом в подушку, чтобы никто не услыхал моих стонов, я думала о том, что попрошу родителей повезти меня в Пюхтицу к чудотворному образу Царицы Небесной и там буду молить Ее исцелить мою ногу.

С наступлением весны мое состояние ухудшилось, но я продолжала вставать с постели, убирала комнату, выходила в наш садик, только на улице старалась не показываться, боялась, что из-за костылей кто-нибудь назовет меня калекой.

Лето подходило к концу; наступил Успенский пост, и начались разговоры о приближении праздника в Пюхтице.

В то время из многих городов и сел, находившихся не очень далеко от монастыря, шли туда к Успенову дню крестные ходы. Собирался народ, брали иконы, хоругви и вместе с духовенством шли пешком на праздник к Царице Небесной. Некоторые ехали сзади шажком, кто на подводах, а кто в экипажах, и подвозили уставших или больных. Народ пел молитвы, псалмы. В лежащих на пути селах останавливались и служили молебны; к пришедшим присоединялись местные богомольцы со своей святыней, и, как ручейки в реку, в крестный ход вливались новые массы людей, и к Пюхтице он подходил мощный, растянувшись по дороге длинной извилистой лентой.

Такие крестные ходы шли из разных мест, и в конце концов вокруг монастыря и в его ограде собиралось огромное количество паломников. Из нашего города крестный ход выезжал на пароходе до Сыренца, а оттуда шел двадцать пять километров пешком в монастырь.

К этому времени у меня созрело твердое решение не ехать в Пюхтицу поездом, как я думала раньше, а идти вместе с нашим крестным ходом. Я полагала, что

родители одобрят мое желание и пойдут вместе со мной, но они решительно отказались, ссылаясь на то, что у них нет лишних денег. Тогда я пошла к своей бабушке, попросила у нее крону и уехала с крестным ходом одна. На пароходе я встретила отца Василия с матушкой и очень им обрадовалась.

Доплыв до Сыренца, мы вышли на берег, и я, став на костыли, пошла с народом. Но, пройдя, надо полагать, километр, начала отставать. Моя нога к тому времени уже не могла становиться на всю ступню, пронзающая боль не давала этого, я ставила ее боком, вывернув подошву внутрь. Когда я стояла и горестно думала, как пойду дальше, со мной поравнялась подвода, и сидевший в ней дедушка предложил довезти до обители. Меня будто кольнуло в сердце: сесть и ехать? А как же мое решение идти пешком? Я поблагодарила, собрала все силы и пошла...

Не было ни одной подводы, ни одного экипажа, из которых бы не раздавались голоса людей, приглашавших меня сесть к ним. Я всех благодарила и, прикусив губы, шла, шла, шла...

Вечером мы подошли к Овсову. Там стояла часовня. Я села на ее ступеньки и почувствовала: "Все... Дальше двинуться не могу ни на один шаг".

— Надюша, — уговаривали меня отец Василий с матушкой, — пойдем к нашим знакомым, если не можешь дойти, мы тебя донесем. Там вымоешь ноги, покушаешь и ляжешь в теплую постель.

Я не согласилась. Мне было так плохо, что я знала — если лягу, то уже больше не встану. Лучше

просижу на ступеньках всю ночь, а завтра, если не смогу идти, поползу в Пюхтицу. А нога сильно распухла и неподвижно, как бревно, лежала передо мной.

Кто-то из богомольцев дал мне поесть, чья-то добрая душа укутала теплым платком, и я уснула.

Утром меня снова накормили, я помолилась, взяла костыли и пошла. Нога отдохнула, и я шла бодро, но чем ближе к Пюхтице, тем становилось труднее. Наступать на ногу я уже не могла, а тянула ее по земле, отстав от самых отстающих. Дороге же, казалось, не будет конца.

Но вот показались первые домики Пюхтицы и блеснул крест на церкви преподобного Сергия. Теперь только подняться в гору, и я буду в монастыре. Все, с кем я вышла из Овсова, давно уже, верно, молились в соборе, а я только вползла в заполненную народом монастырскую ограду и села прямо на землю, потому что все скамейки были заняты.

Отец Василий разыскал меня.

— Мы опоздали, — сказал он, — литургия давно началась. Когда она окончится, к источнику пойдет крестный ход. Я тебе советую: не ожидай всех, а иди к источнику сейчас, чтобы в такой огромной толпе тебя не затерли.

— Нет, пойду со всеми.

Я очень устала, но, как только раздался колокольный звон и из дверей собора вышли духовенство и люди с носилками, на которых был установлен чудотворный образ Царицы Небесной, я ощутила прилив сил и пошла с богомольцами.

-- *В Рождестве девство Сохранила еси,* — звенели голоса монахинь.

— *Во Успении мира не Оставила еси,* — мощно подхватил народ. И под звон колоколов, под пение людей образ будто поплыл над морем человеческих голов.

Светило солнце, переливались драгоценные камни на окладе, качались цветы, украшавшие образ, а он плыл и плыл, как золотая лодка, и мне показалось, что это не икона, а Сама Царица Небесная и что я должна скорей, пока Она еще здесь, выполнить все задуманное мною.

Вы спрашиваете, молилась ли я в это время? Не знаю, что вам на это ответить... С того момента, как врачи сказали, что у меня костный туберкулез, и предложили ампутацию, я мысленно была с Царицей Небесной. Это не значит, что я все время молилась, нет, но я думала о Ней, жаловалась Ей. Я вам уже рассказывала, что по ночам меня изводили сильные боли, так вот, мне тогда часто казалось, что Она была где-то близко...

Стечение людей на празднике было такое большое, что идущие в начале крестного хода уже подошли к часовне и там начался молебен, а идущие в его конце еще не вышли из ограды...

Я доплелась до источника, когда там уже все окончилось и крестный ход повернул обратно. Возле часовни толпилось много людей, я с трудом протиснулась к небольшому бассейну, в который стекала вода из источника. Отец Василий поджидал меня возле него.

— Разуй, Надюша, ногу, а я буду поливать ее водой.

Я сбросила пыльный башмак, сняла чулок, поставила ногу на землю, а отец Василий черпал кружкой воду из бассейна и лил на нее. Я старалась сделать так, чтобы подошва стала не боком, а прямо, но от боли это не удавалось. Я помогала рукой, выпрямляя ступню, а отец Василий, не останавливаясь, поливал ногу.

Наконец, вся подошва коснулась земли, я нажала на нее что было силы и, странно, не ощутила боли. Нажала еще... Нога не болела. Я твердо стала на нее, притопнула. Боли нет... Шагнула — идет свободно... Вынула из-под рук костыли, попробовала идти без них — могу. Обошла часовню... Ноги шли так, как ходили до болезни. Тогда я прислонила костыли к стене часовни и пошла в собор.

Что я чувствовала? Не могу передать... Я была как бы не в себе и только по временам принималась вертеть левой ногой: не появится ли знакомая острая боль. Но нога была такой же здоровой, как раньше.

Три дня после этого я не могла есть, даже вид пищи был мне противен.

Когда наш крестный ход отправился в обратный путь, я пошла с ним.

В городе народ встречал нас, среди встречавших была и мама. Увидев, что я без костылей, она заплакала и бросилась ко мне. Когда успокоилась, сказала:

— Твоя вера, Надюша, оказалась сильнее моей.

С того времени много лет прошло, но нога у меня, слава Богу, никогда больше не болела; а я каждый год приезжаю в Пюхтицу на Успенов день.

ДЕТСКОЕ ГОРЕ

Описываемый в настоящем рассказе случай произошел в конце 90-х годов прошлого столетия в семье известного адвоката.

Сижу, уткнувшись в нянино плечо, и плачу. А по всему дому разносится мощный баритон отца, который что-то выговаривает матери; она отвечает ему сердитым, звенящим голосом.

Все в нашем большом доме стихло, все притаились, как во время сильной грозы.

— Господи, и когда же они перестанут ссориться? — вздыхает няня. — Не плачь, солнышко! Разве господа первый раз так громко бранятся? Пора привыкнуть. Вон, смотри, как хорошо дети играют в саду, иди к ним.

— Они маленькие, ничего не понимают, а мне тринадцать лет, я знаю, как ужасно, когда папа ссорится с мамой.

— Ну, ты с малых лет не выносила их ссор и всегда принималась плакать, — вспоминает няня и гладит мою голову. — Слышишь, тихо стало. Видно, барин ушел на свою половину.

— Что из того, что ушел, завтра все начнется сызнова, ведь две недели они ссорятся, не переставая.

Но все-таки я выхожу в сад. По дороге слышу, как горничная говорит лакею:

— Опять господа каждый у себя обедать будут, а дети — с гувернанткой. И как им не опротивеет такая жизнь?!

Я ускоряю шаг, спасаясь от этих мучительных пересудов, и думаю:

"Почему мама и папа в вечной войне? Мама очень красивая и молодая, папа гораздо старше ее, не такой красивый, но зато он известный на всю Россию адвокат, его выступления печатают в газетах; он добрый, умный, его все любят, а мы — дети — обожаем. Несмотря на занятость, он всегда интересуется нашими делами. Любит собирать нас около себя и рассказывать о Христе. Как он необыкновенно говорит о Нем! Когда начинаются такие беседы, вся прислуга потихоньку собирается у закрытой двери, чтобы послушать о Господе. Некоторые даже плачут, это няня говорила.

Папа часто ходит в церковь, водит туда нас и радуется, когда в нашем доме бывает духовенство.

Мама не в восторге от такого общества, ей нравятся балы, приемы. Я стараюсь не пропустить тот момент, когда она в бальном платье с длинным шлейфом выходит в гостиную, где отец во фраке уже поджидает ее, чтобы вместе ехать на бал или в театр. Она тогда бывает особенно красивая. А потом родители вдруг ссорятся, и все мы от этого мучаемся.

Вечер. У мамы гости, кто-то играет на рояле, а папа после ссоры уехал в Петербург. Нам хорошо здесь,

в имении. Сейчас лето, в гимназию ходить не надо, развлечений много. А папа каждое утро уезжает в город к себе в контору или в суд и возвращается только к вечеру, усталый и бледный.

Ложусь в постель, но засыпаю только после того, как под нашими окнами останавливается экипаж. Это вернулся папа. На сердце сразу приходит покой.

Под утро вижу сон. Проснувшись, сижу на кровати. Сон такой, что не могу прийти в себя. Его можно рассказать только папе. Быстро принимаюсь за одевание.

— Наша соня начала просыпаться с курами. Что случилось? — удивляется няня. — И куда ты бежишь, не помолившись Богу?

— Сейчас вернусь, — кричу я и вырываюсь из ее старых рук.

Тихонько царапаюсь в папину дверь, она открывается, и на меня строго смотрит личный лакей папы.

— Что Вам угодно?

— Доброе утро, Владислав, мне надо к папе.

Владислав распахивает дверь: отец распорядился пропускать к нему нас, детей, во всякое время. Он сидит за письменным столом и пишет.

— Папочка, можно?

Не поднимая головы, он молча протягивает мне свободную руку. Подбегаю к нему, сажусь на колени и целую его в губы, в глаза, в лоб. Ах, как я люблю тебя, папа!

Расцеловав меня, он внимательно смотрит в мои глаза:

— Что-то случилось?

— Да.

— Говори, я слушаю.

Прижимаюсь головой к его груди и начинаю:

— Мне приснился сейчас необыкновенный сон. Помнишь, ты нам рассказывал о катакомбах, в которых скрывались первые христиане?

— Помню.

— Так вот, мне снится, будто я нахожусь в них. Иду одна, никого нет, полутьма, и мне страшно.

Вхожу в большой зал и вижу на темной стене, в круге яркого голубоватого сияния, лицо Христа. Я думаю, что это картина, и подхожу поближе, чтобы рассмотреть, но останавливаюсь, пораженная, потому что это не картина, а лицо живого Господа. Мне делается очень страшно, только страх быстро проходит, и вместо него — такая радость, что мне хочется позвать тебя, маму, всех наших, чтобы все радовались, но я быстро забываю про вас и все смотрю и смотрю на Господа... Не могу рассказать, какой Он, лицо Его было таким светлым, что я с трудом смотрела, хорошо видны были только Его глаза, синие, синие, но не такие, как васильки, или небо, и не как море. По-особенному синие, и такие добрые, и печальные, что мне захотелось плакать.

Вдруг Господь сказал: "Проси у Меня, чего хочешь". Я упала на колени и попросила: "Господи, сделай так, чтобы папа с мамой никогда не ссорились".

Руки отца, крепко обнимавшие меня, дрогнули.

— Господь ничего не ответил, только продолжал

смотреть на меня Своими необыкновенными печальными глазами. Потом лицо Его стало таять, как облако, а я проснулась и скорее побежала к тебе.

Отец молчит; я чувствую, что он волнуется. Он целует меня в макушку, спускает с колен и, не говоря ни слова, выходит из кабинета. Я бегу за ним, но он идет на половину матери.

Прижимаюсь в коридоре к стене и со страхом жду, что теперь будет. Тихо... Потом вижу, что горничная несет в мамин будуар ее любимый кофейный сервиз на две персоны. Это значит, что папа будет пить кофе у мамы. Помирились! Господи, слава Тебе!..

После этого случая ссоры между родителями возникали реже и быстро кончались примирением.

ОБЕТ

(80-е годы прошлого столетия)

Небольшой провинциальный город на берегу Донца. Тихие, широкие улицы, а на одной из них — просторный деревянный дом с зелеными ставнями.

Живет в нем небогатый чиновник Порфирий Васильевич с большой семьей и вдовым братом, известным всему городу протоиереем, отцом Александром. Вначале он священствовал в губернском городе, но после смерти жены заскучал и переехал к брату. Это он и дом ему помог поставить, а без его помощи Порфирию Васильевичу своего дома вовек бы не видать. Да и как увидишь, если малых детей шесть человек, а он один добытчик?

Как-то летним вечером семья сидела под старой грушей и ужинала. Вдруг яркая вспышка света озарила сад.

— Горит где-то близко, — сказал Порфирий Васильевич и поспешил со старшим сыном на улицу.

Горело через дом. Все растерялись, не зная, что делать, за что хвататься. Первой опамятовалась жена Порфирия Васильевича и бросилась в детскую выносить младших детей из кроваток.

Их и, какие поценней, вещи отнесли к дальним соседям, а тем временем отец Александр вышел на середину двора и, торжественно подняв руки к небу, возгласил:

— Господи, сохрани от огня дом брата моего, а я даю обет поехать в Иерусалим на поклонение Твоему Святому Гробу!

Горело у соседей долго, но все-таки полдома отстояли, и к середине ночи на улице было уже все тихо и спокойно.

Отец Александр несколько дней оживленно толковал о поездке, даже железнодорожный справочник у городского головы взял, но потом разговоры прекратились, все забылось, и он никуда не уехал.

Прошло два года, и загорелось рядом с домом Порфирия Васильевича, только огромный сад отделял его от пожара. На этот раз отец Александр не давал никаких клятв, а, всклокоченный, осунувшийся, ходил по двору и, ударяя себя в грудь, шептал:

— За мой грех, за то, что обет не исполнил, сгорит братний дом.

Но дом не сгорел, хотя полыхало сильно, — сад спас. Опять возобновились разговоры о поездке в Иерусалим, был намечен маршрут, и опять отец Александр остался дома.

Минул год, и от молнии загорелся купеческий особняк напротив Порфирия Васильевича.

Пожар был огромный.

Дом Порфирия Васильевича уцелел чудом, у него уже и ставни дымились, и угол начал тлеть. Всей

семьей таскали воду, поливали крышу и фасад. Что делал в это время отец Александр — неизвестно, не до него было.

Утром вся семья собралась за чаем, не было только отца Александра. Вдруг за окном раздался колокольчик и дорожная тройка остановилась у ворот.

— Кто заказал лошадей? — забеспокоился Порфирий Васильевич.

— Лошадей заказал я, — сказал отец Александр, появляясь в дверях в дорожной рясе и со шляпой в руке. — Я сейчас еду на железнодорожную станцию, оттуда — в Одессу, а потом — в Иерусалим.

Все стояли ошеломленные, а отец Александр подошел к большому образу, висевшему в углу, земно поклонился и проникновенно сказал:

— Слава долготерпению Твоему, Господи.

ЗЕМЛЯ ОТЦОВ

В нашем городе моего дедушку знали все, он был соборным протоиереем. Поэтому когда он собрался на богомолье в Иерусалим, то о таком событии толковали чуть ли не в каждом доме.

За два дня до дедушкиного отъезда мы сидели с ним на балконе нашего дома: я громко читал заданный в гимназии латинский текст и переводил, а дед, большой знаток древних языков, делал мне замечания.

Залаял Шарик, мирно лежавший на коврике, и мы увидели подошедшего к балкону старого еврея Рабиновича, два сына, тоже старики, поддерживали его под руки.

— Разрешите зайти к вам с разговором? — снимая с головы картуз, спросил один из сыновей.

— Пожалуйста, — пригласил дедушка и поднялся навстречу.

Старик, едва двигая ногами, с трудом одолел ступеньки балкона и в изнеможении опустился на подставленный мною стул. Я со страхом смотрел на его худое лицо с черными глазами и красными веками, на белую бороду и курчавые пейсы, спускавшиеся вдоль щек; смотрел и боялся, что старый Рабинович умрет сию минуту. Но старик отдышался, вытер ситцевым

платком лицо и беззубый рот и, после обоюдных приветствий, начал:

— Я слыхал, что вы, господин батюшка, едете в Иерусалим?

— Да, если Господь благословит, то послезавтра собираюсь в путь, — ответил дед.

Старик закрыл глаза, покачал головой и тихо сказал:

— Я имею к вам большую просьбу. Вы сами видите, что я скоро умру. — Он вздохнул. — Каждый еврей хочет одного: если не пришлось жить на земле отцов, то хотя бы в нее лечь... Привезите мне горсть земли из Иерусалима, одну горсть! — Старик поднял дрожащие руки, и, сжав, протянул деду. — Когда я умру, ею посыплют дно моей могилы, и я лягу как бы в родную землю... Исполните просьбу старого еврея, и Господь наградит вас.

— Привезу, — пообещал дедушка.

Рабинович повернулся к сыну и что-то сказал ему по-еврейски. Тот быстро вынул из кармана сафьяновый мешочек и протянул отцу. Старик подал его деду:

— Это для родной земли.

Дедушка отсутствовал ровно год. Я очень боялся, что старый Рабинович умрет за это время, но старик дождался дедушкиного возвращения.

На третий день по его приезде он пришел к нам, поддерживаемый сыновьями. Дедушка тепло поздоровался и на тревожный вопрос старика, привез ли он землю, подал сафьяновый мешочек, наполненный иерусалимской землей.

Старик протянул было к нему руки, но быстро отдернул и покачал головой.

— Не могу так, — прерывающимся голосом сказал он. — Это святая земля отцов! Положите ее мне на голову, а прямо в руки — не смею!

Сыновья подхватили отца под локти, а он нагнул голову. Дедушка взволнованно и торжественно положил на нее мешочек, старик плакал, и слезы, как дождинки, падали на пол. Капнули слезы и из глаз моего деда.

С того времени прошло много лет, теперь я сам стал дедушкой, но не в этом дело, а в другом...

У меня есть сестра. В двадцатом году она вместе с семьей эмигрировала за границу и поселилась в Париже. Последние годы она каждое лето приезжает к нам в Ленинград по экскурсионной путевке и проводит с нами несколько дней.

Накануне ее отъезда мы идем с ней в булочную, выбираем самый круглый, самый аппетитный черный хлеб, и она увозит его в Париж. Там она передает хлеб старому и уважаемому человеку из числа близких ей русских эмигрантов. Он благоговейно принимает у нее хлеб с родной земли, режет на маленькие кусочки и, как просфору, раздает родным и знакомым. Приняв кусочек, люди целуют его, многие плачут...

Это хлеб с земли отцов.

ПРОСФОРА

Жили мы очень небогато. Хлеб, и тот мачеха отрезала всегда сама и давала из своих рук к завтраку, обеду и ужину, и только черный, а белый лишь в праздники видали. Сахар получали по счету. Строго нас держали, и ослушаться родителей я ни в чем не смела, только в одном им не подчинялась: в воскресенье на весь день убегала из дома.

Проснусь в воскресный день рано-рано (я в темной коморочке одна спала), пока еще никто не вставал, оденусь, тихонечко из дома выскочу — и прямым сообщением в Кремль, в церковь к ранней обедне. И не думайте, что на конке, нет, денег у меня ни гроша, это я пешком отмериваю.

Отстою обе обедни, все молебны отслушаю, панихиды и начну по Кремлю из храма в храм бродить, жду, когда придет мне время идти в Кадаши, там отец Николай Смирнов по воскресеньям устраивал для народа беседы с туманными картинами. Этого я уж ни за что не пропущу!

А есть, между тем, хочется — сил нет, но терпи! Домой вернешься — больше не выпустят. А ведь после туманных картин — как ты на акафист не оста-

нешься?! Или к отцу Иоанну Кедрову пойду, там-то уж совсем не уйдешь — до того хорошо.

Вот после такого-то дня, едва ноги передвигая, и притащишься домой в одиннадцатом часу ночи. Постучишь тихонько-тихонько, мачеха выйдет, дверь откроет и только скажет:

— Опять допоздна доходила! Иди уж скорей! Я тебе под подушку две картошки и ломоть хлеба положила. Начнешь есть — смотри не чавкай, чтобы отец не услышал. Он тебя весь день ругал и не велел кормить.

Справедливая была мачеха, хорошая, но строгая, конечно.

А один раз до того я наголодалась, что сил моих не было. А времени — только два часа дня. Вот и пришла я в Кремль в Вознесенский монастырь, там мощи преподобной Евфросинии лежали.

Стала я перед ними и прошу:

— Мати Евфросиния, сделай так, чтобы мне есть не хотелось.

Потом подошла к образу Царицы Небесной. А в храме — ни души, только монашки на солее убираются, и никому из них меня не видно. Так вот, я к нему подошла, взобралась по ступенечкам, стала и молюсь:

— Царица Небесная, сделай так, чтобы не хотелось мне есть, ведь еще долго ожидать, пока вечер наступит и я домой вернусь.

Помолилась (мне ведь тогда только двенадцать лет было), схожу по ступенечкам вниз и вижу, что рядом с образом стоит монахиня в мантии, высокая, краси-

вая. Посмотрела она на меня и протянула мне просфору небольшую:

— На, девочка, скушай.

И тихо мимо меня прошла, только мантией зашуршала, и вошла прямо в алтарь. А я стою с просфорой в руках и от радости себя не помню И надо еще сказать, что таких просфор я не только никогда в руках не держала, но и не видывала Какую я могла редко-редко купить? За две копейки маленькую, их пекли целой полосой и потом ножом отрезали.

Ну, пошла я, набрала в кружку святой воды и здесь же в церкви в уголочек забралась, да всю просфору с водицей-то и уписала.

И думаю я, что дала мне ее сама преподобная Евфросиния.

НАЧАЛО

Снег, снег, снег... Он слепит глаза, а я во всю мочь бегу по улице поселка.

Мне шестнадцать лет, я — секретарь школьной комсомольской ячейки. Сегодня наш кружок самодеятельности ставит спектакль в заводском клубе, и я играю главную роль. Выучила ее назубок, а вот костюм не готов, из-за него и торопиться приходится.

Дома никого нет, отец в командировке, мама, верно, ушла к бабушке.

Открываю сундук и вытаскиваю необъятной ширины театральную юбку. К ней надо пришить оборку и позумент. Эх! Хотя бы Катя пришла помочь! Из всех подруг Катя — самая любимая. Она — дочь священника. А вот я в Бога никогда не верила, да и как можно верить, если религия — дурман? Катя тоже участвует в самодеятельности, только ей не везет: она хочет играть главные роли, а достаются ей самые незначительные. Но она вышла из положения: выучивает то, что нравится, и разыгрывает для себя. Над ней посмеиваются, а Кате хоть бы что!

Ну, надо быстрей шить, а то за мной скоро девочки с ребятами зайдут, чтобы вместе идти в клуб.

Что это у меня голова начала болеть так сильно

и в жар бросает!.. Какая бесконечная оборка, а голова до того болит, что пальцы не слушаются. Нет, не могу больше шить, лягу, а то мне все хуже и хуже...

За дверью слышны голоса, топот ног, и в комнату вваливается шумная ватага участников спектакля. Увидев меня лежащей, они бестолково суетятся возле моей кровати. Но вот кто-то ставит мне градусник, кто-то стаскивает с моих ног валенки, которые я не могла снять, и покрывает меня одеялом.

— Василь, — слышу голос Кима, — беги за врачом Майя, разыщи Люсину маму. Катя, вытащи градусник. Сколько? Сорок один! Ой-ой-ой!

Пришла мама. Мне так плохо, что я ничего не могу ей сказать.

Ким сует мне в рот таблетку:

— Проглоти, сестра из поликлиники прислала, а врач уже ушел, сегодня ведь суббота.

Я с отвращением выплевываю горькое лекарство и плачу от боли, от тяжести во всем теле и от какой-то гнетущей тоски.

Все уходят в клуб. Катя задерживается и говорит маме:

— Надежда Андреевна, я после спектакля прибегу к вам и буду ночевать с Люсей, так что вы можете спокойно идти в ночную смену.

Да, Кате придется сегодня играть и свою, и мою роль.

В ушах — страшный звон... Как мне плохо, я, верно, умираю... Мама кладет мне на лоб мокрое полотенце, но я его сбрасываю и мечусь по кровати. Простыни

жгут тело, подушка тоже раскаленная. Хотя бы немного прохлады!..

А откуда это такой свет появился в комнате? Яркий и вместе с тем мягкий, нежный. Что это? В самом центре света — образ Казанской Божией Матери, я его хорошо знаю, такой висит у бабушки. Только это не изображение, а Святая Дева живая, и волны радости идут от Нее ко мне.

— Мама, — неожиданно громко говорю я, — Божия Матерь пришла к нам.

Мама подходит ко мне и плачет:

— Деточка, это тебе перед смертью кажется — ты умираешь.

А сияние все торжественней, все ярче, и в его свете справа от Божией Матери я вижу Лик Христа. Он как бы написан на полотенце, мне даже золотые кисти видны на краю полотенца, и вместе с тем я чувствую, что Лик — живой и смотрит на меня кроткими, необыкновенными глазами.

— Мама, Сам Бог здесь, — шепчу я, и откуда-то издалека слышу ее плач и причитания.

Мощная радость охватывает все мое существо. Я теряю представление о времени, о том, где я, мне хочется только одного: чтобы это никогда не кончалось. Два лика в неземном сиянии, и я, и больше ничего, ничего не надо...

Но свет погас так же быстро, как появился. Лежу долго и не шевелюсь. Что-то новое вошло в меня, я — как наполненная до краев чаша.

Прижимаю руки к груди и встаю. Но как же так,

ведь я была очень больна, умирала, а сейчас совершенно здорова? Мама испуганно подходит ко мне:

— Люсенька, что с тобой? Ляг, родная.

— Нет, мамочка, у меня все прошло, потрогай: руки холодные и голова, и ничего не болит. Дай я помогу тебе собрать вещи и скорей иди на завод, а то опоздаешь. Не беспокойся, я совершенно здорова.

Мама уходит, а я жду Катю. Только ей одной я могу рассказать о том, что произошло со мною, больше никому. Ах, скорей бы она пришла!

Скрип снега под окном, топот быстрых Катиных ног — и вот она сама на пороге. На платке и шубе — снежинки, лицо в гриме, а глаза тревожно смотрят на меня.

— Катя, Катя, ты знаешь, что случилось! — кричу я. — Ты только послушай!

Мы проговорили всю ночь... А рано утром Катя повела меня к своему отцу. Первый раз в жизни я исповедовалась и причастилась...

Так началась моя новая жизнь.

СЧАСТЬЕ

Как-то после обедни подошла ко мне одна из прихожанок, и мы с ней долго беседовали. Потом она мне сказала:

— Знаете, отец Константин, я очень счастливая женщина.

— Да что вы! — заинтересовался я. — Такое признание приходится слышать крайне редко. В чем же ваше счастье?

— В детях.

— Ну, это понятно: вырастили хороших детей и этим счастливы.

— Да нет, батюшка, счастье у меня особенное. Дети-то ведь не мои.

— А чьи же?

— Ну, уж раз начала, то придется вам все рассказать.

Лето, все гуляют, а я сижу и зубрю и только сквозь стену слышу разговоры о том, какие у нас в городе новости.

Вот так и услыхала, что у Николая, товарища моего старшего брата, жена скоропостижно умерла и пятерых ребят оставила. Пожалела его про себя и зубрю дальше — приемные экзамены на носу.

Вот сижу этак с книжками, отец — на террасе, и слышу, что к нему туда Николай пришел, а его у нас в семье очень любили и знали с детства. Отец ласково его встретил, усадил и утешает:

— Ничего, Колюша, не горюй! Другую жену найдешь и счастливым будешь!

— Эх! Иван Михайлович, Иван Михайлович, жену-то я, может быть, и найду, но не жена мне нужна, а мать детям. Где мать для них возьму? Ведь пятеро их, и мал мала меньше. Старший уже что-то понимает, а младшие ничего не смыслят и знай кричат: "Мама! Где наша мама?" Всю душу надорвали! От тоски похудели, ручки тоненькие сделались, есть не хотят и только мать зовут.

Николай-то — высокий, а тут плачет, как маленький.

Отец растерялся и знай твердит:

— Найдется, Колюша, и такая, верь мне, найдется.

А я сижу, слушаю и не могу понять, что со мной творится — как будто что-то большое растет и радостное... И как хвачу я тригонометрией об пол, выбежала на террасу и громко так говорю:

— Правильно отец сказал, что найдется, вот и нашлась, бери меня, Коля!

Отец как закричит:

— С ума сошла! Куда ты на пятерых-то лезешь, девчонка глупая! — Потом на Николая накинулся: — Уходи! Что девку с толку сбиваешь, ей в институт готовиться надо!

А Николай не уходит и только молча мне руки протягивает. Я схватила их да вместе с ним с террасы и выбежала, и прямо к нему домой.

Пока я с ним шла, у меня в душе какие-то сомнения возникать начали насчет того, правильно ли я делаю. Но как вошли мы в его дом, как увидела я всех пятерых — жалких, плачущих, головенки трепаные, и возле них — равнодушную, сонную няньку, — сразу все сомнения ушли.

Дома у меня были крик, плач, уговоры, но я на своем стояла твердо и вместо института пошла с Николаем в загс, а потом — под венец.

Первые дни моей новой жизни были очень трудными. Но я ребяток крепко полюбила, а они — меня. И хоть особой любви у нас с Николаем не было, потому что я всю ее отдала детям, мы были очень счастливы.

Так и прошла моя жизнь. Подросли дети, умер муж, сейчас все переженились и замуж повыходили, а у меня одно дело: от одного к другому в гости езжу. Живу у дочки, а сын уже покоя не дает: "Дорогая мамочка, когда приедешь?" Та, у которой живу, не отпускает, а остальные тоже пишут: "Что нас забыла? Ждем!"

Сейчас самый младший из армии вернулся и говорит:

— Никуда тебя не отпущу, сиди со мной дома, я ведь самый маленький.

ВЕКСЕЛЬ

Девочку звали Саррой, она была дочерью очень богатых евреев. Кроме нее, было еще пять человек детей. Семья жила в провинции. Отец был крутого нрава, и дети его очень боялись, боялась его и жена.

Однажды отец вышел из дома, собираясь отправиться по какому-то делу, и, сунув руку в карман пиджака, вынул вчетверо сложенную бумагу.

— Эх, не хочется возвращаться! — сказал он. — Сарра, возьми этот документ, он очень важный, и отнеси в мой кабинет, — позвал он пробегавшую мимо него дочь. — Положи на письменный стол и придави книгой. Да не потеряй, а то голову оторву! — крикнул он вдогонку.

Сарра положила бумагу в карман платья и только было направилась к кабинету, как ее позвала старшая сестра посмотреть, какую ей подарил жених шляпку. Посмотрев подарок, Сарра увидела в окно, что во дворе собрались дети соседей и готовится интереснейшая игра. Забыв обо всем, она присоединилась к играющим. Бумага лежала в ее кармане, и она прыгала и играла до позднего вечера. Сброшенное ею на ночь платье горничная отнесла в стирку, а утром дала ей другое.

Садясь за чайный стол, отец удивленно спросил Сарру:

— Где та бумага, которую я тебе вчера дал?

Только сейчас Сарра вспомнила о ней.

Начались поиски, но Сарра хорошо знала, что они бесполезны: бумага была в кармане ее платья, и она ее не вынимала, а потом платье взяли в стирку. Несомненно, бумага размокла, и ее выбросили. Трясясь от страха, она во всем призналась отцу. Он посмотрел на нее и жестко сказал:

— Это был вексель на десять тысяч рублей. Через две недели я должен его опротестовать. Мне нет дела до того, что его нет, он должен быть. Достань где угодно... или...

Сарра закрыла глаза от ужаса. Отец никогда не грозил зря.

Начались дни бесцельных поисков и мук. Вначале этими поисками были заняты все в доме, но, поняв их бесполезность, — оставили. Сарра потеряла сон и аппетит. Она перестала играть с детьми, пряталась от всех в дальних уголках огромного сада.

Охотней всего она сидела в том месте, где их участок соприкасался с небольшим двором старой русской женщины. Та жила одна в бедной хибарке, хозяйства у нее не было, бегала только пестрая кошка и весело зеленел огород. Качали ветками три яблони, и пышно раскинулись кусты смородины. Женщина постоянно была занята делом на своем убогом дворе, но часто оставляла работу и, став во весь рост, молилась. Ее доброе лицо во время молитвы делалось еще

добрее, часто слезы текли из глаз, она не замечала их, а только осеняла себя крестом. Сарра в заборную щель наблюдала за ней, и, когда женщина молилась, Сарре делалось вдруг легко и радостно и страх перед отцом уходил, но вот женщина кончала молитву, и снова страшные мысли овладевали Саррой, и она шла на речку искать на ее берегах место, откуда она бросится в воду.

Как-то, когда было особенно тяжело, Сарра пришла в заветный угол сада и, повторяя движения женщины, попробовала молиться сама. Она не знала, как это делать, и, неумело крестясь, твердила:

— Русский Бог, помоги мне.

Потом она начала ему жаловаться на свое несчастье и снова просила помочь. Так она начала делать каждый день, что, однако, не мешало ей продолжать ходить на речку, где она предполагала окончить свою жизнь, так как расправа отца была для нее страшнее смерти.

Прошло две недели. Наступило утро рокового дня. Сарра не спала ни одной минуты и, как только рассвело, она оделась, оглядела спавших с ней в одной комнате сестер и тихо вышла из дома.

Солнце только поднималось, во дворе не было ни души, в такую рань все еще спали. Последний раз оглянулась Сарра на родной богатый дом, на сад, на большой двор, весь в надворных постройках, и пошла к калитке. Отбросив засов, решительно взялась за ручку.

Что это? В ручку продета свернутая вчетверо бумага. Сарра вынула ее и машинально развернула. Век-

сель... Неужели это тот, что отец дал ей две недели тому назад?! Но ведь он размок в кармане ее платья и его выбросили! Как же он мог попасть сюда?

Забыв страх перед отцом, забыв все на свете, Сарра с криком бросилась в спальню родителей. Всклокоченный, еще не очнувшийся от сна, отец выхватил из ее рук бумагу.

— Вексель, тот самый вексель! — закричал он на весь дом. — Где ты его взяла?

Трясясь всем телом, Сарра рассказала. Отец опять принялся рассматривать документ. Все правильно, ни к чему нельзя придраться, только он чем-то неуловимым отличается от пропавшего: как будто другая бумага, иной почерк.

В доме все проснулись и сбежались в спальню, радостные и возбужденные. Только Сарра не радовалась со всеми. Новое чувство чего-то великого и непонятного переполняло ее душу. Она опять ушла в свой уголок в саду.

— Это сделал Ты, русский Бог, — шептала она, и ей не хотелось идти домой, а хотелось сидеть здесь в тишине и думать об этом необыкновенном Боге, Который пожалел ее и сотворил чудо.

Днем отец Сарры опротестовал вексель и получил деньги. В доме было весело и шумно.

После этого события Сарра очень изменилась. Она стала серьезнее, молчаливее. Мысль о русском Боге не давала покоя. Но она знала, что для того, чтобы стать к Нему ближе, надо креститься. Набравшись смелости, она пошла к священнику и попросила окрестить ее.

Священник отказался:

— Вы, барышня, еще несовершеннолетняя, и без согласия родителей я не имею права это сделать.

Рассерженная Сарра пошла к другому священнику и тоже получила отказ, отказал и третий.

Легко им было говорить — согласие родителей. Сарра прекрасно понимала, что если бы она заговорила об этом с ними, то в ответ последовали бы только проклятия. Отец и мать были ревностные евреи, дед был раввином. Семья родителей была одна из самых уважаемых и богатых в городе, отец постоянно жертвовал на синагогу, и в доме у них жили, строго выполняя все требования иудейской веры.

В волнениях и тайных молитвах к русскому Богу прошел год. От подруги Сарра узнала, что недалеко от их города есть женский монастырь.

— Поезжай туда и проси игумению, чтобы тебя окрестили, — советовала подружка.

Сарра решила идти на этот шаг и порвать все с семьей. "Мне скоро шестнадцать лет, я не ребенок, проживу как-нибудь, Бог поможет".

Собрав все свои деньги (отец давал иногда) и кое-какие вещи, Сарра ночью убежала на вокзал. Доехав до нужной ей станции (монастырь находился в нескольких километрах от железной дороги), Сарра пешком пошла в монастырь. Она боялась, что если начнет нанимать извозчика, то это обратит на нее внимание, а как пройти в обитель, подруга ей рассказала, так как не раз бывала там с бабушкой.

В пути Сарре повезло: попались богомолки, шедшие туда же, они ей указали и как пройти к матушке игумении.

С бьющимся сердцем переступила Сарра порог игуменских покоев. Молодая послушница, с любопытством оглядев ее, пошла доложить матушке.

От волнения Сарра не могла стоять.

— Боже, помоги! Боже, помоги! — шептала она, повернувшись лицом к образу.

Не слыхала она за своей молитвой, как открылась дверь, вошла матушка и, остановившись, принялась рассматривать пришедшую. Наконец, под ее пристальным взглядом Сарра обернулась, протянула ей руки и с плачем упала в ноги.

Долго разговаривала с ней игумения. Рассказ Сарры тронул ее чуткое сердце. Но самостоятельно решить вопрос о ее крещении она не могла. Оставив девушку в своих покоях, игумения немедленно поехала к епископу.

Епископ был горячий и решительный.

— Крестите, мать, девушку и оставляйте у себя, а то дома ее со свету сживут. Делайте всё без огласки. Если родные приедут, девушку не отдавайте, грозить станут — посылайте ко мне.

Так и сделали, как сказал владыка, и родным, когда они приехали за Саррой, ответили так, как было велено.

Прошли годы.

Сарра никуда не уезжала из приютившего ее мона-

стыря, а вступила в число сестер обители и пошла трудным монашеским путем.

Умерла она схимонахиней (прожив в схиме много лет), передала этот рассказ одному священнику, который рассказал его моему знакомому, а тот — мне.

НЕЧАЯННАЯ РАДОСТЬ

Константинополь. 1921 год. Я и Надя живем в полутемной комнате, окно которой обращено на уборную.

Мы — эмигранты, бежали из России.

У Нади — маленький сын, которого ей удалось устроить в приют, а у меня — никого; муж убит на бронепоезде, и я одна во всем мире.

Вещи все прожиты, да у меня их и не было, я жила на Надины средства, но сейчас у нее ничего не осталось, и мы с ней вот уже три дня, как ничего не ели. Только сунем палец в соль, пососем и ляжем на нашу широкую общую кровать. Что делать? Надя иногда находит себе работу, потому что знает иностранные языки, а я не знаю, и меня никто не берет... Зато купить нас стараются многие, и мы так напуганы наглостью окружающих людей, что боимся всех, и упросили свою хозяйку, старую толстую турчанку, никого не впускать к нам. Даже адреса своего никому не даем, так боимся. Ведь нас недавно чуть не продали в публичный дом свои же соотечественники, а случайно спас французский офицер.

Как мне хочется умереть! Надя верит в Бога и в то, что наша жизнь обязательно изменится к лучшему.

Я в Бога верю тоже, только Он забыл нас...

Мне недоело лежать, опротивели грязные стены и, хотя я боюсь Константинополя, но встаю, надеваю свой единственный костюм и выхожу на улицу. Иду и пошатываюсь от слабости, но на воздухе мне лучше.

Вдруг кто-то хватает меня за руку. Коля! Товарищ мужа по бронепоезду.

Здороваемся, рассказываем о своих печалях. Он предлагает свести меня к знакомому купцу Н-ву, который открыл ресторан для эмигрантов, и попросить принять меня на работу.

— Эх, пока работа найдется, мы с Надей умрем от голода, ведь мы три дня ничего не ели, — вырывается у меня.

— Мария Николаевна, и вы молчите?! Вот, нате, возьмите, — волнуется Коля и сует мне лиру.

— А еще есть? — спрашиваю я.

Коля мнется:

— Допустим, нет.

— Тогда не возьму.

Мы долго препираемся и, наконец, делаем так: Коля покупает на всю лиру хлеба, одну треть его берет себе, а с двумя я бегу домой.

— Надя! — кричу я еще в дверях. — Хлеб!

Мы едим мягкую душистую булку и не можем наесться.

— Ангельский хлеб, — приговаривает Надя, набивая себе полный рот.

Она довольна и уже полна бодрости, а у меня опять тяжело на душе, и я не хочу идти к Колиному купцу:

мне так не везет в жизни, что, конечно же, и теперь постигнет неудача.

Все-таки Наде удается уговорить меня.

Я иду к Н-ву, но получаю от него холодный отказ: "Все места заняты". Ах, к чему было унижаться?!

Лежу и плачу... Наде опять посчастливилось найти работу, а я снова должна висеть на ее шее. Сколько еще может тянуться такое существование? Хватит! Мне остается один исход — Босфор. На дне его уже много таких, как я...

Эту ночь я сплю почему-то особенно крепко, а под утро вижу сон: темная комната, в углу — сияющий необыкновенным светом образ Царицы Небесной, и от Него — голос: "В эту пятницу пойди в церковь".

Просыпаюсь, на душе радостно, свято... Долго лежу и переживаю виденное, потом принимаюсь тормошить Надю:

— Послушай, какой я сейчас необыкновенный сон видела! Проснись, пожалуйста!

Надя трет глаза и ничего не понимает спросонок, но мой рассказ быстро приводит ее в себя.

— Какой дивный сон! — восторженно шепчет она. — Это Царица Небесная предвещает тебе что-то хорошее. Подожди, а нет ли в эту пятницу праздника?

Надя хватает единственную книгу, вывезенную из дома, "Жизнь Пресвятой Богородицы", и начинает быстро листать ее.

— Сегодня вторник, значит, в пятницу будет первое мая. Так это же день праздника в честь иконы "Нечаянная Радость"!

Весь этот день я хожу окрыленная надеждой. Но к вечеру снова приходит тоска. Что такое — сон, и разве можно ему верить? Только чтобы не расстраивать Надю, я иду в пятницу в нашу посольскую церковь.

Отошла литургия. Где же чудо? Чуда не было.

Иду домой и ничего не вижу от слез.

Вдруг над ухом — голос Коли:

— Мария Николаевна, я ищу вас по всему городу! Что за манера не давать никому своего адреса, я ведь с ног сбился, а сегодня сюда пришел, думаю: вдруг вы в церкви. Идемте скорее к Н-ву, он меня за вами послал.

— Опять идти к этому толстосуму? Ни за что!

— Но у него произошла какая-то перемена, он сам приходил ко мне и умолял найти вас.

Наконец, я соглашаюсь, хотя прекрасно понимаю, что из этого ничего не выйдет.

Н-в встречает нас, как самых дорогих гостей: приглашает в комнату, знакомит с женой, а потом говорит:

— Выслушайте меня, многоуважаемая Мария Николаевна, а затем судите, как хотите. Я вам отказал в работе потому, что все места официанток у меня были заняты, а другой работы у меня не было. Отказал и успокоился, ведь формально я был прав. Настала ночь, лег я спать, и снится мне, что стою я перед образом Царицы Небесной и слышу от него голос, да такой грозный, что я затрепетал: "Ты, — слышу, — не дал работы пришедшей к тебе женщине, она может

погибнуть, и ты будешь виноват". Проснулся я ни жив ни мертв: Сама Царица Небесная на вашу защиту встала! Едва утра дождался — и скорей к Николаю Петровичу пошел: "Приведите, — прошу его, — Марию Николаевну". А он отказывается, не знает, где вас искать. Уж так мы с женой волновались, сказать не могу, но, слава Богу, вы пришли! А я уж спланировал, что столы можно чуть потеснить в зале и еще один поставить, а два вынесем на улицу у входа, так что работа вам найдется, я очень прошу завтра же приступить к ней, я вас старшей официанткой поставлю.

Я слушаю и не все понимаю, а в душе растет что-то ликующее, мощное, недоступное уму — нечаянная радость...

ПАЛОМНИЧЕСТВО В ЛУРД

Лурд — небольшой город во Франции, вблизи испанской границы. В 1858 году здесь совершилось чудо, сделавшее его известным всему миру. Вот краткие сведения о происшедшем, извлеченные из книги Верфеля "Песнь о Бернадетте".

Февральским утром 1858 года четырнадцатилетняя девочка Бернадетта, дочь мельника Франсуа Субиру, пошла вместе с сестрой и подругой собирать валежник.

Вблизи города, в месте слияния реки Чав и небольшого ручья, возвышалась скалистая гора Масабиель, в которой находился большой грот. Сюда и пришли девочки за валежником. Но так как он попадался очень редко, то они перешли через ручей и пошли дальше, а Бернадетта задержалась на его берегу, чтобы разуться перед тем, как войти в воду. Вдруг взгляд ее случайно остановился на гроте, и в сумраке серого дня она увидела, что грот полон сияния и в этом море света стоит прекрасная Дева.

Сперва Бернадетта ощутила страх, но особенный — в нем были любовь и утешение. Потом она начала не отрываясь смотреть на Пресвятую Деву (еще не отдавая себе отчета в том, что это именно Она и называя ее про себя — Госпожа).

Но вот Пресвятая Дева подняла руку и сделала знамение креста. Тогда Бернадетта вынула свои четки, какие носили все женщины Лурда, и протянула их Небесной Гостье. Она улыбнулась, в Ее руке тоже были четки: нитка крупного жемчуга, достающая до земли, а на конце ее — золотое Распятие. Читая "Богородице Дево", Бернадетта увидела, что Госпожа молится только тогда, когда вспоминается имя Господне, и опускает жемчужину. После тридцатой молитвы Пресвятая Дева обещала прийти на другой день и стала невидимой.

Под большим секретом Бернадетта рассказала своей сестре о видении в гроте, та, тоже под секретом, — своей подруге, подруга — матери, и к утру уже все жители той улицы, на которой жили Субиру, знали о происшедшем.

Когда, по властному влечению сердца, Бернадетта пошла на другой день к Масабиель, за ней последовали несколько девочек и их матери.

Госпожа была уже в гроте. Кроме Бернадетты, Ее никто не видел. Но поведение девочки было так убедительно, что у пришедших с ней не было никаких сомнений в том, что та действительно видит Пресвятую Деву.

На третий день, когда Бернадетта собралась идти вновь, за ней потянулись уже все жители улицы, а на четвертый чуть ли не весь город пошел смотреть на чудесную встречу бедной девочки с Царицей Небесной.

Все присутствующие обращали внимание на то, что лицо Бернадетты во время этих встреч озарялось неземной красотой и все ее существо исполнялось величия.

Рассказы о Бернадетте волновали всю местность. В соседних долинах, деревнях и городах только и разговоров было, что о ней. И хотя Госпожа не назвала Себя, все говорили: "Это Она, Пресвятая Дева, явилась девочке".

В Лурд начали приходить и приезжать люди из других мест, чтобы увидеть все происходящее у горы Масабиель своими глазами.

После первых же явлений Госпожи гражданские, а также полиция, начали преследовать Бернадетту и требовать, чтобы она прекратила посещение грота. Несмотря на угрозы и на свой страх перед властями, Бернадетта категорически отказалась подчиниться им. Не лучше было отношение к ней и со стороны духовенства. Так например, когда, по велению Госпожи она пошла к благочинному Лурда, Пейрамалю, и сказала, что в Масабиель должна быть построена часовня и организованы к ней процессии, то благочинный выговорил ей много резких слов и грубо выгнал от себя.

В одно из Своих явлений Пресвятая Дева велела Бернадетте копать в гроте землю. Ничего не понимая, Бернадетта старалась

исполнить волю Госпожи и долго и неумело рыла песок, пока из-под него не появилась вода. К вечеру ее накопилось очень много. Кто-то из жителей углубил небольшую яму, сделанную Бернадеттой, и оттуда забил источник.

В четверг 4 марта 1858 года Пресвятая Дева в четырнадцатый раз явилась Бернадетте.

Двадцать тысяч людей собралось ко гроту из городов и деревень, чтобы видеть это небесное чудо.

Тридцать минут пробыла Пресвятая Дева в гроте и ушла, пообещав, что вернется вновь, но не скоро.

Очень тяжелая жизнь началась для Бернадетты. Ее мучали допросами светские и духовные власти, стремившиеся уличить ее во лжи; изводили любопытные, требовавшие повторения рассказов о ее встречах с Пресвятой Девой; пугали своим странным отношением родные, для которых она вдруг стала чужой и непонятной; мучило отчуждение школьных подружек и учителей.

А между тем количество воды в источнике, разрытом Бернадеттой, сильно увеличилось и начались случаи исцеления среди людей, пользовавшихся водой из него. Народ начал усердно посещать грот, среди посетителей было много приезжих, и слух о Лурдском источнике начал приобретать гигантские размеры.

Мэр города и полиция прилагали все усилия, чтобы воспрепятствовать популярности источника, но ничего не помогало.

Тогда вход в грот забили досками, а нарушителей, старавшихся проникнуть в него, арестовывали.

Прошло несколько месяцев. Бернадетта шла по улице, звонили колокола к вечерней службе. И вдруг она почувствовала, что Госпожа вернулась и ожидает ее. Забыв все на свете, Бернадетта бегом бросилась в Масабиель. Она бежала, не разбирая дороги, а за ней, все увеличиваясь, бежала толпа людей.

Подбежав ко гроту, Бернадетта опустилась на колени. Толпа остановилась, образовав вдали от нее огромный торжественный полукруг.

Госпожа стояла перед гротом (он был забит) прямо на грязной голой земле.

— Вы здесь последний раз? — спросила Ее Бернадетта.

Госпожа не дала ответа. Ее лицо говорило:

"Последний раз" — это не существует для таких, как Мы. Конечно, мы прощаемся надолго, ты останешься в мире, но и Я остаюсь в нем...".

Бернадетта смотрела, смотрела, стараясь запомнить и сохранить в себе все на всю жизнь. Она знала, что это было прощанье и что Госпожа давала ей запомнить Себя.

Наступила ночь. Свет от свечей, которые зажгли собравшиеся, делался все ярче, а облик Госпожи становился все бледней. Наконец, Ее не стало видно.

Встав с колен, Бернадетта повернулась к народу, но, сделав несколько шагов, потеряла сознание.

Несмотря на явные и многочисленные чудеса, светские и духовные власти долго не соглашались на открытие доступа к источнику. Потребовалось вмешательство самого Наполеона III, который дал распоряжение открыть грот после того, как водой, привезенной из Лурдского источника, был исцелен его сын.

Много мытарств прошла Бернадетта. Ее допрашивала специально созванная духовная комиссия, затем она была помещена в особый госпиталь, где за ее жизнью наблюдал сам епископ, и, наконец, отвезена в монастырь и пострижена в монахини. Там она провела подвижническую жизнь, полную тяжелого труда, болезней и притеснений со стороны не понимавших ее людей.

Умерла она светло и радостно, последние слова ее были: "Я люблю".

В Лурде над гротом была построена церковь. Начались каждодневные процессии, воду из источника развозили и рассылали по всему свету, количество посетителей исчислялось сотнями тысяч.

О паломничестве к нему и будет идти речь в нижеследующем небольшом рассказе[1].

---

[1] *"Посвщенив Лурда — писал в своих воспоминаниях митрополит Евлогий (Георгиевский), — привело меня к убеждвнию, что, двйствитвльно, это место благодатное, избранное Матерью Божией для благодеяний бедному человеческому роду"* ***(Митр. Евлогий. Путь моей жизни. М., 1994, с. 525).***

+ + +

Здоровье мое становилось все хуже. Муж не жалел для меня денег, и у нас перебывали все медицинские знаменитости Парижа. Приглашали даже какого-то индусского врача, который лечил меня особым видом массажа — он босой ходил по моей спине, нажимая на какие-то, ему одному известные, нервные узлы. Ничего не помогало... Нос мой распух и страшно болел от непрекращавшегося уже несколько лет насморка, и мне приходилось пользоваться уже не платками, а специальными полотенцами, чтобы вытирать прозрачную жидкость, которая беспрерывно текла из него. Я почти никуда не выходила, кроме церкви, и лежала дома.

Однажды я проснулась в особенно подавленном состоянии. Подушка моя была мокрой от натекшей за ночь жидкости, мокрыми были сорочка и простыни.

— Мишель, — сказала я мужу, — моих сил больше не хватает! Земные врачи мне не помогли, и я иду в Лурд просить помощи у Царицы Небесной.

— Ты с ума сошла! — пришел в ужас муж. — Это не Россия, где люди ходят по святым местам пешком, это — Франция. Тебя засмеют, арестуют по дороге. И, наконец, с кем ты пойдешь?

— Я пойду с Петром Константиновичем.

— Кто это такой?

— Старичок, русский. Отпусти меня!

— Сначала я должен с ним познакомиться, узнать,

что он за человек, да и согласится ли твой Петр Константинович на такой сумасбродный поступок?

— Согласится! — уверяла я, но в душе сомневалась, так как с Петром Константиновичем даже не была знакома и пришел он мне в голову потому, что накануне я его видела в нашей церкви и он меня очень заинтересовал своим поведением. Я расспросила о нем жену писателя Зайцева и узнала следующее.

Петр Константинович —сын русского генерала Иванова. В молодости он отличался необыкновенной красотой, считал себя писателем и атеистом и пользовался большим успехом у женщин. Женившись на одной из Морозовых, он взял за женой большое приданое, которое принялся проматывать с чрезвычайной легкостью.

Вращался он в среде писателей, артистов, художников, устраивал у себя литературные среды, на которые съезжался весь артистический цвет, много помогал начинающим талантам и просто способной молодежи и слыл меценатом.

После революции все изменилось — имущество было конфисковано, жена и дочь умерли от голодного тифа, родные и друзья — одни погибли, другие разбрелись по всему свету. Для Петра Константиновича начался период страшных лишений. Наконец, в 1927 году он уехал к брату в Берлин, а оттуда вместе с ним — в Париж.

В Париже брат дал Петру Константиновичу у себя на квартире маленькую каморку, распорядился, чтобы ему ежедневно выдавали тарелку супа, и на этом счел свои заботы исчерпанными.

Чтобы кое-как существовать, Петр Константинович давал уроки русского языка, а в свободное время читал. Читал он много и в основном интересовался вопросами религии, философии и истории. Еще в России его мировоззрение начало меняться, а в Париже он стал глубоко верующим человеком и, желая выразить свою любовь ко Христу, принял на себя подвиг помощи больным русским эмигрантам и ухода за ними. К этому времени он на семьдесят процентов лишился слуха.

В то время среди русских эмигрантов с необычайной силой свирепствовал туберкулез. Болела главным образом молодежь — бывшие гимназисты, кадеты, юнкера, студенты, солдаты, увезенные белыми генералами за границу.

Попав в чужую сторону без родных, без знания языка, без денег и специальности, молодые люди погибали. Они не могли стать ни конторщиками, ни продавцами, не говоря уже о более квалифицированных специальностях. Единицы попадали на фермы, а большинство шло на самую вредную работу в шахты или на заводы, где при самом изнурительном труде получали минимальную плату. Ее с трудом хватало на бедный угол и убогий стол где-нибудь в низкопробных харчевнях Парижа. Если к этому прибавить сознание полной бесперспективности, тоску по семье и родине, то станет вполне понятно, почему туберкулез косил эти молодые жизни.

Некоторые из более предприимчивых и знающих французский язык делались шоферами такси и одно-

временно учились, стараясь получить высшее образование и таким путем завоевать право на обеспеченную жизнь. Но в тех условиях, в которых они жили, это было невероятно трудно, и выдерживали в основном те, которые приехали с родителями, или же сумевшие жениться на состоятельных невестах.

Когда эти молодые люди заболевали, их увозили в госпитали для туберкулезных. Уход за ними поручался сестрам милосердия, большей частью девушкам без моральных устоев, которые пришли работать в госпиталь, привлеченные надеждой найти среди больных подходящего мужа. К таким больным они проявляли внимание и заботу, к больным же, которые не представляли собой для них никакого интереса, они были грубы и бессердечны.

Вот к таким, никому не нужным людям, и стал приходить Петр Константинович. Некоторых ему удавалось спасти от смерти, но очень немногих, так как личных средств у него не было и приходилось идти на сложные уловки, чтобы достать деньги и вырвать человека у смерти. Но если он редко спасал физически, то духовно старался поддержать всячески: и добрым словом, и тем, что приводил священника, а если его опекаемые отказывались от исповеди и причастия, то он все равно не оставлял их, ежедневно навещая и принося то яблоко, то кусочек шоколада, то просто свою ласку родного русского человека.

У него была особая книжечка с адресами всех парижских госпиталей, в которых лежали русские эмигранты. Приходя в госпиталь, он предъявлял свой ман-

дат (выданный ему французским правительством на право ежедневного посещения русских больных в любое время дня) и просил дать списки больных. Из них он выписывал в свою книжку имена всех русских и не оставлял уже их до момента их смерти или выхода из госпиталя, но выйти оттуда пришлось немногим...

Всех умерших он вносил в длинный синодик, имевшийся у него, и поминал в церкви. За таким занятием я и увидела его в первый раз: он стоял на коленях возле поминального столика, где священник служил панихиду, и, весь поглощенный своим занятием, читал длинный список умерших. Когда окончилась первая панихида и началась другая, он вновь опустился на колени и возобновил прерванное чтение.

Вот, вспомнив его в трудную минуту своей жизни, я и подумала, что такой человек может быть моим спутником в Лурд.

О своем плане относительно Петра Константиновича я рассказала жене Зайцева и попросила нас познакомить. Через несколько дней знакомство состоялось, и я получила согласие Петра Константиновича.

В то время Петр Константинович был представительным пожилым мужчиной с прекрасными манерами и красивой внешностью; ему было пятьдесят четыре года, но выглядел он почти стариком. Одет он был в очень потертый, но опрятный костюм, а стоптанные ботинки были начищены до блеска.

Решено было, что до Дакса мы с Петром Константиновичем доедем по железной дороге, а остальную

часть пути до Лурда (сто шестьдесят километров) пройдем пешком.

Я надела высокие ботинки на толстой подошве, простой дорожный костюм, за спину — рюкзак, а в корсаж юбки зашила деньги, данные нам на дорогу мужем.

Мы выехали солнечным июльским утром и к концу дня прибыли в Дакс. В поезде было очень жарко, а когда мы вышли из вагона, нас охватил аромат цветов и скошенного сена. Хотелось двигаться, и, соблазненные прекрасным шоссе, проходившим мимо вокзала, мы решили не останавливаться на ночь в Даксе, а сразу двинуться в дальнейший путь.

Дорога была очень живописной; мы оживленно разговаривали с Петром Константиновичем, несмотря на его глухоту, и совсем не заметили, как летние сумерки быстро сменились ночью. Мы стали плохо различать дорогу, которая привела нас в лес. Это было полной неожиданностью и не совпадало с тем планом местности, которым мы предусмотрительно запаслись в Париже. Но возвращаться обратно нам не хотелось, и мы вошли под густой покров деревьев. Тьма была полная, и идти приходилось ощупью.

Вдруг вдали блеснул яркий свет костра, послышались голоса и звуки музыки. Ничего не понимая, мы пошли на огонь и вышли на очень большую поляну, на которой ярко пылали костры и шумно веселились собравшиеся люди. Нас моментально окружила пьяная развеселая толпа черноглазых и черноволосых мужчин и женщин, говоривших на непонятном языке.

Наконец, мне удалось выяснить, что это были баски, собравшиеся на ежегодную лесную ярмарку. Я попросила их указать нам ближайшую гостиницу, и, с трудом выбравшись на дорогу, мы пошли по указанному направлению.

Вскоре засверкал огонек, и мы подошли к дому, одиноко стоявшему на дороге. Очень обрадовавшись, что, наконец, нашли приют, мы радостно вошли внутрь, но, открыв дверь, я невольно попятилась обратно: в плохо освещенной комнате находилось пять пьяных мужчин с физиономиями, мало внушавшими доверие. Но так как делать было нечего, я переступила порог и объяснила им, что для меня и месье нужны две комнаты для ночлега.

— Почему две комнаты, а не одна? — захохотали мужчины. — Вы — красивая женщина, а месье еще в соку, — кричали они, поднося поочередно фонарь то к моему лицу, то к лицу взволнованного Петра Константиновича.

— Что они говорят? — спрашивал он, ни слова не понимая из нашего разговора (он не знал по-французски), но тон мужчин и их поведение сильно беспокоили его.

Стараясь быть спокойной, я продолжала настаивать на своем, мужчины хохотали и говорили сальности, а Петр Константинович вдруг стал громко шептать молитвы.

— А куда это вы направляетесь? — поинтересовался хозяин. Услыхав о цели нашего путешествия, он сначала удивленно посмотрел на нас, потом что-то сказал

своим товарищам, и они, корчась от смеха, принялись издеваться над нами:

— Вы слышали — идти пешком к этой гипсовой статуе, ну и чудаки!

Наконец, насмеявшись вволю, хозяин сказал:

— Хорошо, я дам вам две комнаты, если вы так настаиваете, только надо подождать мою жену, она скоро вернется с ярмарки.

Действительно, через очень короткий срок дверь отворилась, и на пороге появилась хозяйка, высокая толстая женщина с грубым лицом. Она была еще пьянее мужчин. Хозяин что-то сказал ей по-баскски и указал на нас.

И вот тут началось что-то невероятное: женщина кричала, топала ногами и лезла с кулаками на мужа, а тот не оставался в долгу. Его товарищи приняли самое горячее участие в начавшейся перебранке, и вскоре я почувствовала себя как бы захваченной смерчем криков и воплей. Не имея возможности ничего предпринять, я тихо сидела на стуле и крепко держала за руку Петра Константиновича, который не прекращал молитвы. С трудом разбираясь в баскском наречии, я кое-как поняла, что хозяйка не хочет давать простыни на одну ночь.

Наконец, спор прекратился. Хозяйка повела меня наверх и уложила на широчайшую кровать в комнате без дверей, а Петру Константиновичу отвели внизу какой-то чуланчик.

Я долго не могла уснуть, сначала от возобновившейся перебранки, а потом от оглушительного храпа

уснувших людей. К утру усталость сморила меня, и, хотя я была уверена, что меня ночью убьют или обокрадут, я уснула.

Проснулась я раньше всех и сошла вниз. Скоро пришла хозяйка и стала топить печь, потом поднялись хозяин и его работники. Я попросила дать кофе и разбудить Петра Константиновича, так как мне хотелось поскорее уйти из этого неприятного дома. Хозяйка пошла за ним, но скоро вернулась.

— Я посмотрела в щелочку, месье молится, и я не стала его беспокоить, — сказала она.

Подождав минут двадцать, она вновь пошла за ним и вернулась со страшно удивленным лицом:

— Он все еще молится.

После этого она еще несколько раз подходила к его двери и, возвращаясь ко мне с сообщением, что "месье все еще молится", с каждым разом становилась все тише и серьезнее.

Наконец, Петр Константинович вышел. Мы мирно напились кофе, и мне пришлось еще раз рассказать хозяевам, куда и зачем мы идем. Они так искренно недоумевали, слушая меня, что я едва удерживалась от смеха. Но они еще больше удивились, когда Петр Константинович раскрыл свою необъятную книжку и предложил им назвать свои имена, чтобы он мог помолиться и за них Пресвятой Деве. А когда он выразил желание записать и имена их умерших родителей, то восхищение этих людей стало беспредельным. Расставались мы друзьями: нам желали счастливой дороги, приглашали зайти на обратном пути

и всей семьей вышли провожать за ограду. В это время по дороге ехали какие-то баски, и хозяин с хозяйкой принялись горячо объяснять им, какие мы замечательные люди и что мы будем молиться о них Святой Деве.

Много приключений было на нашем пути, всего не расскажешь, и у всех мы вызывали недоумение или насмешку своим пешим паломничеством, но, в конце концов, мы со всеми расставались дружески.

Но вот мы достигли Лурда.

Нам очень не хотелось останавливаться в гостинице, и мы сняли две маленькие чистенькие комнаты у милых интеллигентных старушек. Хозяйки прониклись к нам необыкновенным почтением, решив почему-то, что мы принадлежим к бывшему царскому дому Романовых и путешествуем инкогнито. Как мы ни старались разуверить романтически настроенных дам и доказать, что мы самые простые люди, они только многозначительно кивали головами и продолжали оставаться при своем мнении.

На другой день мы пошли ко гроту рано утром. Множество людей стояло на коленях и на всех языках молилось Той, от Которой ждали избавления от своих скорбей.

— Молитесь за меня, Петр Константинович, — попросила я своего спутника и, опустившись на колени, закрыла глаза, чтобы сосредоточиться на молитве.

Не знаю, долго я молилась или нет, только странный лязгающий звук отвлек меня от моего занятия. Я открыла глаза, и слова молитвы прекратились —

мимо меня длинной чередой тянулись ручные повозочки, колеса которых издавали привлекший мое внимание лязгающий звук. Их катили братья милосердия, мужчины из привилегированного общества, а в повозочках лежали больные, привезенные в Лурд для исцеления. Но что это были за больные! Парализованные, слепые, с водянкой головы, с гноящимися лицами, искалеченные различными болезнями уроды. Казалось, весь мир прислал сюда своих страдальцев. Я одеревенела, я не могла перевести дыхания от ужаса при виде этой картины человеческого страдания, проплывавшей перед моими глазами. "Какие страшные муки они испытывают, с чем можно сравнить их страдания, и с каким пустяком пришла к Божией Матери я! Какой стыд! Какое у меня право на Ее милосердие рядом с этими мучениками?" — пронеслось в моей голове, и, схватив за руку погруженного в молитву Петра Константиновича, я закричала ему в ухо:

— Не смейте молиться за меня, а молитесь за них, — и я показала на дребезжащие повозочки.

Петр Константинович понял мое состояние, и мы долго стояли с ним на коленях, молясь за страдающих.

Прошло еще два дня. Было утро, и опять, смешавшись с толпой молящихся, мы стояли возле грота и молились. Но на этот раз тишина и покой святого места были нарушены тем, что на самом видном месте стоял грузовик с установленным на нем аппаратом для киносъемки, а вокруг суетились оператор, режиссер и их помощники. Грузовик мешал и теснил молящихся.

Вдруг из их толпы отделился молодой, хорошо одетый человек и пошел по дорожке. По тому, как он шел, было видно, что он слепой. И в тот момент, когда он поравнялся с грузовиком, тот дал задний ход, и если бы я не успела схватить слепого за руку, его бы раздавило. Не поняв моего движения, Петр Константинович испуганно крикнул:

— Что вы делаете?!

А в ответ ему раздался радостный голос слепого:

— Боже мой! Вы русские!

Страшно взволнованная, я схватила обоих мужчин за руки и, с трудом выбравшись из толпы, села с ними на первую попавшуюся скамейку. Начались беспорядочные взволнованные вопросы и ответы с обеих сторон, причем, при глухоте Петра Константиновича, мне надо было все, что я узнавала о нашем новом знакомом, кричать ему в ухо.

Наконец, выяснилось, что он — бывший русский офицер, работал на заводе, ослеп, а потом долго болел туберкулезом и лежал в одном из госпиталей Парижа.

— В каком госпитале вы лежали? — перебил рассказчика Петр Константинович, вынимая свою знаменитую записную книжку.

Молодой человек назвал адрес.

— Постойте, постойте, — засуетился Петр Константинович, — тогда я вас должен знать. На какой койке вы лежали?

— Я лежал на койке Лапер № 5.

— Лапер? На ней лежал Петров, и он умер от туберкулеза.

— Вас неправильно информировали — я не умер и хорошо вас помню. Вы не раз приходили ко мне и уговаривали примириться с Богом, но я так был ожесточен против Него, что не хотел даже разговаривать с вами и при ваших визитах отворачивался к стене. Ведь я потерял все: родину, семью, здоровье, и состояние у меня было ужасное. Как-то по госпиталю разнесся слух, что маркиза де Полиньяк дала обет своему духовнику отвезти на свой счет небольшую партию безнадежно больных в Лурд. Меня даже не спросили о согласии, а просто положили и повезли. Здесь я исцелился от своей смертельной болезни. Маркиза так была счастлива, что обещала содержать меня до конца моих дней. Но я переселился в Лурд, научился здесь плести летнюю мебель, стал хорошо зарабатывать и отказался от помощи маркизы. Я очень счастлив, но больше всего я счастлив тем, что прозрел духовно, и, если я не исцелюсь окончательно, то жалеть об этом не буду, так как мое духовное прозрение сделало совсем другим мой внутренний мир.

Петров пригласил нас посетить его. Мы были у него несколько раз и очень подружились.

— Я верю, что Пречистая Дева вернет мне глаза, как вернула здоровье, — сказал он нам на прощанье.

Из Лурда мы вернулись поездом, и, если я там не исцелилась телом, то исцелилась душой.

ПСАЛТИРЬ

Как-то вечером к нам зашел Петр Константинович и спросил, не пойду ли я с ним читать Псалтирь над покойником.

Я тогда уже была преисполнена желанием служить ближним, и с радостью откликнулась на его предложение.

Петр Константинович взял на себя это поручение совершенно случайно: в церкви, куда при нем прислали за чтецом Псалтири, уже никого не оказалось из причта, и, так как положение было безвыходным, он предложил свои услуги.

— Это недалеко от вашей квартиры, мы дойдем пешком, — предупредил меня Петр Константинович.

Мужа не было дома, я быстро собралась, и мы, действительно, в очень короткий срок подошли ко красивому дому и вошли в богато обставленную квартиру.

Нас встретили три изящно одетые дамы, которых, видимо, смутил наш "непрофессиональный" вид. Они провели нас длинным коридором в ту комнату, где лежал покойник. Он умер несколько часов тому назад, но уже успели уложить его в гроб, покрыть парчой и зажечь толстые восковые свечи.

Введя нас в комнату, дамы быстро ушли, и мы остались вдвоем с Петром Константиновичем.

Уже наступил вечер. В комнате горел электрический свет, сквозь спущенные шторы приглушенно доносился уличный шум. Открыв Псалтирь, Петр Константинович начал громко читать, а я поминала усопшего.

Прошел приблизительно час, и вдруг я почувствовала, что мне делается страшно. Сначала я боролась с этим чувством, так как от природы была не из робких, но страх овладева́л мною властно, а тут я еще услыхала, что Петр Константинович начал тяжело дышать, с шумом выдыхая воздух. Потом, передернув плечами, он повернул ко мне лицо и спросил:

— Надежда Андреевна, вы ничего не чувствуете?

— Мне жутко, — ответила я. — И, кроме того, мне кажется, что на меня наседает кто́-то.

— Вот то же и со мной делается. Но ничего, почитаем еще.

И Петр Константинович опять принялся за чтение.

Но мне делалось все невыносимее. Казалось, что комната наполнилась невидимыми существами и что они подбираются ко мне. Петр Константинович тем временем отдувался все чаще и чаще, как от большой тяжести, и, наконец, повернувшись ко мне, сказал:

— Не могу больше, надо уходить, мы все равно не выдержим, их слишком много.

Взяв Псалтирь, мы быстро вышли из комнаты. Было около двенадцати часов ночи.

Дамы нас благодарили, а мы не знали, как бы

скорей выйти из дома, и, даже очутившись на улице, мы долго не могли прийти в себя.

— Крепко они за него держатся, — сокрушенно качал головой Петр Константинович. — Обязательно надо узнать, что это был за человек.

Прошло несколько дней. Петр Константинович зашел ко мне и, многозначительно кашлянув, сказал:

— Тот покойник, над которым мы читали Псалтирь, был очень видным масоном.

ЛЕОНИД ЛЕОНИДОВИЧ

— Зайдемте к нам, Шурочка, я давно хочу познакомить вас с папой, — пригласила меня Вера Леонидовна Залесская. Она была секретарем директора института, в котором я училась, а жили мы с ней недалеко друг от друга в дачном поселке под Москвой.

Вера Леонидовна была симпатичная, кокетливая, но уже немолодая.

Мне очень не хотелось принимать приглашение, так как в поселке говорили, что старый Залесский "нравный", но отказаться не было никакой возможности.

Мы подошли к большой комфортабельной даче. В комнате нас встретил сильно согнутый старик со сморщенным, гладко выбритым лицом и насмешливыми глазами. На голове у него была надета шапочка из теплой материи.

— Приношу свои извинения, но вынужден ходить в этой тиаре, — знакомясь со мной, сказал Леонид Леонидович и быстро сдернул с головы шапочку.

Я тихо охнула — под ней был голый блестящий череп.

Залесские занимали две большие красивые комна-

ты, неуютно обставленные когда-то модной мебелью. На стенах висело много выцветших фотографий, большой портрет покойной матери Веры Леонидовны.

Мы сели за чайный стол. Было трудное время, но у Залесских чувствовался полный достаток во всем. Вера Леонидовна подала ветчину, сыр, нарезала белый батон и заварила торгсиновский чай, но, несмотря на это, я почувствовала, что взять второй бутерброд я не могу, да мне и не предложили...

Мы очень приятно провели время: Леонид Леонидович был интересный собеседник, веселый и остроумный, только меня сильно коробила излишняя вольность его языка.

На прощанье он мне сказал:

— Я человек прямой и поэтому прямо говорю вам: приходите к нам как можно чаще.

В то время я жила одна, знакомых в поселке у меня не было, и я стала бывать у Залесских. Жили они замкнуто, во всяком случае, кроме сестры Леонида Леонидовича и ее семьи, я у них никого не встречала.

— Папа под старость стал к людям очень требовательным и всех от себя отвадил, — объяснила мне Вера Леонидовна, — а я страшно люблю общество и всякие развлечения.

Иногда, разыскав меня в институте, она просила:

— Шурочка, посидите сегодняшний вечер с папой, а то Виктор Николаевич пригласил меня на "Пиковую даму".

Я соглашалась, и мы с Леонидом Леонидовичем

коротали вечер вдвоем. Он кипятил чайник, ставил на стол все необходимое для чаепития и с удовольствием предавался воспоминаниям:

— Я родился в сорочке, и мне всю жизнь везло. На службе я занимал большой пост, через мои руки прошли огромные финансовые операции. Ухо надо было держать востро, а то вокруг пальца могли обвести. Большая часть дел начиналась у меня в служебном кабинете, но заканчивались они, как правило, у "Яра" или в другом злачном месте. Здесь ставилась последняя точка. Случалось, что вся сделка проходила под звон бокалов и звуки румынского оркестра... Пил я сначала осторожно, потом стал терять меру, и начались у меня промахи.

— А зачем вы пили? — удивлялась я.

— Без этого, Шурочка, нельзя было, тогда бы ко мне доверия не имели. Они пьют, и я им уступать не должен: трезвый пьяному не товарищ. Не знаю,как бы я кончил, потому что меня из ресторанов стали привозить домой мертвым телом, но нашелся один старик лакей в "Праге", он за хорошие деньги открыл мне секрет, как можно в компании много пить и не быть пьяным. Только благодаря этому секрету я и спасся. Да, и попито, и поедено, и погулено вдоволь... Чего я только ни видел и где ни бывал... А сколько денег было, эх! Дом в Москве имел, дачу в Крыму, свой выезд... Было — и прошло, как вешняя вода... Ну, да это все пустое, а вот когда подумаю, что безносая за мной придет, так за сердце схватит.

— Какая безносая? — не поняла я.

— Смерть, — прошептал Леонид Леонидович и опустил голову.

Узнав, что на время летних каникул я собираюсь поехать в Крым, Леонид Леонидович остался недоволен.

— Ну, к чему это? Здесь на даче — чудный воздух, в пруду можно купаться, а вы уезжать вздумали. Я Веру от себя никуда не отпускаю. Да, собственно говоря, я и замуж ее не пустил... А женишки-то были...

Осень прошла благополучно, а зимой Леонид Леонидович начал прихварывать. У меня шла зимняя сессия, и я долго не была у Залесских. Наконец, когда экзаменационная горячка осталась позади, я пришла к ним.

— Шурочка, как я вам рада, — целуя меня, сказала Вера Леонидовна. — А папа все болеет.

Мы вошли в комнату. Леонид Леонидович сидел в кресле, нахохлившись и еще более согнувшись. Нос у него заострился, лицо было измученное.

— Что, красивым я стал? — спросил он, пожимая мне руку.

Я попробовала уверить, что он такой же, как и всегда, но Леонид Леонидович покачал головой:

— Не обманывайте, сам понимаю, что плох. Ах, безносая, безносая, так вот и подбираешься ко мне поближе!

В его глазах блеснул страх. Вера Леонидовна нежно погладила отца по плечу:

— Ну, папочка, какие ты глупости говоришь! Еще

долго проживешь. Я сегодня звонила Николаю Никандровичу, он завтра к тебе опять приедет.

— И что там твой Николай Никандрович понимает! Привык бешеные деньги за визит получать, а толку — чуть. Хотя, впрочем, пусть приедет, может, на этот раз что-нибудь толковое скажет. Да, знаешь, Верочка, кто ко мне сегодня пожаловал?

— Кто?

— Поп здешний. Я, говорит, узнал от вашей сестрицы, что вы хвораете, и зашел проведать, не желаете ли, дескать, причаститься? Ну, я его пуганул: если, говорю, надо будет, я вас сам позову, а накликать смерть раньше времени не стану. А он свое: причастие не смерть вещает, а жизнь. Такой бестолковый! Ладаном от него разит — мóчи нет, всю комнату продушил. А так, видно, попик душевный, но не терплю я их. И этот о смерти толковать принялся, о том, что к ней надо готовиться, а я вот не желаю умирать, а жить хочу! — Леонид Леонидович топнул ногой.

Раздался звонок. Пришла сестра Леонида Леонидовича с мужем и двумя взрослыми сыновьями. Начался оживленный разговор.

Уютно светила лампа под большим абажуром, искрилось в бокалах вино. Настроение у всех было хорошее, Леонид Леонидович тоже оживился.

— Дядя Леня, вы сегодня молодцом, — сказал старший племянник.

— Да, мне как будто получше стало, — согласился Леонид Леонидович. — И я так рад, что вы все к нам

собрались... Все хорошо, только зачем безносая опять вон там в углу появилась?! — вдруг истерически закричал Леонид Леонидович и беспомощно заплакал.

Мы все растерялись, а потом принялись бестолково утешать — но он махнул рукой и, пошатываясь, ушел в свою комнату.

В одно из моих посещений Леонид Леонидович спросил меня:

— Вы можете взять себе все мои образа, которые стоят в киоте?

— Могу, - ответила я.

— Прекрасно! Вера — атеистка, и после моей смерти образа сожжет, а это грех. Вы — верующая, вот и берите их на свою ответственность, а за меня извольте Богу молиться.

Я принялась осторожно, один за другим вынимать образа из книота и складывать на приготовленную салфетку. Леонид Леонидович некоторые из них брал в руки, долго смотрел, вспоминал что-то, потом стал сильно плакать:

— Конец, скоро конец!

Спустя неделю Леонид Леонидович умер. Перед смертью он упорно толковал о новых лекарствах, быстро снижающих давление.

Хоронил его тот самый священник, который предлагал ему причаститься. Отпевая, он с необыкновенной настойчивостью вымаливал прощение грехов "новопреставленному Леониду".

Прошло еще несколько дней. Опять я ночевала у Веры Леонидовны. Было одиннадцать часов ночи. Лежа на своих постелях, мы переговаривались с ней, за стеной слышались голоса соседей. Но вот Вера Леонидовна пожелала мне спокойной ночи и затихла. Я лежала на спине и строила планы на завтрашний день. Вдруг от закрытого плотной шторой окна на меня пахнуло холодом, будто открыли дверь в глубокий погреб. Я удивленно огляделась. В комнате было совершенно темно, а холод делался ощутимей и приближался ко мне. Стало жутко, и вдруг в его веянии я ощутила присутствие Леонида Леонидовича. Он медленно двигался к дивану, на котором я лежала. Меня охватил ужас. Я хотела крикнуть, позвать Веру Леонидовну, но сразу вспомнила ее слова, что от прихода мертвого отца она сойдет с ума. Мне было слышно, как она ворочается на кровати, доносился разговор у соседей, но я не смела крикнуть.

А Леонид Леонидович подходил ближе и ближе... Вскочить и бежать я не могла, тело было как парализованное, только губы с трудом шептали все молитвы, которые я знала наизусть. Волосы не только на голове, а на всем теле стали у меня дыбом.

Вот Леонид Леонидович в ногах дивана, вот дошел до его середины... Губы мои тоже перестали двигаться. Леонид Леонидович подошел вплотную, остановился. Я лежала в дикой муке... Но вот он стал медленно отходить и ушел в закрытое окно, как и пришел.

Я не шевелилась, только волоски на теле, причиняя мне колющую боль, опускались.

Так прошло больше двадцати лет. И вот в очень тесной компании друзей я, наконец, рассказала о Леониде Леонидовиче и его явлении после смерти.

Меня слушали с напряженным интересом и забросали вопросами:

— Чем вы объясняете приход Леонида Леонидовича?

— Только тем, что он страстно любил жизнь.

— Он умер в той комнате, где вы спали?

— Нет. За полгода до смерти он перешел в комнату дочери и умер на ее кровати.

— Не думаете ли вы, что он пришел лично к вам?

— Зачем? Он просто стремился к тому месту, где жил.

— А я полагаю другое, — сказал все время молчавший отец Андрей. — Судя по рассказу, Леонид Леонидович очень любил жизнь и прожил ее только в свое удовольствие. Состарившись, он стал бояться смерти, но к переходу в другой мир не готовился, можно сказать, думать о нем не хотел, даже отверг предложенное причастие. Находясь при жизни в духовной тьме, он ушел после смерти в тьму кромешную, и вот в ужасе загробных терзаний пришел именно к вам, Александра Кондратьевна, единственному человеку, который мог помолиться о его несчастной душе, недаром он вам и образа оставил. Ужас парализовал вас. По своей молодости и неопытности, вы ничего не поняли и только смертельно испугались. От вас же требовалось одно: молитва о грешной, страдающей душе... Начинайте молиться о Леониде Леонидовиче теперь, потому что молиться никогда не поздно.

ОРДЕР

В начале тридцатых годов в Москве с жильем было очень трудно.

Мы снимали большую комнату за городом у вышедшего из моды писателя, который имел прекрасную квартиру на Спиридоновке, а старую двухэтажную дачу сдавал жильцам.

В это время для загородников самой большой сложностью было отопление. Теоретически дело решалось просто: местные дровяные склады должны были снабжать население дровами и торфом. Но практически получалось так, что они постоянно стояли пустые.

Старожилы поселка и те, кто имел деньги или входивший в силу блат, приобретали топливо, минуя склады, а такие, как наша семья и ей подобные, готовили и обогревались керосинками. Хорошая керосинка для загородников того времени была драгоценнейшей вещью, но приобрести ее можно было лишь по ордеру или с рук за баснословную цену.

Москвичи подобных мытарств не знали, так как к их услугам было центральное отопление, а не имевшие его снабжались углем и дровами.

На писательской даче в числе прочих жильцов жил П. А. С., холостяк лет сорока семи, артиллерийский

офицер царской армии, отбывший за свое прошлое несколько лет ссылки. Возможно, в силу этого он работал скромным бухгалтером в какой-то артели. Внешне он был представительный, отличался физической силой, и при этом чуть ли не заикался от застенчивости, вообще напоминал неуклюжего доброго ребенка. Жил замкнуто, но наша мама сумела найти доступ к его сердцу и взяла под свою опеку.

— Он — математик, хорошо образован, владеет языками, — рассказывала нам мама, — верующий глубоко и несокрушимо. Его младший брат — священник, он в лагере, еще есть больная сестра в Пензе. Он им обоим помогает.

Как-то за ужином она нам внушительно сказала:

— У соседа несчастье — артель, в которой он работал, прогорела. В несколько мест ходил наниматься, но ничего не вышло. Недотепа он... Ну-ка, помогите ему устроиться!

— Мамочка, у нас в отделе снабжения есть место, но мне неловко предлагать его твоему протеже, – сказала я.

— А какое?

— Место моего помощника.

Как я и ожидала, все разразились смехом. Мне самой было смешно и совестно представить П. А. в такой роли.

— Ну, насмешила, — сказала мама. — Самой двадцать четыре года, в работе едва разбираешься — и П. А. у тебя помощник... А все-таки скажи, как эта должность называется?

— Он будет числиться счетоводом с окладом, — и я назвала сумму.

Мама ушла и вскоре вернулась со смущенным соседом, который с радостью принял мое предложение.

В нашем отделе П. А-ч вначале вызывал недоверие и удивление своей военной выправкой и хорошими манерами, но его смирение покорило всех, к нему привыкли, стали уважать, хотя, говоря о нем, некоторые сотрудники многозначительно вертели около лба пальцами.

Сидел П. А. отдельно от всех в маленьком полутемном чуланчике, который сам себе облюбовал, и работал так усердно, что даже желчный заведующий отделом был им доволен. О себе уж не говорю: он исправил все мои промахи и так наладил работу, что за его широкой спиной я могла ни о чем не беспокоиться. Особенную симпатию П. А. вызвал у всех трех сотрудниц нашего отдела, которым я кое-что рассказала о его трудной жизни.

Наступила зима. Домой я зачастую возвращалась поздно и, проходя во дворе мимо окон П. А., всегда видела на потолке его комнаты розоватый отсвет от горящей керосинки, которой он обогревался. Но вот уже три дня, хотя морозы крепчали, керосинка в его комнате не горела.

— Какой странный П. А., — сказала я маме, придя домой. — На улице не меньше двадцати градусов, а у него третий день не горит керосинка.

Мама печально вздохнула:

— Потому что прогорела и чинить ее никто не берется. А новую где купить? Нет ни на барахолке, ни на рынке. П. А. ездил. Вот третий день готовлю ему обед на нашей, а отдать ее для обогрева не могу, с чем сами останемся? Он теперь спать ложится в пальто и шапке, а холод в комнате такой, что на полу вода в ведерке замерзла. До чего мне его жалко! А он — веселый, еще меня утешает: "Это Господь терпенью учит, роптать только не надо".

На другой день утром я не успела войти в отдел, как кто-то крикнул:

— Профорг, в местком за ордерами!

Бросив портфель на стол, я опрометью помчалась на второй этаж.

— Сколько у вас человек в отделе, семнадцать? — обратился ко мне председатель месткома.

— Нет, к нам подключили экспортный склад, и теперь — двадцать.

— Все равно ничего не могу поделать, на ваш отдел у меня только один ордер. Сами решайте, кому отдать.

— А какой?

— На керосинку.

У меня сердце перестало биться: вот бы его П. А.!

Дождавшись, когда П. А. ушел на склад проверять накладные, я собрала в отделе всех, кто был на месте, и, рассказав о трудном положении, в котором он очутился, предложила отдать ордер ему.

— Вы все живете в городе в теплых квартирах и еду вам есть на чем приготовить, а у него насквозь промерзшая комната и никакого топлива.

Поднялся шум, начались возражения.

— Сейчас прошло время буржуазной филантропии, — горячился бухгалтер.

— Зима, керосинка каждому пригодится, — доказывал старший агент.

— Предлагаю лотерею, — старался перекричать всех зав. транспортом. — Кто выиграет, тот и получит, и никаких претензий. Кто за лотерею?

Все мужчины потребовали лотерею, а за П. А. заступились только женщины.

Он вошел в самый разгар спора, который сразу стих. Ему объяснили, что на двадцать человек дали один ордер на керосинку и что после работы этот ордер будут разыгрывать.

П. А. кашлянул, постоял на месте, будто собираясь что-то сказать, но потом повернулся и быстро ушел в свою кладовку.

— Если бы он сильно нуждался в керосинке, то попросил бы себе ордер, а ведь молчит, значит, не нуждается, — резонерствовал бухгалтер.

— Он деликатный, — сказала секретарша.

— Деликатный, деликатный, — перебил ее зав. транспортом. — Просто не имеет особой надобности.

Мои щеки горели, к горлу подступали слезы, но я молчала, чувствуя стену человеческого равнодушия.

— Соня, — позвала меня Евгения Михайловна, —

я, Маша и Наталья Сергеевна решили, что если кто-либо из нас выиграет, то ордер отдаст П. А., а вы как?

— Ну, конечно же, отдам и я.

В конце дня зав. транспортом нарезал двадцать беленьких бумажек, написал на одной из них "керосинка", свернул все в одинаковые трубочки и сложил в чью-то шапку.

— Эх, и похвалит меня жена, если к той керосинке, что у нас есть, принесу ей новенькую, — вразвалку подходя к шапке, сказал кладовщик и развернул чистую бумажку.

Чистой оказалась и у меня, и у всех женщин.

— Разбирайте, товарищи, бумажки, разбирайте! — покрикивал зав. транспортом. — Кто еще не брал? Вася, П. А., Пищик, подходите, не задерживайте!

П. А. вынул белую трубочку.

— Тоже пустая? — поинтересовался бухгалтер.

П. А. поднес бумажку к близоруким глазам.

— Кажется, здесь что-то написано.

Маша сорвалась с места и выхватила бумажку из его рук.

— Керосинка! — крикнула она. — П. А. выиграл керосинку! Ура! — И весело притопнула ногами.

Когда я после работы вернулась домой, мама встретила меня веселой улыбкой.

— Сейчас П. А. — самый счастливый человек в поселке. Но, принеся керосинку домой, знаешь, куда он

сию же минуту поехал? В Теплый, к Споручнице грешных, благодарить за помощь.

— Если бы не Она, разве я мог бы выиграть? — сказал он мне. — Она наша Споручница и в большом, и в малом.

ОТЕЦ СЕРГИЙ С.[1]

С отцом Сергием я была знакома около трех лет. Встречи наши были довольно редки, так как он жил в глухой деревне под Муромом, а я — в Москве. И все-таки он сумел дать мне чрезвычайно много, мог дать гораздо больше, но мешала несоразмерность наших духовных сил.

Многого из того, что мне говорил отец Сергий, я просто не понимала (а попросить объяснения стеснялась), очень многое забыла, многому не придала значения, и оно стерлось, и сохранились у меня только мелочи. Вот этими мелочами, жалкими крохами неиспользованного богатства, мне хочется поделиться, но повторяю: только по моей вине они ничтожны.

Первое, что поразило меня в отце Сергии, это то, что его Бог не был ни грозным, ни карающим. "Он не

[1] *Протоиерей Сергий Сидоров (1895—1937). Когда ему было около 16-ти лет, был принят под духовное руководство Оптинским старцем Анатолием (Потаповым). После революции работал в организации по описанию церковной утвари в Киеве и окрестностях. В 1922 г. принял сан священника (после чего почти полностью исцелился от заболевания позвоночника). Служил в с. Почтовая Вита под Киевом, с 1923 г. — в храме свв. Петра и Павла в Сергиевом Посаде. В 1925 г. арестован и выслан. С 1926 г. служил в с. Волосово Владимирской губ. В 1930 г. был заключен в лагерь близ Котласа Архангельской губ. В 1933 г. получил приход под Муромом, в Дмитровской Слободе. 13 апреля 1937 г. в третий раз арестован. В день Воздвижения Честнаго и Животворящего Креста Господня, 14 (27) сентября 1937 г., был расстрелян в Бутырской тюрьме. Посмертно реабилитирован.*

Он мягко улыбнулся и позволил ограничиться двумя молитвами, которые я знала наизусть, и одним акафистом.

Я ушла, а на другое утро ровно в семь уже стучалась в свою дверь. Мама впустила меня, и я с удивлением увидела, что отец Сергий дочитывает правила ко Святому Причащению. Когда он окончил, я спросила:

— Разве вам тоже полагается читать эти правила перед тем, как причастить человека?

— Нет, я читал за вас, так как видел, что вы устали, а без их прочтения я не имею права допустить к таинству.

У отца Сергия была своеобразная манера исповедывать: он становился лицом к образу и спиной ко мне. Стоя за широкой спиной, я каялась Богу, а отец Сергий был как бы звеном, и было это значительно и страшно.

Поучений и указаний во время исповеди он не делал, а только слушал и спрашивал, но как! Один грех я никак не могла выговорить и решила утаить. Кончается исповедь, и вдруг отец Сергий спрашивает:

— Всё?

Я отвечаю:

— Да.

Тогда, с болью в голосе, он настойчиво повторяет:

— Всё ли?

Мне стало жутко, и я назвала свой грех.

— Каждый день читайте благовещенский акафист Царице Небесной, — сказал мне отец Сергий. — Это самый древний, впоследствии он явился образцом для всех акафистов. Пожалуйста, читайте его и помните,

что, когда я умру, то как радостно будет моей душе в те минуты, когда вы будете произносить эти восхваляющие Царицу Небесную слова.

Если перед вами встанет задача: куда идти — к больному или к литургии, то не сомневайтесь ни одной минуты, идите к больному. И помните еще, что литургия — не наш труд перед Богом, а награда нам, и ее надо заслужить.

Я жаловалась отцу Сергию, что мне очень трудно ежедневно молиться утром и вечером.

— Очень трудно, — усмехаясь, согласился отец Сергий, — вот я тоже постоянно нужу себя к этому. И сегодня, например, пора на молитву стать, а я все разговариваю.

А на другой день после отъезда отца мама сказала:

— Это тебе отец Сергий для поддержки говорил, что ему тоже трудно себя принудить Богу молиться, а на самом деле он молится после твоего ухода часами. Погасит свет и, думая, что я сплю, как начнет поклоны класть, так не счесть.

Отец Сергий приучал меня рассказывать ему о себе все — от мелочей до больших поступков и самых сокровенных мыслей. Постепенно я к этому привыкла, и открытие помыслов стало уже моей потребностью.

В то время я была очень увлечена К., и мы хотели соединить наши жизни, несмотря на массу препятствий. Отец Сергий относился к моему выбору настороженно, он не верил в искренность чувств К. Не отговаривая меня окончательно, он ставил передо мной ряд требований, при невыполнении которых отказывался

дать свое благословение. Надо сказать, что при своей исключительной доброте и мягкости отец Сергий в принципиальных вопросах и вопросах веры был абсолютно неумолим.

Как-то я после мучительного разговора с К. попросила отца Сергия:

— Помолитесь, чтобы мы поженились.

— Хорошо, — согласился отец Сергий и уехал к себе в деревню. Вернувшись через два месяца, он осторожно сказал:

— Мне очень больно вас печалить, но за К. вы замуж не выйдете.

— Откуда вы знаете? — вырвалось у меня.

— Я трижды молился об этом у престола и трижды моя молитва, как камень, оставалась внизу и не поднялась кверху.

Слова отца Сергия сбылись.

Наступил 1937 год. Начались аресты. Я сказала отцу Сергию, что я большая трусиха и боюсь тюрьмы и ссылки. Я ждала порицания, но отец Сергий мягко посмотрел на меня и улыбнулся:

— А как я боюсь, вы даже не представляете! Я ведь уже два раза был в концлагере и знаю, что это такое. Один раз меня оттуда вызволили. Бояться не стыдно, все мы люди, и люди слабые, а вот малодушествовать нельзя. Бог-то ведь с нами, и нигде Он нас не оставит.

Вот и все, и так больно за отца Сергия, что только это я сохранила.

Еще поделюсь тем немногим, что он рассказывал

о себе, а также о разных лицах и событиях. Располагаю эти рассказы в хронологическом порядке.

Из рассказов отца Сергия С.

О себе

Родителями отца Сергия были русский помещик и грузинская княжна. Умерла она вскоре после его рождения, и, кроме него, осталось еще двое детей — сестра Ольга и брат Алексей. Заботу о детях взяла на себя родная сестра матери и переселилась на постоянное житье в осиротевшую семью. Дети начали называть ее мамой, и она действительно сумела заменить им умершую мать.

Еще будучи маленьким мальчиком, Сергий любил ходить в церковь, а если его не брали с собой взрослые, убегал туда тайком. Так он сделал и в одну из суббот: убежал вечером в Кремль ко всенощной. Служил отец Валентин Амфитеатров. Во время "Хвалите", проходя с каждением по храму, он увидел одиноко стоящего кудрявого мальчика. Остановился возле него:

— Как тебя зовут?

— Сережа.

— С кем ты пришел?

— Я один.

Отец Валентин вынул из кармана пряник и подал мальчику, а через несколько минут к нему подошел церковный сторож и сказал:

— Пойдем, Сереженька, домой. Батюшка велел тебя отвести, а то родители, верно, беспокоятся.

И действительно, дома все сбились с ног в поисках Сережи.

Я не помню, какое высшее учебное заведение окончил отец Сергий, кажется, филологический факультет Московского университета. Помню только, что он прекрасно знал литературу. Из поэтов он выше всех ставил Пушкина и Тютчева.

Будучи молодым человеком, Сергий прислуживал в храме, в котором служил какой-то очень высокой жизни священник. В одно из воскресений, торопясь к литургии, Сергий поссорился с матерью из-за какого-то пустяка и, рассерженный, ушел в храм.

Перед началом обедни батюшка вместе с диаконом и Сергием стали у престола и запели "Царю Небесный". Вдруг батюшка прервал пение и, обратясь к сослужащим с ним, спросил:

— Кто из вас не мирен? Ведь Дух Святый не идет к нам!

— Я поссорился с мамой, — смущенно сознался Сергий.

— Иди и примирись, — строго сказал священник.

Как был Сергий в стихаре, так и выбежал из алтаря. На его счастье, мать стояла в храме.

— Прости, — обратился он к ней.

Она с нежностью поцеловала его в голову.

— Простила! — радостно сказал Сергий, вернувшись в алтарь.

— Ну и слава Богу! — ответил батюшка и торжественно начал "Царю Небесный".

О Патриархе Тихоне

Одно время отец Сергий был иподиаконом Патриарха Тихона. Святейший очень любил его и ласково называл Сережей.

Патриарх в то время находился под домашним арестом и не имел права выходить за пределы Донского монастыря. Жил он в помещении, расположенном над святыми вратами. При нем неотлучно находился его келейник, у которого в городе была семья. По средам Святейший отпускал его повидаться с родными и до утра следующего дня оставался один. Это было всем известно. И вот, в одну из сред, ночью кто-то настойчиво постучался в покои Святейшего. Дверь открыли. Электричество не горело, в прихожей было темно. Убийцы бросились на открывшего, тот закричал и быстро смолк. Сделав свое страшное дело, преступники побежали вниз по лестнице, а наверху, со свечой в руках, старый Патриарх силился поднять своего послушника, который по странной случайности не ушел в тот день домой.

Горько плакал Святейший над убитым и велел похоронить его рядом с тем местом, которое определил для своей могилы.

— Пусть под землей будем лежать, как братья, ведь он принял на себя смертельный удар, предназначенный мне.

Так и было сделано, как хотел Святейший: под землей они лежат рядом, а на земле их могилы разделяет стена храма, так как Патриарх лежит внутри его, а послушник — снаружи[1].

О митрополите Петре[2]

Отец Сергий хорошо знал покойного митрополита Петра. До принятия монашества владыка был светским человеком и занимал ответственный пост в Святейшем Синоде. Известен он был среди духовенства как человек большой силы воли, умный, образованный, ревностно оберегающий интересы Церкви и глубоко верующий. Женат он не был.

Как-то Патриарх Тихон вызвал его к себе и сказал:

---

[1] *Св. мощи свт. Тихона были открыты 22 февраля (н. ст.) 1992 г. Покоятся ныне в Донском монастыре.*

[2] *Митрополит Петр (Полянский) родился в 1862 г. в с. Сторожевое Воронежской губ. Окончил Воронежскую Духовную семинарию и Московскую Духовную Академию, получил степень магистра богословия. Преподавал в духовных училищах. С 1906 по 1917 гг. работал в Учебном комитете при святейшем Синоде, был ревизором духовно-учебных заведений. В 1920 г. принял монашество и вскоре был хиротонисан во епископа Подольского. Святитель Тихон назначил владыку Петра своим ближайшим помощником и возвел его в сан митрополита. После кончины Патриарха 25.03/7.04.1925 г. было оглашено его завещание, согласно которому Патриаршии права и обязанности до законного избрания Патриарха переходят митрополиту Кириллу, или митрополиту Агафангелу, или митрополиту Петру. Поскольку первый был в ссылке, второго власти не допустили в Москву, совещание архипастырей признало митрополита Петра Патриаршим Местоблюстителем. Святитель Петр обратился к пастве с посланием, в котором подтвердил курс Русской Православной Церкви: отклонять компромиссы с обновленцами, держать нейтралитет в отношениях с богоборческой властью, твердо стоять в истине. 10 декабря 1925 г. митрополит Петр был арестован. Находился в суздальской тюрьме, в ссылке в Сибири, в тобольской тюрьме. Затем был выслан на Крайний Север, в устье Обской губы, в зимовье Хэ. Власти неоднократно предлагали ему отказаться от местоблюстительства и, не добившись своего, продлевали срок ссылки. "Я никогда и ни при каких обстоятельствах не оставлю своего служения Русской Православной Церкви и буду до самой смерти верен ей", — говорил владыка. 27.09./10.10.1937 г. расстрелян в Магнитогорске.*

— Друже, принимай монашество, а потом будешь моим местоблюстителем.

Будущий митрополит Петр затрепетал от неожиданности и смущения и ответил категорическим отказом, ссылаясь на свою светскость, неподготовленность и недостоинство.

— Зачем вам я, — доказывал он Святейшему, — среди окружающих вас иерархов столько достойнейших, а вы остановили свое внимание на таком ничтожестве, как я.

— Мне ты нужен для Церкви, — настаивал Патриарх.

Спор длился много дней. Наконец, Святейший победил.

По принятии монашества с наречением имени Петр будущий митрополит в какой-то исключительно короткий срок прошел все ступени иерархии и получил сан митрополита Крутицкого и Коломенского.

На банкете, устроенном в его честь, присутствовал и отец Сергий. Он рассказывал, как к новому митрополиту подходили один за другим, с бокалами в руках, митрополиты и архиепископы и как они жалили своего высокого собрата, презирая в нем его светское прошлое и молниеносное вступление на такой высокий пост.

Митрополит Петр поеживался от получаемых им колкостей, облеченных в цветистость парадных поздравлений, и сидел серьезный и грустный.

Последним к нему подошел, **кажется,** митрополит Трифон[1]. Петр поднял на него усталые глаза, ожидая, видимо, услышать еще одно горькое слово, но митрополит Трифон сердечно обнял его и сказал:

— Твое имя — Петр, что значит: камень. Будь же камнем!

Растроганный Петр встал, клятвенно протянул руку и сказал:

— Буду камнем!

Он сдержал свою клятву...

О гробнице Александра I

Не знаю почему, отец Сергий был в числе тех лиц, которые присутствовали при вскрытии царских гробов в соборе Петропавловской крепости в Петрограде.

— Было жутко и интересно, — блестя голубыми глазами, с увлечением рассказывал он. — А когда вскрыли гробы Елизаветы, Екатерины, Павла — так и пахнуло восемнадцатым веком от роскоши костюмов.

— А что было в гробу Александра I-го?

— Он был пуст.

[1] *Митрополит Трифон (князь Туркестанов) родился в 1861 г. в 1887 г. — послушник прп. Амвросия Оптинского. В 1889 г. принял монашество. С 1890 г. — иеромонах, священник пересыльной тюрьмы. Окончил Московскую Духовную Академию. С 1897 г. — архимандрит, ректор Вифанской Духовной семинарии, с 1899 — Московской Духовной семинарии. В 1901 г. хиротонисан во епископа Дмитровского. Во время войны, с 1914 г., был полковым священником на передовой. В 1916 г., после контузии, ушел на покой с управлением Воскресенским Ново-Иерусалимским монастырем. 19.03./1.04.1918 г. освобожден от управления монастырем по болезни. Переехал жить в Донской монастырь. Впоследствии жил в Москве у брата Александра и сестры Екатерины, у своих духовных чад. С 1923 г. — архиепископ, с 1931 г. митрополит. Скончался 1/14.06.1934 г., погребен на Введенском кладбище в Москве.*

В Киево-Печерской Лавре

— Моя жизнь в Киеве совпала с бегством за границу русской аристократии и буржуазии, — вспоминал отец Сергий. — Жил я в Киево-Печерской Лавре и был дружен с ее игуменом и казначеем. Как-то они попросили меня помочь им снять и уложить в тайник чудотворный образ Успения Божией Матери, который висел над Царскими вратами в Успенском соборе Лавры. Они боялись, чтобы в это тревожное время кто-нибудь не надругался над святыней или не похитил ее.

Втроем мы вынули образ, заменили его копией и спокойно разошлись по своим келиям.

Наступила ночь. Я лег спать, но сон бежал от меня, и какое-то чувство беспокойства стало охватывать мою душу. Я вертелся с боку на бок, наконец, почувствовав, что сил моих больше нет, вышел на лаврский двор.

Ночь была лунная, светлая. Вижу, по двору выхаживает отец казначей.

"И ему не спится", — подумал я и подошел к нему.

Он обрадовался, увидав меня, и сказал:

— До чего на душе неспокойно, и сам не могу понять, от какой причины. Вот вышел, а то в келии прямо оторопь берет.

Прохаживаемся вместе, а беспокойство во мне все растет...

Вдруг видим, открывается тихо дверь, и из своих покоев выходит игумен.

— Смотри, и ему не спится, — сказал отец казначей.

А игумен, увидев нас, быстро подошел. При свете месяца мне было видно, что он встревожен, даже больше — потрясен чем-то.

— Как хорошо, что вы оба здесь, а ведь я за вами шел.

— Что случилось? — в один голос спросили мы.

— Страшное... — Игумен прижался спиной к стене и тяжело дышал: — Сейчас во сне пришла ко мне Царица Небесная и так строго сказала: "Хочу пострадать!" Идемте, поставим обратно на место чудотворный образ, это Ее воля.

Молча, взволнованные и робкие, мы вынули из тайника образ и поставили его на свое место.

(Во время Великой Отечественной войны он погиб).

Об изгнании бесов

Отец Сергий был близок с одним стареньким батюшкой, отличавшимся очень высокой жизнью. Он обладал силой изгонять бесов, и отец Сергий часто присутствовал при случаях исцеления батюшкой бесноватых. Он поражался, как этот маленький хрупкий старичок расправлялся с духами злобы.

Однажды, уже будучи молодым священником, отец Сергий пришел к батюшке и, не застав дома, сел его ожидать. В это время привели бесноватую. Она кричала и билась. Отцу Сергию стало жаль женщину, и он решил, не ожидая батюшки, сам изгнать беса. Прочитав над несчастной все положенные заклинательные

молитвы, он приказал бесу выйти и услышал насмешливый вопрос:

— А ты кто, что мне повелеваешь?

— Ужас объял меня, — вспоминал отец Сергий, — и с тех пор я заклялся никогда не изгонять их, так как для этого надо иметь огромную духовную силу и всегда подвизаться в посте и молитве.

Случай в деревне

А это произошло где-то в деревне. Был вечер, сидели в избе и до хрипоты спорили верующие и сомневающиеся. Было собравшихся несколько человек, в том числе и отец Сергий. Разговор коснулся бесов.

— Если беса позвать, то он сразу тут как тут, — доказывал кто-то из присутствовавших.

— Что же, если я его позову, он сразу тебе и явится? — возражал другой.

— Явится, — настаивал первый.

— В телесном виде? — посмеивался противник.

— А там уж как придется, может, и в телесном.

— Хорошо, я его сейчас кликну, — заявил отрицавший.

И кликнул. Все замерли. Тихо стало в избе.

Вдруг за дверью, выходившей на двор, раздался топот. Вот он все ближе. Напряжение в комнате достигло предела. Еще раз что-то стукнуло, и черная морда барана просунулась в дверь. Все вскрикнули, а сомневавшийся потерял сознание.

Исповедь

Отец Сергий в двадцатых годах священствовал в Сергиевом Посаде.

Однажды, поздно вернувшись домой, он услышал от квартирной хозяйки, что за ним дважды приходила какая-то женщина. Усталый и голодный, он сел ужинать.

— Опять за вами пришла эта женщина, — прервала ужин хозяйка.

— Зовите!

Вошедшая поздоровалась и тихо сказала:

— Я от... (отец Сергий никогда не называл ни имени, ни фамилии этого человека). Он умирает и просит вас прийти к нему.

Отец Сергий взял все необходимое и пошел. Человек, к которому его звали, был ответственным партийным работником.

Встретил он отца Сергия на пороге своей комнаты:

— Спасибо, что пришли, я очень боялся, что не успею увидеть вас: я умираю.

— Но я вижу вас на ногах, хотя и очень бледного, но бодрого и далекого от смерти, — возразил отец Сергий.

— Нет, я умираю, давайте поспешим, мне надо много рассказать вам. Все, что сделано мною.

Этот человек с бледным лицом, порывистыми движениями, взволнованный и торопящийся, взволновал и отца Сергия.

Началась исповедь, которая длилась всю ночь. Сначала отец Сергий принимал ее стоя, потом сел в кресло, а исповедующийся ходил из угла в угол и говорил.

Он рассказал всю свою жизнь, открыл все совершенные им поступки.

— Мне было страшно, — вспоминал отец Сергий, — временами мороз бежал по коже, а он все говорил и говорил, все глубже и глубже вводя меня в свою жизнь.

Брезжило утро, когда он окончил и вопросительно посмотрел на меня. А я, с полным сознанием того, что поступаю именно так, как надо, сказал: "Властию, мне данной, прощаю и разрешаю".

Он стал на колени и заплакал.

Расстались мы близкими друг другу.

Вернувшись домой, я уснул, как убитый, а днем пошел навестить своего исповедника. Меня встретила его жена и тихо сказала: "Он умер вскоре после вашего ухода".

Потрясенный милосердием Божиим, давшим этому человеку возможность очиститься от грехов, я земно поклонился его телу и вышел.

Встреча с новобранцами

В 1933—37 годах отец Сергий служил в маленькой деревеньке под Муромом, а его большая семья жила в самом Муроме. Жили очень трудно, так как приход был бедный, и для того, чтобы можно было

как-то существовать и платить налоги, отцу Сергию приходилось периодически ездить в Москву за пожертвованиями. Здесь жили его родные, друзья, духовные дети. Как только он приезжал, начинались сборы вещей, денег, продуктов. Собрав пожертвования, отец Сергий уезжал обратно.

Ходил он в штатском: зимой и летом — одно и то же старое, с чужого плеча, пальто, серая кепка на черных коротких кудрях, бумажные брюки, заправленные в грубые порыжевшие сапоги. И при таком костюме — красивое, породистое лицо с ясными глазами и русой бородкой, а из-под коротких рукавов пальто видны тонкие бледные руки.

Как-то, приехав за очередными пожертвованиями, отец Сергий оживленно рассказывал:

— Когда я прошлый раз возвращался из Москвы домой, со мной произошел интересный случай. Выйдя в Муроме из поезда, я взвалил на плечи свой мешок, в руку взял корзинку и пошел по перрону. Смотрю, на путях стоит большой железнодорожный состав, и в нем — допризывники, молодежь. Большинство в вагонах сидит, а некоторые ходят по перрону. И вдруг один из них (как только он узнал!) бросается ко мне и просит: "Батюшка, благословите!" Я не имею права делать это на улице, но я поставил корзинку и, освободив руку, благословил его. И только хотел идти дальше, как подбегает другой: "Благословите!" За ним — третий, четвертый, пятый. "Боже, — думаю, — что им за это будет!"

Но вот поезд тронулся, а из вагонов тянутся ко мне руки и несутся голоса: "И меня благословите, батюшка, и меня, и меня!"

Эх, будь что будет! Бросил я мешок на землю и стал благословлять большим крестом всех протягивавших мне руки.

Состав еще не набрал полный ход, и я, хоть и издали, но благословил всех, кто этого просил.

Напутствие умирающего

Была осень. Отец Сергий лежал в своей деревенской квартире на печке. Вдруг подъехала телега, и кто-то застучал к нему в окно.

— Кто там?

— Батюшка, отец помирает, причастить надо, поедемте, — просил юношеский голос.

Отец Сергий взял Святые Дары, оделся и вышел.

— Это ты, Ваня? Что с отцом?

— Плохо. Кричит на крик: бесы на него наступают. Просит, чтобы вы скорее приехали.

Лошадь долго везла по непролазной осенней грязи в соседнюю деревню, где жил умирающий. Когда подъехали к его избе, у которой толпился народ, то даже на улице были слышны его дикие, полные ужаса вопли.

Перекрестившись, отец Сергий вошел внутрь. На широкой кровати метался еще не очень старый человек, отмахиваясь и исступленно крича. Увидев отца Сергия, он с мольбой протянул к нему руки:

— Спаси, батюшка, наступают проклятые, хватают меня, стращают! Спаси, сил моих нет!

Отец Сергий исповедовал несчастного, причастил и, взяв его за руку, начал молиться. Тот успокоился.

— Отошли, — шептал он. — Только по углам грозятся, но сюда не подходят. Сиди, отец, рядом со мной, не уходи, а то опять они меня хватать будут.

Так и провел отец Сергий всю ночь, держа умирающего за руку и усердно молясь. Под утро тот спокойно умер.

Дети отца Сергия

Наступил страшный 1937 год. Отцу Сергию в то время исполнилось сорок два года. Детей у них с женой было четверо, и ожидали появления пятого. Детей своих отец Сергий любил очень, и, когда говорил о них, лицо его светилось какой-то особенно нежной улыбкой.

Как-то вечером он сидел у нас, и моя мама спросила его:

— Отец Сергий, как вы, имея такую большую семью, решились стать священником? А если вас возьмут и сошлют, то на кого вы оставите своих детей?

Отец Сергий вздрогнул, ясными глазами посмотрел на мою мать и, широко, как на кресте, раскинув руки, проникновенно ответил:

— На Царицу Небесную! Если я погибну, то за Ее Сына. Так неужели вы допускаете мысль, что в таком

случае Она оставит моих детей? Никогда! Спасет и защитит!

Через два месяца отца Сергия взяли, и он погиб.

А дети?

В 1946 году я встретила его дочь Таню и сына Алешу, и они мне рассказали, что их старший брат стал офицером и без единого ранения прошел всю Отечественную войну. Сестра Вера блестяще закончила институт и получила ответственное место на одном из уральских заводов. Туда она увезла и мать. Сама Таня окончила полиграфический институт и осталась жить в Москве в семье своего бездетного дяди. Алеша с отличием закончил вуз. Третий сын отца Сергия, родившийся без него, назван в его честь Сергеем. По словам Алеши, это очень одаренный юноша, он перешел в десятый класс.

Дальнейшей судьбы детей отца Сергия я не знаю, так как никого из них не встречала, но твердо верю, что все они до самой своей смерти останутся под покровом Царицы Небесной[1].

[1] *"Вскоре после ареста отца Сергия, — пишет в предисловии к воспоминаниям священника его дочь, Вера Сергеевна Бобринская, — жена его узнала, что родственники одного арестованного священника, которого везли вместе с ним в поезде по этапу в Москву, получили письмо. Священник писал, что в вагоне вместе с ним был отец Сергий Сидоров, что отец Сергий спокоен и рассказывал ему свой сон: Божия Матерь явилась ему и сказала, чтобы он не беспокоился о своих детях, что Она берет их под Свое покровительство".* **(Свящ. Сергий Сидоров. Записки. Журн. "Златоуст" № 2, М., 1993).**

СТАРИЧОК

Этот рассказ я слыхала от покойной Олимпиады Ивановны. Передавая его, она волновалась, а сын, о котором шла речь, сидел рядом с ней и утвердительно кивал головой, когда в некоторых местах рассказа она обращалась за подтверждением к нему.

— Ване тогда было семь лет. Шустрый он был, понятливый и большой шалун. Жили мы в Москве на Земляном валу, а Ванин крестный — наискосок от нас в пятиэтажном доме.

Как-то перед вечером я послала Ванюшу к крестному, пригласить его на чай. Перебежал Ваня дорогу, поднялся на третий этаж, а так как до звонка у двери достать не мог, то стал на лестничные перила, и только хотел протянуть к звонку руку, как ноги соскользнули, и он упал в пролет лестницы.

Старый швейцар, сидевший внизу, видел, как Ваня мешком упал на цементный пол.

Старик хорошо знал нашу семью и, увидев такое несчастье, поспешил к нам с криком:

— Ваш сынок убился!

Мы все, кто был дома, бросились на помощь Ване. Но, когда прибежали к дому, то увидели, что он сам медленно идет нам навстречу.

— Ванечка, голубчик, ты живой?! — схватила я его на руки. — Где у тебя болит?

— Нигде не болит. Просто я побежал к крестному и хотел позвонить, но упал вниз. Лежу на полу и не могу встать. Тут ко мне подошел старичок, тот, что у вас в спальне на картине нарисован. Он меня поднял, поставил на ноги, да так крепко, и сказал: "Ну, ходи хорошо, не падай!" Я и пошел. Вот только никак не могу вспомнить, зачем вы меня к крестному посылали?

После этого Ваня сутки спал и встал совершенно здоровым. В спальне у меня висел большой образ преподобного Серафима...

КРЕСТНЫЙ

Моего большого приятеля звали Юрий Исаакович.

Как-то я спросил его:

— Юра, почему у твоего отца такое редкое среди русских имя?

— Ну, тут целая история. Родители моего отца были богатые помещики. Жили хорошо, в большой любви друг ко другу, но было у них тяжкое горе: все дети, какие рождались, умирали в младенчестве, не дожив до года. Чего только дед с бабушкой ни предпринимали, к кому ни обращались — ничего не помогало: умирали дети, да и все. Извелись оба с горя, а к тому же и перед людьми позор.

Вот забеременела моя бабушка пятым ребенком, а деду и говорят: существует в народе поверье, что если сейчас же по рождении младенца отец выйдет на дорогу и позовет в кумовья первого встречного и даст его имя новорожденному, дитя выживет.

Деду так хотелось ребенка, что он на все был согласен.

Наступило бабушке время родить, и разрешилась она 11 декабря в два часа ночи мальчиком. Слабенький такой народился, едва дышит.

Дед послал скорей за священником, велел в зале все для крестин готовить, а сам оделся и пошел крестного искать.

Идет по дороге и думает: "Ну где я в деревне в два часа ночи встречу на улице живого человека, спят все".

Но все-таки идет и вдруг видит, что ему навстречу идет кто-то. Обрадовался дед, спешит, подходит и видит, что это дурачок Исаак. Посмотрел на него дед и в душе все захолодело: "Ну и крестный!". А ничего не поделаешь: первый встречный. Говорит он дурачку:

— Исаак, пойдем ко мне — сына крестить.

А тот так охотно:

— Пойдем, барин, кумовья будем.

Пришли. Дед думал, что дворня от смеха прыснет, когда увидит, какого он кума привел, но ничего подобного — вся прислуга, толпившаяся в прихожей в ожидании барина, почтительно приветствовала дурачка.

Дед с опаской посмотрел на грязное лицо и руки Исаака, на его лохмотья и босые ноги.

— Максимыч, — сказал он дворецкому, — вымойте его да во все мое переоденьте и башмаки дайте, босой ведь.

Не прошло и часа, как чисто вымытый Исаак, одетый в дедов костюм, но босой (не захотел обуваться), стоял у купели, бережно держа новорожденного. Назвали мальчика, в честь его крестного, Исааком, и он прожил до семидесяти лет.

МАТРОНУШКА

Это рассказал мне один, ныне уже покойный, епископ[1].

"В тридцатых годах меня заключили в концлагерь. Я тогда был врачом, и мне поручили в лагере заведование медпунктом.

Большинство заключенных находилось в таком тяжелом состоянии, что мое сердце не выдерживало, и я многих освобождал от работы, чтобы хоть как-

---

[1] Рассказ написан со слов епископа Стефана (в миру — Сергей Алексеевич Никитин; 15/28 сентября 1895 — 15/28 апреля 1963). Родился в Москве. Отец его матери — архимандрит Сергий Данилова монастыря, затем — епископ Угличский. С. А. Никитин окончил Первую мужскую гимназию у храма Христа Спасителя и Московский университет. В 1918 г. был выпущен без экзаменов зауряд врачом и направлен в Среднюю Азию, где работал на малярии. Вернувшись в Москву, стал ординатором проф. Россолимо в нервной клинике МГУ. Одновременно работал в детском доме для умственно-отсталых детей. Был духовным сыном и помощником священника Сергия Мечева (расстрелян в 1941 г.) в храме свт. Николая на Маросейке в Москве. Решая, выбрать ли путь исследовательской медицины или практикующего врача, обратился к Оптинскому старцу Нектарию, который находился в ссылке в с. Холмищи. Старец указал ему путь врача-практика. Будучи по специальности врачом-невропатологом, Сергей Алексеевич на свободе и в заключении, священником и епископом, широко применял свои значительные медицинские познания. Будучи заключен в лагерь в Красной Вишере (Пермская обл.), работал заведующим туберкулезным отделением лагерной больницы. Выйдя из лагеря, Сергей Алексеевич работал врачом в г. Карабаново, а затем в г. Струнино Владимирской обл. Здесь он близко познакомился с епископом Афанасием (Сахаровым; см. примеч. на стр. 202), который и поставил его на путь священства. После настолования Патриарха Алексия I решил выйти на путь открытого служения Церкви Христовой. После рукоположения о. Сергий служил в городах Курган-Тюбе, Ленинабаде, Самарканде, Ташкенте, Днепропетровске (старшим

нибудь помочь им, а наиболее слабых отправлял в больницу.

И вот как-то во время приема работавшая со мною медсестра (тоже лагерница) сказала мне:

— Доктор, я слышала, что на вас сделан донос, обвиняют вас в излишней мягкости по отношению к лагерникам, и вам грозит продление вашего срока в лагере до пятнадцати лет.

Медсестра была человек серьезный, в лагерных делах осведомленный, и поэтому я пришел в ужас от ее слов. Осужден я был на три года, которые уже подходили к концу, и рассчитывал месяцы и недели, отделявшие меня от долгожданной свободы, и вдруг — пятнадцать лет!

Я не спал всю ночь, и, когда вышел утром на работу, медсестра сокрушенно покачала головой, увидев мое осунувшееся лицо.

После приема больных она мне нерешительно сказала:

— Хочу вам, доктор, один совет дать, но боюсь, что вы меня на смех поднимете.

— Говорите, — попросил я.

— В том городе, откуда я родом, живет одна женщина, зовут ее Матронушка. Господь дал ей особую

священником женского монастыря и духовником). Принял монашество в честь прп. Стефана Махрищского. После закрытия монастыря служил в Минске. Был рукоположен во епископа Можайского и назначен управляющим делами Московской епархии, жил при храме Ризоположения на Донской улице в Москве. Затем исполнял обязанности епископа Калужского и Боровского. Скончался на амвоне, произнося проповедь в день свв. Жен-мироносиц. Погребен, по его желанию, за алтарем храма Покрова Божией Матери с. Акулова под Москвой (пл. Отрадное Белорусской ж. д.).

силу молитвы, и если она за кого начнет молиться, то обязательно вымолит. К ней много людей обращается, и она никому не отказывает, вот и вы ее попросите.

Я грустно усмехнулся:

— Пока мое письмо будет идти к ней, меня успеют осудить к пятнадцати годам.

— Да ей писать и не надо, вы покличьте... — смущаясь, сказала сестра.

— Покликать?! Отсюда? Она живет за сотни километров от нас!

— Я так и знала, что вы меня на смех поднимете, но только она отовсюду слышит, и вас услышит. Вы так сделайте: когда пойдете вечером на прогулку, отстаньте немного от всех и три раза громко крикните: "Матронушка, помоги мне, я в беде!" Она услышит и вас вызволит.

Мне все это казалось очень странным, но все-таки, выйдя на вечернюю прогулку, я сделал так, как меня научила моя помощница.

Прошел день, неделя, месяц. Меня никто не вызывал. Между тем среди администрации лагеря произошли перемены: одного сняли, другого назначили.

Прошло еще полгода, и наступил день моего освобождения. Получая в комендатуре документы, я попросил выписать мне направление в тот город, где жила Матронушка, так как еще перед тем, как ее покликать, дал обещание, что, если она мне поможет, буду поминать ее ежедневно на молитве, а по выходе из лагеря первым долгом поеду и поблагодарю ее.

Пряча в карман документы, я услышал, что два

парня, которых тоже выписывали на волю, едут в тот город. Я присоединился к ним, и мы отправились вместе.

Дорогой я начал спрашивать парней, не знают ли они Матронушки.

— Очень хорошо знаем, да ее все знают и в городе, и во всей округе. Мы бы вас к ней свели, если вам нужно, но мы живем не в городе, а в деревне, очень уж нам домой хочется. А вы так сделайте: как приедете, первого встречного спросите, где Матронушка живет, и вам покажут.

По приезде я так и сделал: спросил первого встретившегося мне мальчика.

— Идите этой улицей, — сказал он, — а потом поверните возле почты в переулок, там в третьем доме слева и живет Матронушка.

С волнением подошел я к ее дому и хотел было постучать в дверь, но она была не заперта и легко открылась.

Стоя на пороге, я оглядел почти пустую комнату, посередине которой стоял стол, а на нем — довольно большой ящик.

— Можно войти? — громко спросил я.

— Входи, Сереженька, — раздался голос из ящика.

Я вздрогнул от неожиданности и нерешительно пошел на голос.

Заглянув в ящик, я увидел в нем маленькую слепую женщину, неподвижно лежавшую на спине. Лицо у нее было удивительно светлое и ласковое. Поздоровавшись, я спросил:

— Откуда вы знаете мое имя?

— Да как же мне не знать! — зазвучал ее слабый, но чистый голос. — Ты же меня кликал, и я за тебя Богу молилась, потому и знаю. Садись, гостем будешь!

Я долго сидел у Матронушки. Она мне рассказала, что заболела в детстве какой-то тяжелой болезнью, после которой перестала расти и двигаться. В семье была бедность, мать, уходя на работу, укладывала ее в ящик и относила в церковь до самого вечера. Лежа в ящике, девочка слушала все церковные службы, проповеди. Прихожане жалели ребенка и приносили то вкусный кусочек, то одежонку. А кто просто приласкает и поудобнее уложит. Священник тоже жалел девочку и занимался с ней. Так и росла она в атмосфере большой духовности и молитвы.

Потом мы заговорили с Матронушкой о цели жизни, о вере, о Боге. Слушая, я поражался мудрости ее суждений знанию святых Отцов, ее глубокому проникновению и понял, что передо мной лежит не просто больная женщина, а большой перед Господом человек.

О себе Матронушка сказала, что ее скоро увезут в Москву и попросила:

— Когда настанет время, что ты будешь стоять перед Престолом Божиим, поминай меня.

Мне не хотелось уходить от Матронушки, и я дал себе слово навестить ее как можно скорее, но не пришлось. Вскоре ее увезли в Москву и поместили в Бутырки, где она и скончалась. По кончине было ей семьдесят с лишним лет".

В ВОЕННЫЕ ГОДЫ

Шел второй месяц войны. Вести с фронта приходили тревожные. У нас на заводе прошел слух об эвакуации, и я начал готовить к ней заводскую лабораторию, которой заведовал.

В конце августа мне позвонили утром из парткома и попросили немедленно прийти. В кабинете секретаря парткома толпилось несколько человек; по тем распоряжениям, которые он давал им, я понял, что завод эвакуируется. Отпустив всех, секретарь обратился ко мне:

— Юрий Павлович, немцы прорвали линию обороны и быстро продвигаются в нашем направлении. Завод эвакуируется ночью, а сию минуту должно быть вывезено самое дорогое для всех нас — дети. Вы назначены ответственным по эвакуации заводского детсада и его персонала. Детей сто два человека. Поедете в двух грузовиках, третий повезет продукты и все необходимое. Машины поведут лучшие водители — Пинчук Михаил Степанович и Костя Рябченко, на третьей машине — Светлана Уткина. В помощники вам даем Финикова. В этом пакете — документы, деньги, маршрут. Выезжать сейчас, без промедления.

Ваша жена ожидает вас внизу с вещами. Ну, доброго пути и до скорой встречи!

— А как же лаборатория? — растерянно спросил я.

— Все будет сделано вашим заместителем, не беспокойтесь. Счастливо!

Как во сне, прощался я с сослуживцами, обнимал жену, говорил ей какие-то ободряющие слова.

На заводском дворе стояли готовые к отъезду крытые брезентом грузовики.

Заглянул — ребят битком набито, сидят перепуганные, недоумевающие, многие плачут. Поздоровался с заведующей садом, воспитательницами и пошел к передней машине.

За рулем сидел Михаил Степанович, кряжистый сильный человек со спокойно-сосредоточенным выражением лица и легкой смешинкой в глазах. Мы давно знали друг друга. Я вскочил в кабину, пожал ему руку и сел рядом.

— Пошли? — спросил он.

— Да.

Михаил Степанович нажал сирену, и мы тронулись.

За грузовиками бежали и что-то кричали матери, отцы, бабушки, дети плакали и тянули к ним руки. Я все видел, все слышал, но был, как в полусне.

Машины выехали за город и покатили по загруженному транспортом шоссе.

Не прошло и часа, как немецкий самолет закружил над нами, и снаряд упал на обочину дороги.

— Тикать надо с нашим грузом, — проворчал Михаил Степанович и повел грузовик к лесу, мимо кото-

рого шло шоссе. Я оглянулся — Костя и Светлана ехали за нами.

Постояв в лесу, пока не кончился обстрел, мы снова тронулись в путь. Но не прошло и часа, как немецкий самолет застрекотал над головами. Местность была лесистой, и мы успели благополучно скрыться в чаще деревьев.

Понимая всю опасность нашего положения, я собрал шоферов, заведующую детским садом, Финикова, и мы стали совещаться, как ехать дальше.

— Я думаю так: пока дорога идет возле леса, то доедем до Красного вала и там остановимся дотемна, потому что дальше пойдет девяносто километров ровной местности. А ночью нас немцу не увидеть, вот ночью мы и поедем, — предложил Михаил Степанович.

— А как же в темноте без фар ехать? — забеспокоился осторожный Фиников.

— Если ночь без облаков, то очень просто, а вот ежели облачка — поплутаем, — усмехнулся Костя.

Доехав до Красного вала, мы остановились. Я заставил Финикова и шоферов лечь спать, а на себя взял охрану нашего маленького лагеря. Меня поразила тишина, царившая среди детей: никто не капризничал, не плакал, они молча жались к своим воспитательницам и няням, и личики у них были сосредоточенные.

Когда совсем стемнело, мы тронулись в путь.

— Вы эту дорогу хорошо знаете? — спросил я Михаила Степановича.

— Нет, здесь ездить не приходилось. Но вы не

беспокойтесь, шоссе идет до самой Ветвички, и мы его к утру проскочим, а дальше дорога такой чащобой пойдет, что никакой немец не увидит.

Тихо зашелестел дождь. Я смертельно устал. Шепот дождя убаюкивал меня, глаза слипались, голова упорно падала на грудь, и я уснул.

Проснулся оттого, что машина остановилась.

— Что случилось?

— По полю едем, с дороги сошли, — сердито отвечал Михаил Степанович, — темнота ведь, как в животе у негра. Ну-ка, хлопцы, пошукайте дорогу, — обратился он к подошедшим Косте и Финикову.

Дороги не нашли.

— Пойдем по компасу, — сказал Михаил Степанович, — не стоять же на месте.

Едва мы тронулись, я уснул снова. Сильный толчок машины и громкий окрик разбудили меня:

— Ну, куда же этот человек под колеса прет, соображения нет! Чего надо?

Я посмотрел в окно. В нескольких шагах от нас, резко белея в густой черноте ночи, стояла женская фигура с раскинутыми в обе стороны руками.

— Гражданка, чего вам надо?

Женщина молчала. Шофер выскочил из кабины, но через минуту, бранясь, вернулся обратно:

— Никого нету. Померещилось мне, что ли?!

— Нет, женщина здесь стояла, — сказал я, — высокая, в белом.

— Значит, спряталась, нашла время шутки шутить, а у меня от нее аж мороз по коже, — занервничал вдруг Михаил Степанович.

Он тронул машину, но колеса не успели сделать второй оборот, как белая фигура появилась вновь, и я почувствовал от ее появления страх, доходящий до смертного ужаса, особенно от предостерегающе раскинутых рук.

— Михаил Степанович, остановитесь! — отчаянно закричал я.

Мы оба выскочили из кабины, к нам подбежал Костя:

— Что случилось?

Не ожидая нас, Михаил Степанович бросился к стоящей женщине, и через секунду оба исчезли из моих глаз.

— Скорей ко мне! — вдруг вблизи раздался его крик. Мы побежали на голос. — Осторожно, стойте! — сдавленным голосом прошептал он, указывая на что-то рядом с нами.

Мы посмотрели и отпрянули — там был обрыв. Мы стояли на его краю, камешки с шорохом падали вниз, когда мы сделали неосторожное движение.

— Почему стоим? — подбежала к нам Светлана.

— Вот поэтому, — проворчал Костя, показывая на обрыв.

Светлана ахнула и всплеснула руками.

— Кабы не Она, — Михаил Степанович снял шапку, — все бы сейчас там, на дне, были.

Его голос дрожал, он едва стоял на ногах.

— Дядя Миша, да кто Она-то? — испуганно спросил Костя.

— Ты что, дурак али малохольный, что не понимаешь?! Кто же мог быть еще, как не Матерь Божия?!

— Где ж Она была? — робко прошептала Светлана.

— Здесь, сейчас, — так же шепотом ответил Костя и тоже снял шапку.

ПОМОЩНИК

Наконец-то на доске объявлений было вывешено сообщение о том, что все сотрудники нашего института и их иждивенцы могут получить в овощехранилище № 6 картошку. Ниже висел список сотрудников с указанием выделенного количества. С замиранием сердца я искала свою фамилию. Вот она! Боже мой, нам с мамой дадут семьдесят килограммов! После того голода, который мы испытали здесь, в эвакуации, это же целое богатство!

Весь вечер мы с ней рассуждали о том, куда сложим картошку и по скольку будем есть, чтобы хватило подольше. Спать мы легли голодные, но счастливые.

На следующий день нас всех освободили от работы, и мы отправились за пять километров в овощехранилище.

Перед тем, как мне выйти из дома, наш сосед сказал:

— Не представляю себе, Варя, как вы дотащите свою картошку. — Он иронически оглядел мою тощую фигуру, облаченную в спортивные брюки и старый жакет. На ногах у меня были самодельные теплые башмаки-"ватники", на голове — берет. — И санки у вас какие-то детские, и сил, видно, никаких. Наняли бы кого-нибудь помочь.

Я рассмеялась:

— Василий Кузьмич, денег у меня только на хлеб, а получка не скоро.

— Эх вы, эвакуированные, ничего вы, по сравнению с нами, сибиряками, не стоите! Для нас Сибирь — мать, а для вас — мачеха. Не довезти вам картошку, прямо говорю, к тому же мороз, а снега почти нет — санки скользить не будут.

— Как-нибудь, — не сдавалась я.

Мама слушала наш разговор и тревожно смотрела на меня.

— Деточка, не езди, прошу тебя!

— Что ты, мамочка, мы без этой картошки пропадем, нам ведь не на что купить. — И, весело помахав ей рукой в ватной варежке, я ушла.

Стоял октябрь 1942 года. Мороз пощипывал меня, но не сильно. Я бодро шла с группой наших сотрудников, которых еще мало знала, так как недавно поступила младшим научным сотрудником в этот институт. Большинство идущих были очень тепло одеты и везли большие санки, в основном преобладали мужчины.

В овощехранилище мне быстро насыпали картошки в мой огромный мешок, сделанный из льняной простыни, но я осталась стоять с ним в проходе между закромами, не имея сил сдвинуть его с места. Мимо сновали люди, я всем мешала, меня толкали, бранили, а я лишь топталась на месте и просила помочь.

Наконец, кто-то подхватил мешок за один край, я — за другой, и мы вытащили его наружу. Кажется,

эти же руки помогли положить его на санки. Привязав мешок, я надела себе на плечи веревки от саней, понатужилась, что было силы, дернула и... очутилась на земле.

Сзади раздался смех. Смеялась заведующая отделом, в котором я работала.

Я не сразу сообразила, что веревка оборвалась и потому я упала. Потерев ушибленные колени, я связала веревку и впряглась снова. Кто-то подтолкнул санки, и я поехала, но через несколько метров остановилась: полоса снега и льда окончилась, началась голая земля, и сани не шли.

Одни за другими мимо меня проходили люди со своими санями. Они впрягались по двое или по трое, сзади кто-нибудь подталкивал, и сани двигались быстро.

Я со страшной натугой тащила свои по рыжей мерзлой земле. Но вот — ледок со снегом, стало легче, только ненадолго — веревка обрывается, и я снова падаю.

Тащу санки уже сколько времени, а дороге нет конца... До города далеко... Еще надо по льду переезжать реку, а потом начнется самое трудное — крутой подъем: город стоит на горе. Как я доберусь до дома, сил совсем уже нет...

Меня нагоняют двое мужчин в меховых куртках, высоких фетровых сапогах. На спортивных санках у них уложен один большой мешок. Они курят и везут легко, без всякого напряжения. Слышу, как один говорит:

— Боже мой, до чего же она жалкая!

— И смешная, — брезгливо добавляет второй. Они быстро скрываются из моих глаз.

Еще нагоняют меня санки, их везет целая семья.

Неужели все проехали? Оглядываюсь назад — да, больше на дороге никого нет. А мороз все крепче, вот тебе и октябрь! Тру руки, надеваю на плечо веревку, тяну несколько метров и останавливаюсь: лед окончился, и передо мной — голая дорога. Что делать?!

— Мученик Трифон, ты меня никогда не оставлял, помоги и сейчас! Не знаю, как, но помоги довезти картошку.

Никого нет, и я кричу мученику во весь голос.

Тишина кругом... С одной стороны дороги — замерзшая река, с другой — какие-то бугры, поросшие кустарником.

Лежу на мешке, молюсь и плачу. Потом встаю на ноги и берусь за веревку. На сердце — отчаяние. Делаю шаг-другой и чувствую на себе чей-то взгляд.

Смотрю по сторонам: высунув голову из-за бугорка, на меня пристально смотрит диковатого вида человек. Сердце мое замирает, а человек, тепло одетый, раскосый, встает во весь рост и подходит ко мне.

— Мученик Трифон, спаси, — только и успеваю прошептать я.

— Помочь нада? — гортанным голосом спрашивает он.

— Да, — растерянно отвечаю я.

— Эта можно. А что дашь?

Я развожу руками:

— У меня же здесь ничего нет.

— А дома?

— Дома тоже, — начинаю я и сейчас же вспоминаю, что вчера, неожиданно для себя, нашла в пустом шкафу четвертушку водки.

— Дома есть водка.

— Эта хорошо. Сколько?

— Четвертушка.

Человек кивает головой, взваливает на плечо мешок и идет, но не по дороге, а к бугорку, откуда выглядывал.

— Куда же вы? — кричу я в ужасе.

— Не бойся, там у меня лошадки, на лошадках поедем.

И правда, за бугром стоят сани, запряженные парой лошадей.

Он сбрасывает на сани мешок, усаживает меня, покрывает мои ноги кошмой, садится рядом, и мы быстро едем по дороге. Все происходит с такой кинематографической быстротой, что я не успеваю осознать случившееся.

Въехав в город, я вижу маму, которая стоит на улице в очереди за хлебом. Увидев меня в санях рядом с косоглазым возницей, она от удивления роняет сумку.

Дома косоглазый вносит мешок в комнату и протягивает руку:

— Водка где?

Я достаю бутылку. Открыв пробку, он делает глоток и, зажмурив глаза, говорит:

— Настоящая.

Когда запыхавшаяся мама возвращается из очереди, свежесваренная картошка уже стоит на столе. Мы радостно целуемся.

— Слава Богу, не умрем от голода, — говорит мама. — Но кто же тебе помог?

— Мученик Трифон.

БАБУШКА

Андрюша в семье больше всех любил бабушку. Конечно, папу и маму он любил тоже, и старшую сестру, но бабушку — особенно.

Ей можно было все рассказать, о чем угодно спросить и на все вопросы получить ясный и дружеский ответ. А какая она была добрая, как много знала — на пяти иностранных языках говорить могла!

Бабушка была известна всему пятому классу, в котором учился Андрюша. Она часто помогала его товарищам, когда они приходили к нему, объясняя то, что они не поняли на уроке, и всегда была в курсе их мальчишеских дел.

Папа и мама тоже много знали, но они с утра уходили на работу, возвращались поздно, усталые, и если Андрюша начинал спрашивать маму, почему бывают землетрясения или кто был Сократ, мама принималась объяснять очень интересно, но как только вопросы начинали нарастать, она говорила:

— Довольно, Андрейчик, я так сегодня устала, спроси бабушку.

С папой получалось и того хуже: придя домой, он сразу погружался в вечерние газеты и только жалобно просил:

— Потом, сыночек, когда дочитаю. Подожди!

А разве его дождешься, если после газет он принимался за научный журнал, а потом заходил кто-нибудь из знакомых или они с мамой уходили в гости.

Про сестру и говорить нечего, она строила из себя взрослую и на него смотрела, как на малыша. А вот бабушка — совсем другое дело.

Любовь к бабушке с годами не уменьшалась, а крепла. В 1941 году она, а не мама (ее эвакуировали с госпиталем) провожала его в армию. Она ему писала на фронт длинные интересные письма, но в последнее время они стали приходить редко, и очень короткие. Мама писала, что у бабушки стали сильно болеть глаза.

Стоял май 1944 года. Андрей получил приказ прибыть с группой бойцов в определенный пункт и там ожидать дальнейших распоряжений.

Прибыв в указанное место, они расположились в лесу. День был тихий, погожий, настроение у всех — бодрое. Андрей устроился под высоким дубом и хотел было окликнуть своего друга Костю, но увидел, что тот ушел далеко в сторону, под куст густого орешника, и уже крепко спит, завернувшись в плащ-палатку.

Андрей прилег на бок и с интересом наблюдал, как муравей тащит большую мушку.

Вдруг рядом с ним раздался голос бабушки:

— Андрюша, пойди сядь рядом с Костей.

От неожиданности от вздрогнул: откуда голос бабушки? Кругом была тишина, сидели и разговаривали бойцы. Андрей задумался о доме. Вдруг — снова голос:

— Иди же скорей к Косте.

Ему стало не по себе. Почему такая слуховая галлюцинация?

И в третий раз, но с пугающим волнением:

— Скорей, скорей беги к Косте!

В голосе — такая тревога, что Андрей, не отдавая себе отчета, вскочил на ноги и побежал мимо изумленных бойцов прямо к Косте.

Он еще не успел добежать до него, как страшный взрыв потряс воздух, и Андрей, оглушенный им, потерял сознание.

Когда они с Костей освободились от засыпавшей их земли и подошли к тому месту, где сидели бойцы, то ни одного из них не оказалось в живых.

Бабушка, как узнал потом Андрей, умерла за полгода до этого случая.

РУБАШКА

Рассказ услышан во время Великой Отечественной войны из четвертых уст.

Муж Феодосии Тимофеевны умер от рака. Хотя шла война и был голод, она все вещи покойного раздала на помин души, а себе оставила только его теплую рубашку, которую они вдвоем купили перед войной.

"Пусть лежит на память", — решила она.

Живет Феодосия Тимофеевна одна. Тяжело приходится, и тоска по мужу грызет, но терпит, а главное — на Бога надеется.

Как-то вернулась она с ночной смены и слышит, звонит кто-то у входной двери. Открыла. Оборванец на пороге стоит и просит:

— Подайте, мамаша, какую-нибудь одежонку.

Покачала головой Феодосия Тимофеевна:

— Нету, милый человек. Давно уже все, что осталось после покойника, раздала людям.

— Поищите, мамаша, — не отстает оборванец, — может, что и найдется. За ради Христа прошу.

"Я ведь все отдала, — думает Феодосия Тимофеевна, — себе только одну рубашку оставила, неужто

и с ней расстаться надо?! Не отдам, жалко". Решила твердо. И вдруг стыдно стало: "Стоит вот несчастный, ради Христа просит... Голодный, поди... Отдам во имя Господне".

Открыла комод, вынула аккуратно сложенную рубашку, поцеловала и подала:

— Носи на доброе здоровье.

— Спасибо, родненькая, — благодарит оборванец. — Пошли Господь покойничку Царство Небесное!

Ушел он, а Феодосия Тимофеевна ходит по комнате и успокоиться не может: рада, что отдала ради Господа, и жалко рубашку. Потом вспомнила, что еще хлеб себе по карточке не получила, оделась и пошла на рынок в палатку.

Идет мимо барахолки и видит оборванца, что к ней приходил. Стоит он рядом с высоким мужчиной, тот мужнину рубашку подмышкой держит, а сам оборванцу деньги отсчитывает.

Обомлела Феодосия Тимофеевна. А оборванец деньги получил — и прямо туда, где из-под полы водкой торгуют. Такого Феодосия Тимофеевна не выдержала, заплакала — отдала за ради Христа последнюю дорогую вещь, и зря, на вино ушло!

Выкупила хлеб и вернулась домой до того расстроенная, что делать ничего не смогла, а легла на диван, покрылась с головой старым пальтишком, да и не заметила, как от печали уснула.

И вдруг слышит, что кто-то легким шагом в комнату вошел и у изголовья остановился. Сбросила она

пальтишко с головы, смотрит, кто это в комнату без стука пришел, да и закаменела — Христос перед ней...

Затрепетало сердце у Феодосии Тимофеевны, а Господь нагнулся к ней, приподнял у Себя на груди край одежды и ласково сказал: "Рубашка твоя на Мне".

И видит Феодосия Тимофеевна: правда, мужнина рубашка, та самая, что она за ради Христа оборванцу подала, на Господе надета, и проснулась.

СКУПОЕ СЕРДЦЕ

Сырой осенний вечер. С подарком в руках спешу на именины. Пройдя Красную площадь, направляюсь к Охотному ряду. У стены дома, рядом с женщиной, продающей заграничные перчатки, — военный. Он о чем-то невнятно просит, но люди спешат, и на него никто не обращает внимания. Из-под распахнутой шинели поблескивают ордена, в руке — палка.

"Военный, и просит...". Вынимаю из кармана мелочь и подаю.

— Не нужно! Скажите, как мне домой доехать?

Женщина с перчатками возмущенно шипит:

— Вот напился — до дома дороги не найдет... А еще говорит, что капитан.

— Где вы живете?

Молчит и тяжело опирается спиной о стену дома.

Не получив ответа, прячу деньги в карман и с облегчением отхожу: пусть не напивается до потери сознания...

Мои каблуки звонко стучат по асфальту. И вдруг — толчок в сердце: а как этот человек доберется до дома, если все, как я, пройдут мимо? Замедляю шаги, становится досадно: не возвращаться же к нему...

"Военный, демобилизован, с палочкой", — вертит-

ся в мозгу. Как притянутая веревкой, поворачиваю обратно и с надеждой думаю: "Может быть, кто-нибудь уже помог". Нет, стоит на месте: невысокий, худой.

— Куда вам ехать?

— А где я?

— На Красной площади.

Проводит по лицу грязной рукой без двух пальцев.

— Ничего не понимаю: был у товарища, выпили, а я контужен, вот и развезло... Мне в Сокольники надо.

Рассказываю, как добраться. Мотает головой:

— Не найду, туман здесь, — стучит себя по лбу.

"Неужели я должна довести его до метро?! А если кто-нибудь из знакомых увидит меня с этим пьянчугой?"

Военный тоскливо поводит плечами, видно, что он вконец измучен. С усилием предлагаю:

— Пойдемте, я провожу вас.

Идем рядом. Ноги ему плохо повинуются, но он старается изо всех сил, размахивает свободной рукой и постукивает палочкой. Начинает длинно жаловаться на милиционеров, которые его куда-то не пускали. Одергиваю, чтобы не бранился.

— Извините, не буду. Вы не думайте, что я всегда такой был... Нет! Воевал! От Москвы до Берлина дошел. Сам Жуков наградил. Потом ранили... — Он вздыхает и спотыкается.

Подходим к метро. В ярком свете ламп фигура пьяного выступает во всей неприглядности.

— Вот мы и у цели. Теперь входите в эту дверь, а потом на эскалатор. До свиданья, — с облегчением говорю я.

Военный смущенно качает головой:

— Одного меня милиция сюда не пропустит.

Раздраженно соглашаюсь:

— Хорошо, пойдем вместе.

— Все равно не поверят, что я с вами, — мнется военный. — Боже мой! Что же надо сделать?! Возьмите меня под руку, — не глядя в лицо, шепчет он.

Смотрю на его спину, измазанную чем-то белым, на облепленный грязью подол старой шинели, оглядываю свое коверкотовое пальто и, зажмурив глаза, с отвращением просовываю руку под его холодный локоть.

Входим. Контролерши с недоумением оглядывают нас.

На эскалаторе военный робко жмется ко мне. Мое раздражение гаснет, я ободряюще улыбаюсь ему, хочу половчей поддержать, но делаю неосторожное движение и выбиваю палку из его руки. Он теряет равновесие и падает. Мужчина в фетровой шляпе подхватывает палку, кто-то сзади поднимает упавшего и помогает сойти со ступенек. Оборачиваюсь, чтобы поблагодарить, и замираю: милиционер... Он сейчас заберет моего пьяненького! Не ожидая, пока это случится, хватаю его под руки и торопливо говорю:

— Это мой знакомый, он не один, а со мной.

Милиционер усмехается:

— Не беспокойтесь, гражданочка, все понятно, — и отходит.

Видимо, от всех волнений мой спутник протрезвился окончательно, так как на перрон выходит бодрым шагом.

— Пожалуйста, помогите капитану доехать до Сокольников, -- прошу я пассажиров.

— Давайте его сюда, — откликается несколько голосов.

Подходит поезд. Военный растроганно смотрит на меня:

— Какая вы замечательная, какая добрая, совсем будто родная. Век вас не забуду!

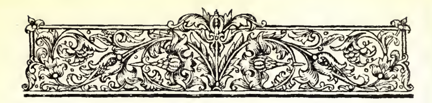
Он говорит еще что-то, но его вталкивают в вагон, и поезд трогается. Вижу, как на прощанье он мне машет рукой.

Стою... Смотрю вслед ушедшему поезду и чувствую, как едкие слезы текут из моих глаз.

Почему капитан благодарил меня, а не я его? Кто шел от Москвы до Берлина в то время, когда я отсиживалась в эвакуации? Он и миллионы других... Почему же теперь, увидев его пьяным, я не почувствовала ничего, кроме презрения?

О, скупое сердце, не умеющее ни помнить, ни благодарить, как много ты должно людям!

ДОЛГ ПЛАТЕЖОМ КРАСЕН

Наша семья жила под Москвой в Новогиреево, там у нас свой дом был, а Богу молиться мы в Никольское ездили или в Перово, а в свой приходский храм не ходили — батюшка не нравился и дьякон тоже. Господь их судить будет, не мы, но только даже порог храма переступать тяжело было, до того он был запущен и грязен, а уж о том, как служили, и вспоминать не хочется. Народ туда почти и не ходил, если наберется человек десять, то и слава Богу.

Потом батюшка умер, а вскоре за ним и диакон, к нам же нового священника прислали, отца Петра Константинова. Слышим от знакомых, что батюшка хороший, усердный.

Когда первый раз в храм вошел и огляделся, то только головой покачал, а потом велел сторожихе воды нагреть и, подогнув полы подрясника, принялся алтарь мыть и убирать. Даже полы там своими руками вымыл, а на другой день после обедни попросил прихожан собраться и помочь ему храм привести в надлежащий вид.

Нам такой рассказ понравился, и в первую же субботу мама пошла ко всенощной посмотреть на нового батюшку. Вернулась довольная:

— Хороший батюшка, Бога любит.

После этого, вслед за мамой, и мы все начали ходить в свой храм, а сестра пошла петь на клирос. Потом мы с отцом Петром подружились, и он стал нашим частым гостем.

Был он не больно ученый, но добрый, чистый сердцем, отзывчивый на чужое горе, а уж что касается его веры, то была она несокрушимой. Женат он не был.

— Не успел. Пока выбирал да собирался, все невесты замуж повыходили, — шутил он.

Снимал он в Гирееве комнату и жил небогато, но нужды не знал.

Как-то долго его у нас не было, и когда он, наконец, пришел, мама спросила:

— Что же вы нас, отец Петр, забыли?

— Да гость у меня был, епископ... Только-только из лагеря вернулся и приехал прямо в Москву хлопотать о восстановлении. Родных у него нет, знакомых в Москве тоже не нашел, а меня он немного знал, вот и попросился приютить. А уж вернулся какой! Старые брюки на нем, куртка рваная, на голове — кепка, и сапоги каши просят, и это все его имение. А на дворе — декабрь! Одел я его, обул, валенки купил новые, подрясник свой теплый отдал, деньжонок немного, и вот три недели он у меня жил, на одной койке спали, другой хозяйка не дала. Подкормил я его немного, а то он от ветра шатался, и вчера проводил, назначение ему дали. Уж как благодарил меня, никогда, говорит, твоей доброты не забуду. Да, привел меня Господь такому большому человеку послужить.

Прошло полгода, и отца Петра ночью взяли. Был 1937 год. Потом его сослали на десять лет в концлагерь. Вначале духовные дети ему помогали и посылали посылки с вещами и продуктами, но когда началась война, о нем забыли, а когда вспомнили, то и посылать было нечего, все голодали. Редко, редко, с большим трудом набирали посылки. Потом распространился слух, что отец Петр умер.

Но он был жив и страдал от голода и болезней. В конце 1944 года его, еле живого, выпустили и дали направление в Ташкент.

— Поехал я в Ташкент, — вспоминал потом отец Петр, — и думал: там тепло, дай продам свой ватник и хлеба куплю, а то есть до смерти хочется. А дорога длинная, конца нет, на станциях все втридорога, и деньги вмиг вышли. Снял с себя белье и тоже продал, а сам в одном костюме из бумажной материи остался. Холодно, но терплю — доеду скоро.

Вот добрался до Ташкента и скорей пошел в церковное управление. Говорю, что я священник, и прошу хоть какой-нибудь работы. А на меня только руками замахали: "Много вас таких ходят, предъяви сначала документы". Я им объясняю, что только что из лагеря прибыл, что документы в Москве и я их еще не успел запросить, и опять прошу любую работу дать, чтобы не умереть с голода до того времени, пока документы придут. Не слушают, выгнали. Что делать? Пошел у людей приюта просить, на улице-то ведь зима. Гонят. "Ты, — говорят, — страшный да вшивый и того гляди умрешь. Что с тобой мертвым делать? Иди

к себе!" Стал на паперти в кладбищенском храме с нищими, хоть на кусок хлеба попросить — побили меня нищие: "Уходи прочь, не наш! Самим мало подают". Заплакал я с горя, в лагере и то лучше было. Плачу и молюсь: "Божия Матерь, спаси меня!"

Наконец, упросил одну женщину, и она впустила меня в хлев, где у нее свинья была, так я со свиньей вместе и жил и часто у нее из ведра еду таскал. А в церковь кладбищенскую каждый день ходил и все молился. Не в самой церкви, конечно, туда бы меня не впустили, потому что я весь грязный был, рваный, колени голые светятся, на ногах опорки старые, а главное, вшей на мне была сила.

Вот как-то слышу, нищие говорят, что приехал владыка Н. и сегодня вечером на кладбище служить будет.

"Господи! — думаю, — неужели этот тот владыка Н., которого я у себя в Гирееве привечал? Если он, попрошу у него помощи, может быть, старые хлеб-соль вспомнит".

Весь день я сам не свой ходил, волновался очень, а вечером раньше всех к храму пришел. Жду, а сердце колотится: он или не он? Признает или нет? Молюсь стою.

Подъехала машина, вышел владыка, смотрю — он! Тут я все на свете забыл, сквозь народ прорвался и не своим голосом кричу: "Владыка, спасите!" Он остановился, посмотрел на меня и говорит: "Не узнаю". Как сказал, народ давай меня взашей гнать, а я еще сильнее кричу: "Это я, отец Петр из Новогиреева". Влады-

ка всмотрелся в меня, слезы у него на глазах показались, и сказал: "Узнал теперь. Стойте здесь, сейчас келейника пришлю". И вошел в храм.

А я стою, трясусь весь и плачу. Народ меня окружил, давай расспрашивать, а я и говорить не могу. Тут вышел келейник и кричит: "Кто здесь отец Петр из Новогиреева?" Я отозвался. Подает он мне деньги и говорит: "Владыка просил вас вымыться, переодеться и завтра после обедни прийти к нему".

Тут уж народ поверил, что я и вправду священник. Кое-кто начал к себе звать, но подошла та женщина, у которой я в хлевушке жил, и позвала меня к себе. Истопила черную баньку и пустила меня туда мыться. Пока я мылся, она пошла и у знакомых на владыкины деньги мне белье купила и одежду. Потом отвела мне комнатку маленькую с кроватью и столиком.

Лег я на чистое, и сам чистый, и заплакал: "Царица Небесная, слава Тебе!"

Благодаря стараниям владыки Н., отец Петр был восстановлен в своих священнических правах и назначен вторым священником в тот самый кладбищенский храм, от паперти которого его гнали нищие.

Впоследствии нищая братия очень его полюбила за простоту и щедрость. Всех их он знал по именам, интересовался их бедами и радостями и помогал им, сколько мог.

Один раз, когда я приехал к отцу Петру в отпуск, мы шли с ним красивым ташкентским бульваром. Проходя мимо одного из стоявших там диванчиков,

мы увидели на нем измученного, оборванного человека. Обращаясь к отцу Петру, он неуверенно сказал:

— Помогите, батюшка, я из заключения.

Отец Петр остановился, оглядел оборванца, потом строго сказал мне:

— Отойди в сторону.

Я отошел, но мне было видно, как отец Петр вытащил из кармана бумажник, вынул из него толстую пачку денег и подал просящему.

Мне стало неловко наблюдать эту сцену, и я отвернулся, но мне был слышен приглушенный рыданием голос:

— Спасибо, отец, спасибо! Спасли вы меня! Награди вас Господь!

В НЕДЕЛЮ ЖЕН-МИРОНОСИЦ[1]

Посвящается А.И.С.

На Радоницу благочинный послал меня на время в Н. и предупредил, что туда после смерти последнего батюшки давно уже никто из духовенства не ездил, так как время стоит трудное и даже у нас в Ташкенте священников не хватает, а о том, чтобы кого-нибудь на периферию послать, и думать нечего, но, поскольку в моем лице явилось пополнение, то вот он меня туда и направляет.

Поехал я...

Н. от Ташкента находится недалеко, но добираться мне пришлось долго и поездом, и пешком, и на попутной лошадке, потому что с транспортом тогда очень трудно было.

Приехал я поздно вечером, но весть о моем приезде разнеслась по поселку в одну минуту. Народ бежал, как на пожар.

— Батюшка приехал! — кричали и старые и малые. Окружили меня, обнимают, христосуются, благосло-

[1] *В этом рассказе речь идет о том же священнике, что и в предыдущем.*

вения просят и все к себе ночевать зовут. Узбеки тоже прибежали на "русского муллу" поглядеть.

Староста меня от народа едва отбила и к себе повела, и все время, пока я в поселке жил, меня опекала.

А потрудиться мне там пришлось на совесть! Мало того, что ежедневно служил утром и вечером, и исповедовал и причащал за каждой литургией пропасть людей, требами меня замучили.

Первое — крестины. Крестил я младенцев и больших, целый хоровод вокруг купели ставил.

А сколько заочных отпеваний было, сколько панихид! Ведь война только окончилась, почти в каждом доме кто-нибудь убит, или ранен, или погиб без вести. Не счесть горя и слез, и каждого надо было пожалеть и утешить.

Ну, а под конец венчал. По скольку лет без венца жили, а тут, особенно фронтовики, все пошли венчаться.

Как я выдержал?! Видно, благодать священства спасла.

Народ меня полюбил. Одет я был легко, а вечера холодные, так пять женщин за день мне теплую куцавейку из шерсти связали. Один старик сапоги покойного сына принес:

— Поминай, батюшка, мово Колю.

А сапоги — цены им нет: мягкие, легкие, надел — и нога радуется.

Денег мне насовали, а когда уезжал, подводу дали, на нее кадушку с крашеными яйцами поставили, кули-

чей наложили, рису в мешок насыпали, изюма целую пропасть и связку вяленой дыни. Хотели еще мяса дать, но я отбоярился, в рот ведь его не беру.

Расставаясь, поплакали, и обещал я им, что скоро опять приеду.

На лошадке возница довез меня до самой квартиры, а когда принялись мы с ним воз разгружать, соседи набежали глядеть, чего поп из деревни привез. Я им всем по кусочку кулича дал, по яичку и сказал ребятам, чтобы наказали всем детям, что в нашей округе живут, чтобы завтра ко мне под окно приходили христосоваться и что всем им я буду по яичку давать.

А год, не забудьте, был 46-й, и хоть победа — наша и врага мы растоптали, а со снабжением еще туго было и хлеб давали по карточкам черный, а в магазинах — шаром кати, только на рынке втридорога что-нибудь купить можно было, потому все, мною привезенное, было, по тому времени, драгоценность.

Наступило утро, это была суббота недели жен-мироносиц. Пошел я к литургии, благочинному, как положено, даров снес и в поездке отчитался. Возвращаюсь домой. Батюшки светы! У моего окна орда мальчишек и девчонок стоит. Все кричат и все хотят быть первыми.

Открыл я окно и говорю им:

— Пока дружка за дружку не станете — ничего не дам.

Пошумели, поспорили, стали.

Всех оделил, и еще немного у меня яиц осталось. Я себе десяток самых лучших отобрал и на стол

положил рядом с куличом, что для себя оставил, и принялся второй раз давать яйца ребятишкам. И только я последнее отдал, как подходит к моему окну старая женщина и смиренно просит:

— Батюшка, не дадите ли два яичка моим внукам, они только что из больницы после кори вернулись, и к вам им не дойти, слабые очень.

Глянул я на нее, и сердце у меня оборвалось: вот стоит передо мной точь-в-точь наша лагерная — в лохмоточках вся, и хоть на улице прохладно, на ней ничего теплого нет, только косынка какая-то на седой голове. Сама — кожа да кости, руки натруженные, корявые, а глаза... Господи Боже мой, что в этих глазах! Скорбь такая, что я схватил кулич, что себе оставил, и десяток яиц, сунул их в мешок и даю ей. А она на меня смотрит и от благодарности слова не вымолвит, а только руку к груди прижимает.

— Ты, — спрашиваю, — почему такая убогая?

— Мы — эвакуированные, — отвечает, — здесь всё прожили. Старший сын на фронте погиб, невестка болеет, никак не поправится, внучата только что из больницы, а младший сын уже год вести не подает, убит, видно. — Сказала и не плачет, а только смотрит.

— Подожди, — говорю, а сам вынул из-под подушки кошелек с деньгами, хотел ей что-нибудь дать, а потом, чувствую, не могу, и весь кошелек пихнул ей в руку: — Держи, не потеряй, здесь денег много.

Она совсем обомлела, хочет благодарить, а губы

дрожат, и сама дрожит, и тело ее старое в прорехи лохмотьев виднеется.

И снова лагерь передо мною встал...

Снял я с плеч куцавейку, что мне в поселке связали, накинул ей на спину.

— Иди, — говорю, — с Богом.

Закрыл окно шторкою, а сам на койку бросился, с головой укрылся и все мне чудилось, что это я нашу лагерную приветил... И знали бы вы, какая в душе моей была радость.

ТАРАТАЙКА

Мария Петровна глубоко почитает святителя Николая, в особенности после того случая, который произошел с ней этим летом.

Она собралась к двоюродной сестре в деревню. Раньше у нее не бывала, но в июле дочка с зятем уехали в Крым, оба внука ушли в туристский поход и, оставшись в квартире одна, Мария Петровна сразу заскучала и решила: "Поеду к своим в деревню". Накупила гостинцев и послала телеграмму, чтобы завтра ее встречали на станции Лужки.

Приехала в Лужки, огляделась, а встречать никто не вышел. Что тут делать?

— Сдай, милаша, свои узелки к нам в камеру хранения, — посоветовала Марии Петровне станционная сторожиха, — а сама иди пряменько вот этой дорогой километров восемь, а то и десять, пока не повстречается тебе березовая роща, а возле нее, на бугорочке, отдельно от всех, — две сосны. Сворачивай прямо на них и увидишь тропочку, а за ней — гать. Перейдешь гать — и снова на тропку выходи, она в лесок приведет. Чуток пройдешь меж берез и прямо на ту деревню, что тебе нужна, и выйдешь.

— А волки у вас есть? — опасливо спросила Мария Петровна.

— Есть, дорогуша, не утаю, есть. Да пока светло, они не тронут, а под вечер, конечно, пошалить могут. Ну, авось, проскочишь!

Пошла Мария Петровна. Она была деревенская, но за двадцать лет жизни в городе отвыкла много ходить и быстро устала.

Вот шла она, шла, будто не то что десять, а все пятнадцать километров прошла, а ни двух сосен, ни березовой рощи не видно.

Солнышко за лес закатилось, холодком потянуло.

"Хоть бы живой человек повстречался", — думает Мария Петровна.

Но вначале, как она шла, встречные были, а теперь — никого. Жутко стало, а ну как волк выскочит?.. Может, две сосны она уже давно прошла, а может, они еще далеко...

Совсем стемнело... Что делать? Возвращаться? Так до станции только к рассвету доберешься. Вот беда-то!

— Святитель Николай, погляди, что со мной стряслось, помоги, родненький, ведь меня волки на дороге загрызут, — взмолилась Мария Петровна и от страха заплакала. А кругом — тишина, ни души, и только звездочки на нее с темнеющего неба смотрят...

И вдруг где-то сбоку громко застучали колеса.

— Батюшки, да ведь это через гать кто-то едет, — сообразила Мария Петровна и бросилась на стук. Бежит и видит, что справа две сосны стоят, и от них — тропочка. Проглядела!

А вот и гать. Ой, счастье какое!

А по гати стучит колесами небольшая таратайка, запряженная в одну лошадь. В таратайке старичок сидит, только спина видна и голова, как одуванчик беленький, а вокруг нее — сияние...

— Святитель Николай, да ведь это ты сам! — закричала Мария Петровна и, не разбирая дороги, бросилась догонять таратайку, а она уже в лесок въехала.

Бежит Мария Петровна что есть мочи и только одно кричит:

— Подожди!..

А таратайки уже и не видно.

Выскочила Мария Петровна из лесочка — перед ней избы. У крайней старики на бревнах сидят, курят. Она — к ним:

— Проезжал сейчас мимо вас дедушка седенький на таратайке?

— Нету, милая, никто не ехал, а мы тут, поди, уже час, как сидим.

У Марии Петровны ноги подкосились — села на землю и молчит, только сердце в груди колотится и слезы подступают.

Посидела, спросила, где сестрина изба стоит, и тихо пошла к ней.

ВОПРОС

Клев был плохой.

— Посидим еще полчаса и начнем собираться домой, — предложил Иван Николаевич.

— Ладно, — неохотно согласился я. — Уж больно хорошо было сидеть над спокойным, будто дремлющим Донцом, смотреть на противоположный гористый берег и, ни о чем не думая, наслаждаться склоняющимся к вечеру июльским днем.

Сзади нас раздались голоса и приглушенные травой шаги. Я обернулся. Четверо мужчин и женщина, по-вдовьи повязанная черным платком, подошли к нам.

— Здравствуйте, Павел Петрович! Узнаете? — обратился ко мне высокий широкоплечий парень.

Я поправил очки, посмотрел на спрашивающего и протянул руку:

— Воскобойников Вася, здравствуй! Помни, что еще не было такого случая, чтобы я забыл кого-нибудь из своих старых учеников. Зачем это вы целой ватагой пришли, что случилось?

— Горе, Павел Петрович: старший брат утонул. Десять дней его искали, весь Донец перебаламутили, верно, унесло. Перестали искать — и тут вдруг братниной вдове Наталье, — Вася указал на женщину, —

приснилось, что пришел к ней муж и сказал, будто искать его надо здесь, напротив горы, в корнях у дуплистой березы. Конечно, никто ее словам веры не дал, а он ей через день опять приснился, а сегодня — отцу, да еще сказал, чтоб торопились, а то его раки объедать начинают. Батя человек твердый, но тут расстроился и стал нас просить: "Идите, хлопцы, еще раз поищите". Нам и смешно, и стыдно по бабьему сну идти искать, но старик так просил, аж плакал.

— Уважь, Вася, отца и вдову тоже, поищи, — посоветовал я.

— Да придется. Только мы вам сейчас всю рыбу испугаем, потому что искать будем недалеко от вас.

— Ничего, ничего, мы рыбалку уже окончили.

Василий со своими спутниками ушел, а мы стали собираться домой.

— Темный еще у нас народ, ах, какой темный! В сны верят, в явление покойников, — сокрушался Иван Николаевич, сматывая леску.

— Да, — грустно согласился я, — много еще суеверий держится в народе.

Вдруг к нам донесся истерический крик женщины:

— Петенька, Петенька! — а потом ее неистовый плач.

— Неужели нашли? — вздрогнул Иван Николаевич.

Судя по плеску воды и возбужденным голосам, было ясно, что нашли утонувшего.

Бросив удочки, мы пошли к ним.

Действительно, на песке лежало мертвое тело, а возле него, упав лицом вниз, голосила Наталья.

Мужчины молча одевались, только Василий, увидев нас, полуодетый, подбежал ко мне. Лицо у него было возбужденное.

— Павел Петрович, я вас почитаю за самого благородного человека, ответьте же мне, как это так случилось: учили меня в школе, а потом в армии, что Бога нет, загробный мир — поповские выдумки, и вдруг утопший брат приходит во сне к своей жене, а потом к отцу, указывает место, где искать его тело, и еще говорит: "Торопитесь, раки объедают", — и правда, они ему уже пальцы объели. Так как же это понимать, Павел Петрович? Значит, от него осталось в мире что-то, что дало о себе знать, и ему не все равно, съедят его раки или похоронят родные? А если такое дело, то он не исчез со смертью, а существует? Объясните нам, Павел Петрович, всё честно, вы же мой учитель!

Глаза всех были устремлены на меня. Даже Наталья подняла заплаканное лицо.

А я? Я опустил голову и ответил:

— Не знаю.

В КРЕСТИЛЬНОЙ

Я работаю при церкви в крестильной комнате. Кто у нас крестится? Да кто хотите — и старые, и малые.

Вот, к примеру, пришел к нам молодой человек в очках, расспросил, что требуется для крещения, сколько стоит, и ушел. Недели три не был, а тут, вижу, — опять появился и просит его окрестить. Я поинтересовалась, почему он не крестился, когда приходил к нам в первый раз.

— Так у меня, — отвечает, — тогда денег не было, а сегодня стипендию в институте выдали.

Когда батюшке про это сказали, он за голову схватился:

— Неужели вы думали, что я не окрестил бы вас без денег? — спросил он студента.

А тот застеснялся и ответил:

— Зачем же бесплатно, если я могу заплатить.

Очень было интересно, когда к нам целая семья пришла креститься: муж, жена и сыночка двухлетнего принесли. Молодые, три года только как университет окончили, оба работают.

Она с детства про Бога ничего не знала, а как замуж

вышла, муж ей все про Него объяснил, потому что давно уже Евангелие читать начал, и вот решили креститься.

Сначала жена крестилась и сыночек. Когда она после крещения стояла, то смотреть на нее без слез невозможно было: беленькая, хорошенькая; глазки большие, ясные, волосы светлые по плечам распущены, крестильная рубашка до полу с длинными рукавами, и свечу держит, как ангел Божий!

Ну, а мальчишка — озорной: все капризничал и помазок у батюшки из рук выхватил. Правда, ему потом несладко пришлось: когда крестный обносил его вокруг купели, малый каждый раз попадал голыми пятками в горящие свечи, ну и ясно, что больно ему было.

Муж крестился через два месяца, а тогда неготовым себя чувствовал. Так трогательно было: сам молодой, лет двадцать восемь, крестный — ему под стать, и батюшка немногим старше. После таинства они втроем из храма ушли, а у меня весь день на душе была Пасха...

Был еще особенный случай, давно уже, его приезжий батюшка рассказывал.

Пришла к нему школьница лет четырнадцати и просит:

— Окрестите меня, я в Бога верую.

Он ее спрашивает:

— Где же родители, почему одна пришла?

— Мама умерла, папа очень занят, а больше у меня никого нет.

— А кто твой папа? — интересуется батюшка.

Девочка назвала фамилию очень известного в том городе начальника. Священник покачал головой.

— Не могу крестить без согласия отца.

Ушла девочка, потом опять пришла и снова просит крестить. Но батюшка не соглашается. Тогда она спрашивает:

— А если я вам записку от отца принесу, крестите?

— Крещу, — ответил священник.

Что же вы думаете? Принесла: "Против крещения моей дочери не возражаю", — и подпись. Окрестили... Как она была рада, и все с ней радовались. Потом она и отца своего к батюшке привела. Вот какая девочка!

А недавно у нас целая история получилась: пришла пожилая женщина и рассказала, что у нее маленький внучок чахнет. К кому ни носила — помощи нет: того и гляди умрет. Она все сына и невестку уговаривала окрестить ребенка, чтобы ему хоть после смерти хорошо было, но те и слушать не хотели. А вчера вечером невестка вдруг согласие дала. Вот бабушка и пришла узнать, можно ли сейчас же дитя окрестить? Сказали: неси. Пришла с кумовьями, и мать ребенка увязалась с ними. И такими она злыми глазами на батюшку глядела, просто сил нет. А батюшка-то не наш, а прислали его на месяц, пока отец Константин в отпуске находился, и такой он молодой да хороший...

Ребенок был совсем умирающий, даже не плакал, а стонал только. Но знаете, что вышло? Ожил ребеночек! К вечеру ему уже лучше стало и кушать начал, а потом совсем на поправку пошло.

Вчера его мать с большим букетом цветов прибежала.

— Где ваш батюшка молодой? Он моего сыночка спас, я ему цветов принесла.

А батюшка месяц за отца Константина отработал и в своей приход вернулся.

Мать долго у нас сидела и все говорила:

— Пусть мне теперь кто скажет, чтобы дитя не крестить — глаза выцарапаю.

Что вам еще рассказать? Вот в прошлый четверг отец с матерью принесли крестить своего первенького, и кумовья с ними.

Окончилось таинство, пора расходиться, а отец ребенка стоит в стороне, и, вижу, очень расстроенный.

Батюшка уже епитрахиль снял, поручи развязывает. Тут он к нему подошел и говорит:

— Не могу понять, что со мной делается. Я первый раз в церкви, но мне здесь так хорошо стало, что вся душа загорелась и все вокруг будто другим стало. И вот думаю: сын крещеный, а я — нет... Окрестите и меня...

Посмотрел на него батюшка, а тот — весь трепещет. Надел снова епитрахиль и окрестил тут же.

НА ВСЯКИЙ СЛУЧАЙ

Яркое весеннее утро. Все залито солнцем, и буйно цветут вишни в нашем саду — словно белым облаком покрыты высокие старые деревья, а под ними гудят пчелы.

Я стою на балконе с чайной посудой в руках.

— Бабушка, давайте пить чай не здесь, а под вишнями.

— Боюсь, там еще тени мало и дедушке нажжет голову.

— Мы над ним тентик повесим. Ведь хорошо-то как! — настаиваю я.

— Ну, Бог с тобой, накрывайте с Анисьей в саду. Вот только почему дедушка опять запаздывает?! Обедня отошла, а его все нет.

Бабушка недовольно ворчит, но когда придет дедушка, не скажет ему ни одного слова упрека, чтобы не расстраивать.

— Мужа надо встречать ласково, — учит она меня, — тогда дом ему всегда мил будет, а отчитаешь потом, при случае.

Стукнула калитка. Сейчас же радостным лаем залилась огромная Серка и торопливо засеменил к ней коротконогий Кутя.

— Ну, вот и дедушка пришел! — весело кричу я и, перебросив через плечо чайное полотенце, бегу ему навстречу.

Дедушка у нас высокий, седой, с большой белой бородою, с добрыми карими глазами. Одет он в серую летнюю рясу, на груди блестит золотой крест. Одной рукой он опирается на высокую черную палку, в другой бережно держит сверток в шелковом платке.

— Дедушка, будем завтракать и пить чай под вишнями, хорошо? Мы с Анисьей уже все там приготовили.

— Хорошо, попрыгунья, хорошо, — соглашается он и подходит к чайному столу. Положив на него сверток, снимает рясу, а я лью ему на руки воду и даю полотенце.

После этого дед благословляет бабушку, меня, Анисью, читает молитву, и мы садимся за стол.

Над нашими головами — белая пена цветущих вишен. Дедушка вдыхает ароматный воздух, трет ладонями лицо, умиленно смотрит по сторонам и молчит, он никогда не разговаривает во время еды и не позволяет нам.

Завтрак окончен. Бабушка наливает деду второй стакан крепкого чая и говорит безразличным тоном:

— Ну, я иду в комнаты, у меня дел много. Сверток твой захватить или сам принесешь?

— Сам, сам! Да ты не торопись, а посмотри лучше, что в нем-то!

Дедушка разворачивает платок и вынимает старинную икону средней величины.

— Посмотрите, мои дорогие, какой дивный образ! Он древний, ему лет триста с лишним. Понять его смысл не просто, а потому художник написал на нем краткий пояснительный текст, раскрывающий глубокое содержание образа. А оно вот в чем заключается.

Видите, нарисована высокая стена, по ту сторону ее находится рай, а по эту, внизу стены, — ад, и в нем грешники мучаются за свои грехи.

Вверху на райской стене изображен в белой одежде Господь наш Иисус Христос, рядом с ним — апостол Петр с ключами от рая в руках.

Ночь. Апостол Петр говорит Господу: "Боже мой, Всемилостивый Спасе, Ты поручил мне ключи от Своего светлого рая, день и ночь я зорко стерегу его, но стал замечать, что грешники, сам не пойму, какими путями, проникают в него из ада. Я заделал все щели, проверил замки, но они все-таки попадают в рай без моего ведома. Помоги мне, Господи, — сейчас ночь, давай станем здесь и поглядим, где они находят путь, чтобы самовольно попасть сюда!"

И стали на стражу Господь и апостол Петр.

И вдруг видят, что подходит к краю стены Пресвятая Богородица (вот Она нарисована в правом углу образа в светлом убрусе на голове), подходит и спускает в ад Свой омофор. Грешник внизу ухватился за спущенный край, а Пречистая Дева вытащила его наверх.

Увидали это Господь и апостол Петр, и хотел было апостол сказать что-то Господу, но Спаситель шепнул: "Ш-ш, пойдем отсюда".

И ушли Они тихой стопой. А Матерь Божия снова спустила в ад Свой омофор.

Нам с бабушкой образ очень понравился.

— Дедушка, кто вам его подарил?

— Никто не дарил, и не мой это образ, а церковный, я его только на несколько дней к себе взял, чтобы помолиться. А попал он к нам в собор очень просто. Подошел ко мне сегодня печник, Кислов по фамилии, подал эту икону и попросил отпеть его жиличку, которая вчера умерла в больнице. Я спросил: почему он не отпевает ее в своем приходе, а он ответил: "Неукладка у меня с нашими батюшками получилась, и они послали к вам, как к благочинному, потому что сами опасаются отпевать".

И рассказал мне Кислов, что жиличка у него была какая-то приезжая из Воронежа, молодая, тридцати пяти лет, красивая. Жила весело, ходили к ней гости, но вели себя пристойно, без пьянства и скандалов.

Была она замужем, это по паспорту видно, но жила одна. Почему? Не рассказывала, а Кисловы расспрашивать совестились.

В церковь не ходила, постов не блюла, а праздники каждый день справляла. На какие деньги жила, Кислов не знает, только видно было, что в средствах не стеснялась, за квартиру ему всегда вперед платила и детям подарки делала.

Но вот месяц тому назад заболела. Позвали доктора, он посмотрел и нашел воспаление слепой кишки. Лечил, а ей — все хуже. Тогда назначил на операцию.

Перед тем, как ехать в больницу, жиличка позвала обоих Кисловых и сказала:

— Увозят меня на операцию... Чует мое сердце, что я ее не выдержу, умру, — и заплакала.

Кисловы принялись ее утешать, но она только рукой на них махнула.

— Вот деньги, похороните меня, а эту икону, — и тут она им этот образ показала, — положите мне в гроб. Я в Бога не верю, но все-таки положите!

Помолчала и снова сказала:

— Положите на всякий случай, может быть, Она и меня спасет.

Умерла эта женщина во время операции. Кисловы привезли покойницу к себе домой, обрядили, положили в гроб, отпевать собрались, а приходские бати отказали им в этом, и образ посчитали неправославным, и она, видите ли, была неверующая, да еще, может быть, плохой жизни...

Но Царица Небесная надежду этой несчастной женщины, которая "на всякий случай" Ее образ к себе в гроб положить велела, не постыдила. Кислов пришел ко мне, и вот покойница уже у нас в соборе стоит, я по ней первую панихиду отпел, вечером парастас отслужу, а завтра, Бог даст, погребать буду.

А уж на том свете Царица Небесная ей Свой омофор в ад спустит, твердо верю.

Только икону эту в гроб ей не положил, пусть люди смотрят и уповают на милосердие Царицы Небесной и на Ее неустанное попечение о нас, грешных.

Покойнице же образ Покрова Божией Матери дал в руки.

Дедушка замолчал и задумался... Молчали и мы с бабушкой.

А вокруг буйно цвели вишни, и тихо падали белые лепестки на стол, на наши головы и на икону, на которой Царица Небесная спасает грешников.

КНИГА

У меня есть жизнеописание преподобного Серафима Саровского. Книга эта мною очень любима, но до того уже истрепана, что я решила никому ее больше не давать для чтения.

Но пришел мой хороший знакомый, увидал на полке книгу и так неотступно принялся просить ее, что я не выдержала и исполнила его просьбу.

— Но даю с условием, — сказала я, — чтобы никому вы ее не давали; видите, какая истрепанная и от переплета одни кусочки остались.

— Книгу буду читать сам и ни одному человеку не покажу, — заверил меня мой друг, но... не сдержал данного слова. Книгу увидела у него соседка и так просила дать почитать о любимом святом, что он дал ее, строго наказав: — Ни одному человеку не давайте, а то, если книга пропадет, что я хозяйке говорить буду?

Соседка и ее дочь с великой радостью читали полученную книгу и не спешили с ней расстаться.

За дочкой соседки ухаживал молодой инженер и, наконец, сделал предложение. Девушке он, видимо, очень нравился, но она отказала:

— Я верующая, а ты даже не крещеный. Венчаться

со мной ты не пойдешь, в церковь пускать не будешь, а когда родятся дети, то не позволишь их воспитывать так, как воспитывала меня мама. Не пойду за тебя, слишком взгляды у нас разные.

Получив отказ, молодой человек еще несколько раз пробовал ее уговаривать, а потом, улучив то время, когда девушка была на работе, пришел к ее матери и стал просить, чтобы она повлияла на дочь и та дала бы свое согласие.

Мать девушки отнеслась к гостю хорошо, но уговаривать дочь не согласилась. Видя, что он очень расстроен, она пригласила его выпить чаю и пошла на кухню приготовить все для этого нужное. Пока она хлопотала, молодой человек сидел за столом и перелистывал лежавшее там жизнеописание преподобного. Когда же хозяйка села с ним за стол, он стал просить дать ему прочесть книгу. Но никакие уговоры не подействовали. Тогда, поблагодарив за чай и попрощавшись, он схватил книгу и выскочил за дверь, пообещав на ходу скоро вернуть ее.

Бедная женщина боялась попадаться на глаза моему другу, так как дни шли, а молодой человек не появлялся. Наконец, она созналась ему во всем, что произошло, и они оба с тоской думали о том, что скажут мне.

Прошел месяц, другой. Настала пятая неделя Великого поста. И вдруг молодой человек совершенно неожиданно появился перед матерью и дочерью.

— Дорогие мои, — радостно крикнул он, — я теперь ваш, я вчера крестился, а сделал все это препо-

добный Серафим. Когда я начал смотреть у вас книгу о нем, то она меня так заинтересовала, что я не мог уже оторваться. Потом мне захотелось узнать еще что-нибудь о вере, о Христе. Я начал читать, поверил и, наконец, крестился. А книга цела, вот она вам!

И он положил ее на стол. Она была приведена в полный порядок и переплетена в дорогой и красивый переплет. В таком чудесном виде она мне и была возвращена моим другом, но я думаю подарить ее жениху и невесте, так как мне кажется, что они имеют на нее большее право.

В ПОСЛЕДНИЙ ЧАС

Вхожу на террасу и вижу, что мама взволнованно ходит из угла в угол.

— Что случилось?

— С Гошей сильно поспорили. — Мама останавливается возле меня и скрещивает на груди руки. — Я говорю этому варвару: "Гоша, вы — друг нашей семьи, я вас люблю, как сына, и потому меня тревожит, что вы живете не по-христиански. Пьете, мотаете деньги, изменяете... И кому? Нате, такой чудесной жене". Тут он меня сразу прервал. "Это все в прошлом. После летней истории я чист перед Натуськой, как младенец".

Но уж я остановиться не могла и продолжала: "Зачем вы начали ходить к Денисову и вместе с ним вызывать души умерших? Это великий грех! Индийских йогов читаете, хиромантией увлеклись... Вам скоро пятьдесят лет, сами говорите, что сердце плохое и можете умереть в одночасье, а об ответе на Страшном Суде не думаете". А Гоша возьми да и скажи: "Я греха не боюсь, потому что есть покаяние. Разбойник прожил порочную жизнь, покаялся только на кресте, и Господь простил ему все, а я не такой великий грешник, каким был он. Вот наступит мой последний

час, я и воззову: "Помяни меня, Господи, во Царствии Твоем", — и по Своему великому милосердию Господь меня помилует".

Тут я Гоше пригрозила: "А если смерть наступит так быстро, что вы этих слов не то что сказать, а и помыслить не успеете?" — "Ну, эти-то я успею", — ответил он мне.

— Мамочка, тебе пора привыкнуть к Гошиной логике, — пытаюсь я успокоить ее. — Сколько лет длится ваша дружба и Гоша приходит к тебе для откровенных разговоров, но найти общий язык вы никак не можете.

Мои слова не доходят до мамы, наклонив голову, она продолжает ходить по террасе.

Минуло пять лет. Как-то вечером мы все сидели за чаем. Раздался звонок, и в комнату вошла Ната. Она посмотрела на нас странными, пустыми глазами и хрипло сказала:

— Сейчас умер Гоша.

Мы вскочили со своих мест, а она без чувств свалилась на пол.

Потом мы узнали, что в тот день Ната с Гошей были в гостях у своей замужней дочери. Вернувшись домой, Гоша сел в кресло, хлопнул себя по карманам, и сказал:

— Эх, забыл у Ленушки папиросы.

— Я сейчас спущусь в магазин и куплю, — предложила Ната, которая всегда опекала мужа.

Она вернулась через двадцать минут. Гоша по-

прежнему сидел в кресле, но как-то неестественно свесившись на бок. Ната схватила его за руку. Гоша не шевельнулся.

Вызвали врача. Он осмотрел и сказал, что смерть была мгновенной.

Мама очень грустила по Гоше и мучилась: успел он сказать свои заветные слова Господу или нет. Она часто бывала на его могиле, иногда они ходили туда вдвоем с Натой.

Один раз Ната сказала ей:

— Сегодня во сне я видела Гошу. В пальто и шляпе он быстро вошел в нашу комнату и, не глядя на меня, направился к себе в кабинет. "Подожди, не уходи, — крикнула я, — скажи, как тебе там?"

Он обернулся и на ходу ответил: "Что заработал, то и получаю".

Можно представить себе, как после этого молилась о Гоше моя мама.

СТУПЕНЬКИ

К моим молодым соседям Селивановым бабушка привела няню:

— Завтра Наташа начнет работать, а правнучка Павлушеньку не с кем оставить, я ведь с ним ездить не могу, слаба стала, — доверительно рассказала она мне на кухне.

— А няня хорошая?

Бабушка неопределенно усмехнулась:

— Мы с ней из одного города, девушками вместе гуляли. Озорница она была, и очень красивая; цену себе знала. Потом, как жизнь ее ни шугала, она все же спеси не потеряла. Было время, что она у моей дочки Володю нянчила, а теперь пущай его сына доглядывает. Да вот она и сама, знакомьтесь.

В кухню вошла старая женщина, невысокая, полная, с подслеповатыми глазами.

— Здравствуйте! Как вас звать-величать, не знаю, а меня — Нина Петровна. Стол-то наш где? Энтот? А уж и грязной, да и крант-то у вас будто никогда не чистили. А картошка у них где? Нету? Володька! — пронзительно позвала она Селиванова. — Возьми сумку, принеси картошки. Да чай-то у вас есть? Я только индейский пью, возьми две пачки. Наташа, ты

иди с Павлушенькой гулять, пущай на ночь нагуляется, лучше спать будет, а я крант начну чистить.

На кухне сразу стало тесно и очень шумно: гремели кастрюли, лилась вода, и слышался громкий голос Нины Петровны.

— Уже нагулялись? Чтой-то быстро, идите еще. А почему он плачет? Ты же мать, забавь ребенка, а мне некогда, убираться надо.

Принес картошку? Выложи в ящик, да не мусорь, вот веник, подмети, и чайник поставь, а то у меня без чаю душа мрет. Да еще сбегал бы ты в гастроном за колбаской. Уважь старуху, я ведь тебя, дурака, нянчила.

— Вот это няня! — шепнул мне сосед по квартире, скромно возясь у своего кухонного стола. — Совсем такая, как по радио Райкин рассказывал.

Вскоре Нину Петровну знал весь дом. Называть ее стали, вслед за маленьким Павликом, "бабой Ниной".

— Смотри, совсем старуху из меня сделали, — недовольно ворчала она.

С появлением бабы Нины жизнь в нашей тихой квартире изменилась: из комнаты Селивановых все время слышался ее крикливый голос, она или пилила Павлика, или спорила и отчитывала своих добродушных хозяев. Все было не по ней, а по выходным дням она ездила жаловаться на них бабушке.

На кухне баба Нина играла первую роль: критиковала уборку, презрительно наблюдала за тем, кто как

готовит, авторитетно вмешивалась во все разговоры и всех поучала. Я иногда не выдерживала и сердито говорила:

— Баба Нина, мы живем все вместе много лет и друг друга уважаем, а вы — без году неделя, и хотите всеми командовать.

— Не учи вас — пропадете, — ворчала она в ответ и обиженно уходила из кухни.

— Ну, как вы с бабой Ниной живете? — спрашивала бабушка, приезжая иногда навестить внуков. — Воюете?

— Воюем.

— Да, она настырная и никого не боится. А о божественном она с вами говорила?

— Всего было.

— Про то, что ей Христос являлся, рассказывала?

— Нет, до этого дело еще не дошло, да я такого вранья и слушать не стану.

— Ниночка что хотите придумает. Вот жила во Фрунзе и давай в церкви старухам рассказывать, что ей Христос явился и сказал, что через два месяца конец света будет. Потом предсказывать начала, да так ловко, что народ к ней повалил. Она денег много набрала и жила припеваючи, но когда подошел тот срок, что она указывала, как конец света, пришлось ей из Фрунзе удирать, а то бы ее народ за вранье изувечил. Она на те деньги, что набрала, золотой заем купила, у нее до сих пор еще три облигации есть.

— В Бога баба Нина верует?

— Вроде верует, а вот деньги были нужны, она и наврала.

— Зачем вы ее к Павлику привели, она ведь вредная старуха?

— А что делать? Я старая, они оба работают, в ясли Павлика не берут, а хорошую няньку где достанешь?

Наступил Великий пост.

— Ну, теперя, Нина Петровна, шалишь: ни мяска, ни рыбки, ни молочка сорок девять дней в рот не возьмешь, — объявила баба Нина, поливая уксусом вареную картошку с луком.

— А когда вы говеть думаете? — спросила соседка.

Баба Нина нахмурилась:

— Душно в церкви, я не могу в духоте стоять.

За пост она очень похудела и несколько раз показывала нам, какими широкими стали на ней платья, но в церковь так и не пошла. Один раз совсем было собралась отговеться, накануне в баню сходила, а утром неожиданно сказала Наташе:

— Не могу идти, будто меня кто не пускает.

Как-то баба Нина до того меня рассердила, что я повысила голос, и мы поссорились. И день и два я ходила с испорченным настроением и старалась не выходить на кухню, когда она там бывала. Потом меня начал раздражать даже звук ее голоса. Я почувствовала, что дело плохо, и пошла к своему духовному отцу.

Мы сидели в его кабинете, и я жаловалась на вульгарную, противную старуху.

Отец Савва слушал меня внимательно. Я откинулась в кресле и вопросительно посмотрела на него. Отец Савва помолчал, потом провел рукой по волосам и тихо спросил:

— У вас какое образование?

— Незаконченное высшее, — оторопело ответила я.

— Ваш отец был инженером?

— Да.

— Кажется, вы читаете много духовной литературы?

— Читаю... Сейчас у меня "Аскетические опыты" Брянчанинова.

— Хорошее дело, — похвалил отец Савва. — А вот интересно: баба Нина грамотная?

— Нет. Она может подписать только свою фамилию.

— Родители ее, надо полагать, люди простые?

— Ну, конечно!

— В слове Божием ее кто-нибудь наставлял?

— Сильно сомневаюсь.

Отец Савва сжал руки вместе и пристально посмотрел на меня:

— Так вот, дорогая Зинаида Павловна, подумайте, сколько ступенек социальных и духовных между ней и вами... Она лежит где-то внизу этой сияющей лестницы, надо сказать, на брюхе, не боится даже Христовым именем спекулировать, а вы стоите на таких ступенях духовного развития, что можете читать епископа Игнатия. Как вы думаете, может баба Нина подняться до вас, заговорить вашим языком и посту-

пать так, как надлежит интеллигентному человеку? Убежден, что нет. А вот вы со своих ступенек можете сойти в ее темноту и понять ее первобытное развитие. Но сойти, конечно, не для того, чтобы уподобиться ей, а чтобы лучше понять, пожалеть и не осудить. Короче говоря — я на стороне бабы Нины, а вам скажу одно: во всех неприятных столкновениях с людьми первым долгом ищите свою вину.

Я вышла от отца Саввы с ощущением полученного подзатыльника.

Муж был в длительной командировке, и мне не хотелось возвращаться домой. Я бродила тихими переулками и, когда стемнело, вернулась к себе.

На кухне бабушка Селивановых мыла посуду.

— Ниночка-то наша заболела, — сообщила она. — Во всем теле нервные боли, слышите, как стонет? Да и как не болеть, если жизнь ее была тяжелейшая! — Бабушка вздохнула и покачала головой. — Родилась на барже, отец — бурлак, мать от родов померла, растила старшая сестренка. Кругом — пьянство, мат, драки. Ее ведь не Ниной зовут, это она сама себе имя придумала, она Степанида, и ее все Степкой звали. Когда выросла, со второй сестрой пошли к старшей жить, а та бардачок держала. Приходили мужчины, сестры с ними гуляли, а ночью своих кавалеров обворовывали. Потом один артельщик женился на Ниночке за ее красоту. Но что за жизнь была! Бил он ее всем, что под руку попадалось. Глаз вышиб, заметили? Она ведь подслеповатая. Два ребра сломал. Но она его любила без памяти и никому не жаловалась,

фасон держала. Под конец он ее бросил, и пошла она с другими путаться. Но его до сих пор ждет, думает, что вернется, и каждое утро на него карты бросает.

Я ушла в свою комнату и, не зажигая огня, долго стояла у окна. Потом вынула из буфета банку с земляничным вареньем и пошла к Селивановым.

Баба Нина лежала укутанная ватным одеялом, лицо у нее было бледное, губы сжаты. Увидев меня, она отвернулась к стене.

Я поставила банку на стол, присела возле ее кровати и, сунув под одеяло руку, сжала ее пальцы:

— Пожалуйста, простите меня, баба Нина, что я на вас шумела.

Она быстро открыла глаза.

— Ну, что там, Павловна, я не сержусь.

— Я вам вашего любимого варенья принесла.

— Неужто земляничного? Вот разутешила! А мне будто лучше стало... Вот полежу часок и сядем с бабушкой чай пить. Приходите и вы, Павловна.

Я больше никогда не ссорилась с бабой Ниной, она тоже остерегалась.

Год спустя Селивановы устроили Павлика в детский сад и поспешили с ней расстаться.

Уезжала она от нас очень грустная, хотя старалась не показать этого. Мы с соседкой подарили ей красивый голубой платок.

Не знаю, вспоминает ли меня баба Нина, но мне на память она приходит часто.

ПРОЩЕНИЕ

Выйдя на пенсию, я начал каждое лето проводить в Печорах. Снимал в городе комнату, где только ночевал, а весь день не выходил из монастыря. Среди монахов у меня появились большие друзья, кроме того, я старался в меру своих сил быть полезным обители.

Как-то вечером я уже собрался к себе на квартиру, как меня по дороге к Святым вратам остановил знакомый иеромонах и попросил:

— Виктор Сергеевич, не могли бы вы взять к себе на два-три дня этого молодого человека? В городской гостинице нет мест, а из печорских жителей он никого не знает. Возьмите, юноша хороший.

Я согласился, и молодой человек (его звали Павлом), длинный и неуклюжий, в модных брюках и остроносых башмаках, пошел ко мне.

За ужином он рассказал, что живет в Ленинграде, учится в институте и работает лаборантом в "ящике" Семья неверующая.

— Отец — слесарь и человек некультурный, — юношеским баском повествовал Павел, — он со мной из-за религии до драки доходит. А как-то напился и пошел в милицию жаловаться, что я в Бога верую.

Там народ умный, и его выставили. С матерью тоже трудно, она одно твердит: "И в кого ты такой псих уродился, лучше бы с девушками в кино ходил, а не по церквам бегал". Икону у меня со стола убирает, лампадку зажечь не дает. Брат есть, монтером работает, он меня и за человека не считает. Сестренка, та еще маленькая, только в школу пошла. Иногда про Бога спрашивает. Я ее даже причастил один раз. А сейчас я в отпуске. Своим сказал, что на взморье в Ригу еду, а сам — по монастырям. В Загорске был, в Почаеве, а под конец сюда приехал. Очень нравится.

Все три дня, которые Павел провел у меня, он или жадно читал духовные книги, или был в монастыре. Вечерами мы с ним подолгу беседовали и ели картошку, варенную в мундире.

Перед отъездом Павел мне озабоченно сказал:

— Одна здешняя женщина-эстонка продает очень красивые вещи своей вязки, хотел всем своим купить у нее что-нибудь в подарок, но денег надо рублей двадцать пять, а у меня только на обратный билет.

Я подумал и сказал:

— У меня есть деньги, но тоже только на обратную дорогу, я ведь через неделю возвращаюсь домой в Ленинград, но отец Иоанн дал мне пятьдесят рублей на покупку красок, я могу дать вам из них, а вы мне по приезде вернете.

— Не задерживая! — обрадовался Павел. — Дома у меня деньги есть, я ведь прилично получаю.

— Ну и прекрасно, а то у меня пенсия небольшая, и, кроме того, я каждый месяц сестре посылаю, так что

мой денежный вопрос стоит остро, задерживать же отца Иоанна с получением красок мне не хочется.

Павел еще упросил меня дать ему на прочтение одну из моих книг.

— Как приедете в Ленинград, сейчас же мне позвоните, и я мигом принесу вам и деньги, и книгу.

Мы дружески распрощались, и Павел уехал, а я прожил еще неделю и тоже вернулся в Ленинград. Человек я вдовый и живу один. Приехав, привел свою комнату в порядок, получил пенсию, сделал покупки и спустя два дня позвонил Павлу. Он пришел немедленно, вручил мне с благодарностью книгу и выпросил еще две, которые я дал с условием не задерживать. Прощаясь, Павел небрежно сказал:

— А денежки не принес, нет сейчас.

Меня покоробило: ведь я предупреждал Павла о своей материальной несостоятельности, а ему хоть бы что! Но потом упрекнул себя за излишнюю строгость к молодому человеку и успокоился.

Прошло два месяца, от Павла ни слуху ни духу. Позвонил ему, спросил, как живет и когда думает вернуть книги. Отвечал Павел очень беспечно, сказал, что книги "читают", и высказал неудовольствие по поводу того, что я его тороплю.

Прошло еще полтора месяца, я давно отправил отцу Иоанну краски, купленные на мои деньги, и, не получая от Павла вестей, начал беситься: "Пользовался моим гостеприимством, взял книги, чужие деньги и... сгинул". Мое раздражение на юношу дошло до того, что я начал мысленно составлять ему едкое

письмо, но письма не написал, а, чтобы успокоиться, решил прибегнуть к самому верному средству — говению.

Проходил пять дней в храм и вечером пятого дня остался после всенощной исповедываться. Собралось нас несколько человек. Священник, мой духовный отец, проникновенно читал молитвы перед исповедью. Я стоял смущенный и неспокойный, перебирая в памяти свои грехи, и волновался от того беспорядка, который царил в моем сердце. В голову приходил Павел. И вдруг острая мысль пронзила меня: "Пришел просить о прощении, а сам не можешь простить Павла".

"Но он виноват!" — завопил кто-то в моем сознании. "А как я его поношу все время, — ответило сердце, — он ведь еще мальчишка, борец за веру в своей семье. Деньги отдаст потом, а не отдаст — Бог с ним, я его прощаю. Спаси его, Господи, и помилуй, а меня прости, что осуждал Павла так мерзко и так жестоко".

Я стал на колени, прижался лбом к холодному полу, и на сердце у меня стало тихо и так хорошо, что не могу рассказать.

Утром я причастился и, умиротворенный, пошел домой.

Вечером я открыл входную дверь, чтобы выйти на лестницу и вынуть из ящика почту, и вижу: на пороге Павел собирается нажать кнопку звонка. Шея обвязана толстым шарфом, лицо красное, голос хриплый.

— Виктор Сергеевич, простите, что я так долго не приносил вам ни книг, ни денег. Вот, пожалуйста, возьмите, — он мне протянул и то, и другое. — А зайти, спасибо, не могу! У меня сейчас очень высокая температура, я на бюллетене, но не мог лежать, очень хотелось отнести вам долг. Не сердитесь на меня, а если что нужно, звоните, я к вашим услугам.

ОТВЕРГНУТАЯ МОЛИТВА

Собрались на охоту. Выпили. Один из охотившихся уснул после выпивки и умер во сне.

Что делать родственникам? В Библии сказано: пьяницы Царствия Божия не наследуют. Значит, отпевать его в церкви нельзя? Но ведь умер-то он не от пьянства (хотя и был пьян).

В общем, отпели в церкви, заказали поминать на сорок дней. Но чувствуют они, что сделали мало.

Подумали родные и решили: собрать денег и послать монахам на Афон — это гора такая, где живут одни монахи. Пусть они помолятся Богу.

Собрали сто рублей и выслали.

Проходит около года. Приходит с горы афонской письмо: пишут монахи, что молились, но не могут умолить Господа.

Посовещались родственники: что делать? Наверно, мало денег послали. Собрали с трудом еще сто рублей и выслали монахам: молитесь.

Проходит еще полгода или год, приходит с Афона письмо от братии монашеской, и с письмом — двести рублей денег. В письме говорится: примите обратно ваши двести рублей. Мы молились Господу о вашем усопшем, но, видно, наши молитвы не угодны Гос-

поду — Он не принимает их. Или, может, усопший ваш был грешник большой?

А вы лучше вот что сделайте: купите на эти деньги, на двести рублей, зерна для птиц, корма всякого для зверюшек лесных и рассыпьте в лесу — может быть, птицы и звери Господа умолят.

НА ИМЕНИНАХ

На именины Марии Николаевны собрались родные и друзья. Когда подали чай, именинница обратилась к молодому священнику:

— Отец Павел, расскажите-ка нам что-нибудь полезное.

Священник смутился, склонил голову, а потом твердо ответил:

— Простите, но мне хочется послушать мудрых.

В числе гостей были: игумения женского монастыря с казначеей, профессор истории, старый монах, известный ученый и другие лица.

Разговор собравшихся постепенно перешел на личность отца Иоанна Кронштадтского.

— Моя старшая сестра, — рассказывал профессор, — будучи небольшой девочкой, пробралась в подъезд того дома, в который приехал отец Иоанн. Народу в ожидании выхода батюшки набралась тьма. Кое-как сделали проход, чтобы дать ему возможность выйти, а сестру, как маленькую, протиснули вперед. Она рассказывала, что страшно волновалась, ожидая выхода батюшки, а когда он появился в дверях, поразилась необычайным блеском его глаз и сиянием лица, ей было трудно на него смотреть.

Наступила пауза.

— Мать Мария, расскажи и ты про дорогого батюшку, — обратилась игумения к своей казначее.

— Благословите, — поклонилась монахиня и начала. — Семья наша жила в Кронштадте. Отец вскоре после моего рождения умер, а мать, чтобы прокормиться, пошла работать в модную мастерскую.

Когда мне исполнилось восемь лет, она отдала меня в школу. Походила я несколько месяцев, и вдруг заболело у меня ухо, да так сильно, что хоть кричи. У нас в школе был свой врач, он осмотрел ухо и сказал: "Надо делать операцию. Завтра я свезу тебя в больницу".

Пришла я домой, голова болит, в ухо стреляет, ну совсем больна. Мать вернулась с работы, я плачу и рассказываю, что доктор повезет меня завтра на операцию, а я боюсь.

Села мама, пригорюнилась, потом говорит: "Одевайся, пойдем к отцу Иоанну, что он скажет, то и сделаем".

Пришли мы к батюшкиному дому, позвонили, прислуга нам открыла и провела в кабинет. Батюшка встретил ласково, благословил, потом развязал мне платочек, посмотрел ухо и стал молиться. Помолился и сказал: "Не надо операции делать, так пройдет". Подарил мне иконку, апельсин, коробочку конфет и отпустил.

Вышли мы с мамой на улицу, а я прошу: "Посмотри на ухо, оно у меня болеть перестало". Мама тут же сняла платок, посмотрела, а ухо здоровое, только маленькое розовое пятнышко возле него осталось.

Обрадовались мы — и скорей домой.

На другой день доктор зовет: "Едем, Глаша, в больницу". А я ему отвечаю: "Не надо, у меня все прошло". Он не поверил, осмотрел хорошенько и спрашивает: "Что тебе с ухом делали?" — "А ничего, просто мы с мамой вчера к отцу Иоанну ходили". "Ну, если к отцу Иоанну, то понятно, — ответил доктор. — Он все может".

— Это лично с вами было? — заинтересовались гости.

— Со мной, со мной, — улыбнулась мать Мария. — А еще я такой случай знаю. Служил дорогой батюшка молебен, а моей маме посчастливилось стоять с ним почти рядом. Он молится, а она на него смотрит и думает: "Умрет наш батюшка, к кому тогда за утешением ходить будем? Хотя бы нам мощи свои оставил". А он поглядел на нее да и говорит: "Стоит ли? Времени больно мало остается". Потом подумал и добавил: "Но по милосердию Божию, может быть, время и продлится".

Только мать Мария успела закончить свой рассказ, как в комнату вошел высокий седой священник. Все, радостно приветствуя, направились к нему. Когда общее оживление улеглось и все вновь сели за стол, Мария Николаевна принялась потчевать запоздавшего гостя. Выбрав удобный момент, она сказала:

— Ваш приход, дорогой отец Владимир, вдвойне приятен: рады увидеть вас после долгой разлуки и ждем услышать о вашей поездке на Святую Землю.

Отец Владимир рассмеялся:

— Меня теперь везде встречают такими словами. Но сегодня я ограничен временем и потому отложим мой рассказ до следующей встречи.

— Батюшка, мы завтра с матерью казначеей возвращаемся в монастырь и вас не услышим, будьте милостивы, расскажите хоть немного, ведь душа горит, — взмолилась игумения.

— Хорошо, — подумав, согласился отец Владимир. — Я расскажу сегодня только об одном событии, происшедшем со мной в Палестине. Итак, слушайте!

Свое паломничество по Святой Земле мы совершали по заранее составленному для нас маршруту, в сопровождении гидов.

В назначенный день нас повели к Вифлеемской пещере, где родился Господь наш Иисус Христос. Шел я в самом радостном настроении, ведь сбылась мечта моей жизни — я в Палестине, иду по земле, которой касались стопы моего Господа, Его Пресвятой Матери, апостолов, мироносиц. От счастья мне хотелось петь во весь голос. Но чем ближе мы подходили к цели нашего путешествия, тем заметней тускнела моя радость и, наконец, сменилась тревогой, которая перешла в страх такой силы, что у меня нет слов передать.

А появился он оттого, что родилась грозная мысль: с чем я иду к месту рождения нашего Спасителя, что доброе несу Ему за все то, что Он туне[1] дал мне? Добрые дела? Так их не видно за дурными. Свои слезы? Но это же вода, которая сейчас льется, а через

[1] *Ту́не — даром.*

минуту высыхает, и даже в памяти не остается, от каких причин она лилась. Покаяние? А где его мощная сила, стирающая все грехи? Нет у меня такой. Что же я принесу, старый иерей, своему Господу?!

И стало мне, дорогие мои, не только страшно, но и по-человечески стыдно. Нечего принести...

Люди пошли к пещере, а я остался в стороне, рыдая в тоске и ужасе.

Вдруг вспомнил: я — благочинный, у меня много врагов, сколько с ними было ссор, лютой вражды... Прощу всех?

И завопил я во всю мочь в своем сердце: "Господи, ради Тебя прощаю всех сделавших мне зло, всех врагов, какие у меня есть!"

Я вопил отчаянно. Потом чувствую — покой сошел в мое сердце. Тогда я понял, что **можно,** - и подошел к пещере...

Отец Владимир давно окончил свой рассказ, а молчание, пришедшее после него, не уходило. Кто вытирал глаза, кто сидел задумавшись, и сам отец Владимир был взволнован.

— Как прекрасно все услышанное нами, — раздался старческий голос. — Спасибо вам от всей души! В Писании сказано, что надо оглашать все, что может укрепить веру в сердце человека и послужить славе Божией. Выслушав ваши замечательные рассказы, и мне захотелось не утаить от вас великой милостыни, посланной мне Господом.

— Расскажите нам, дорогая Валентина Ивановна, — попросила старушку хозяйка дома.

— Все мои родные давно умерли, — начала Валентина Ивановна, — и я осталась одна. Пенсия маленькая, годы большие, да еще ноги сильно болеть начали. Часто случалось, что в магазин за продуктами не могу пойти, а послать некого, и сижу голодная день и больше. Выпадали и такие случаи, что ноги не болят, а денег нет. Уныние на меня нашло: как дальше жить буду?

Зашла ко мне в момент такой печали духовная дочь владыки Афанасия (Сахарова)[1] и посоветовала: "Каждый раз, когда после еды благодарите Господа, то в конце читайте молитву пророку Илие, он — покровитель одиноких людей, и вас не оставит. Так меня владыка научил". И дала мне составленную епископом Афанасием молитву к пророку. И начала я ее читать.

С тех пор все изменилось. Сама не знаю, каким образом это получается, но без пищи я не бываю —

---

[1] *Епископ Афанасий (Сахаров, 1887—15/28.X.1962) окончил Шуйское духовное училище в 1902 г., Московскую Духовную Академию в 1912 г., в тот же год пострижен в монашество и посвящен во иеродиакона и иеромонаха. Был преподавателем Полтавской и Владимирской духовных семинарий. Член Поместного Собора Русской Православной Церкви в 1918 г. Возведен в сан архимандрита в 1920 г., был наместником Владимирского Рождественского и настоятелем Боголюбского монастырей. Рукоположен во епископа Ковровского в 1921 г. Впервые арестован в 1922 г. Из тридцати девяти лет своего архиерейства владыка Афанасий находился на архиерейском служении тридцать три месяца, в узах и горьких работах — больше двадцати одного года, в изгнании — шесть с лишним лет. Прошел многочисленные тюрьмы, ссылки, этапы, Соловецкие, Беломорские, Онежские, Сибирские и др. лагеря — в Зырянском и Туруханском краях, в Омской обл., в Красноярске, Енисейске, Ишиме... Работал на лесоповале, на строительстве дороги, бригадиром лаптеплетной бригады, сторожем, инкассатором, на полевых работах, ассенизатором. Скончался на покое в г. Петушки Владимирской обл.*

или кто зайдет и я попрошу купить, или посылку получу, или дойду сама.

Но мало этого — пророк Илия, живший тысячи лет тому назад, стал мне доступным и близким. Я его не только о пище прошу, но и о вразумлении, и одинокой, как раньше, себя не чувствую: воззову, а пророк слышит.

Глаза слушателей ласково смотрели на раскрасневшуюся Валентину Ивановну.

— Дайте и нам эту молитовку, — попросил старый монах.

— С радостью! Записывайте:

"Во плоти Ангел, пророков основание, вторый Предтеча Пришествия Христова, Илие славне, от Ангелов пищу приемый и вдовицу во время глада препитавый, Сам и нам благодатный питатель буди".

— Славное у вас нынче застолье было, — сказал Марии Николаевне, прощаясь, отец Павел. — Я много почерпнул для себя мудрого.

РОДИТЕЛЬСКАЯ ЧАСТЬ

По утрам, проводив своих кого на работу, кого в школу, мы садимся с Верой Федоровной (соседкой по квартире) на кухне и чаевничаем. Никого нет, тишина, слышно только, как на верхнем этаже кто-то играет на скрипке.

— Вы не знаете, что с Настей случилось? — спросила меня Вера Федоровна за одним таким чаепитием.

— А что?

— Я сегодня вышла в пять часов в переднюю, а мимо меня — Настя. Красная, зареванная, и куда-то очень спешила. Два года в нашем доме живет, и я ни разу не видела, чтобы она плакала.

— А помните, в прошлом году, когда из деревни телеграмма пришла, что мать умерла, как она рыдала, — напомнила я.

— То — особое дело, об отце она тоже плакала, он через месяц после матери умер, а теперь с чего? Настя — комсомолка, на рабфаке отличница и по-пустому лить слезы не станет, случилось что-то, не иначе.

Мы окончили чай. Вера Федоровна принялась убирать посуду, а я — собираться в молочную.

— Доброе утро! — раздалось с порога.

Мы обернулись, перед нами стояла Настя. Как обы-

чно, красная косынка лихо сидела у нее на затылке, волосы кудрявились надо лбом, но лицо было очень взволнованное и торжественное. В руке она держала что-то завернутое в платочек.

— Ты куда это ни свет ни заря бегала? — ворчливо спросила Вера Федоровна.

— Ах, тут такое дело вышло, что сразу не объяснишь. — Настя села на табурет, концом косынки вытерла лицо и вздохнула.

— Да что же случилось?

— Ой, родненькие, ой, голубчики, — вдруг по-деревенски заголосила Настя. — Родители мои еще года нет, как померли, а ведь я, подлая, их начисто забыла и на могилки не ездила. Всё дела, всё недосуг, всё куда-то бегу... И вот сегодня ночью мне снится, будто иду я красивым садом. Помните, когда меня от рабфака в Ялту посылали, я, вернувшись, все вам про Никитский сад рассказывала, так этот в сто раз лучше. Так вот, иду я этим садом, любуюсь и выхожу на поляночку. Она вся цветами поросла, а посередине нее большой стол стоит, богато убранный, и за ним разные люди сидят и кушают. "Вот, — думаю, — где хорошо", — а потом повернулась в сторону и вижу: под деревом, сгорбатившись, мои старики стоят, несчастные такие, вроде как нищие на паперти. Я к ним: "Чего дерево подпираете? Идите садитесь". А они только головами замотали: "Нельзя, здесь нашей части нету".

И тут мне кто-то объяснять стал, что я попала на тот свет, что за столом сидят покойники, а у моих

родителей нет там части, потому что я их не отпела. Мне до того своих стариков жаль стало, что я как зареву, как закричу, и проснулась.

Глянула в окно — утро. Скорей подхватилась и бегом в Теплый переулок — я от нашей лифтерши слыхала, что там больно хороший батюшка при церкви живет. Бегу бульваром и реву в голос, до того родителей жалко. Прибежала, стучусь в церковь, а сторож спрашивает: "Ты что в этакую рань прибежала?" — "Пусти, — кричу, — дедуленька, к старому батюшке, дело у меня есть". Впустил. Батюшка вышел. Маленький, седенький, из себя строгий, а глаза ласковые, так и греют. Я и про комсомольский билет забыла, да бух ему в ноги. Потом все рассказала.

"Горе твое поправимое, — говорит. — Вот сейчас до обедни твоих родителей отпоем, а что дальше делать, я тебя научу. Становись пока на колени и молись, чтобы Господь простил".

Отпел батюшка отца с матерью, объяснил, как мне за них дальше молиться, спросил, умею ли я поминание писать, и ушел в алтарь. Я все, чтобы не перепутать, на бумажке себе записала, а батюшка после обедни подозвал меня и сказал:

"Теперь твои родители свою часть получили", — и дал мне эту просфору.

Настя бережно развернула платочек, показала нам просфору, поцеловала ее и ушла из кухни.

Мы с Верой Федоровной постояли, помолчали и разошлись по своим комнатам.

СОН

Есть сны пустые, а есть особенные, вещие. Вот такой сон я видела в молодости.

Мне приснилось, что я стою в полной тьме и слышу обращенный ко мне голос: "Родная мать хочет убить своего ребенка". Слова и голос наполнили меня ужасом. Я проснулась, полная страха.

Солнце ярко освещало комнату, за окном чирикали воробьи. Я посмотрела на часы — было восемь.

Свекровь, с которой мы спали в одной комнате, проснулась тоже.

— Какой страшный сон мне сейчас приснился, — сказала я ей и начала рассказывать. Свекровь взволнованно села на кровати и пытливо смотрела на меня:

— Тебе сейчас приснилось?

— Да, — ответила я.

Она заплакала.

— Что с вами, мама? — изумилась я.

Она вытерла глаза и грустно сказала:

— Зная твои убеждения, мы хотели скрыть, что сегодня в девять часов Ксана (моя золовка) должна идти в больницу на аборт, но теперь я не могу скрывать.

Я ужаснулась:

— Мама, почему вы не остановили Ксану?

— Что делать?! У них с Аркадием уже трое детей. Он один не может прокормить такую семью. Ксана тоже должна работать, а если будет малыш, ей придется сидеть дома.

— Когда Господь посылает ребенка, Он дает родителям силы вырастить его. Ничего не бывает без воли Божией. Я пойду и попытаюсь отговорить ее.

Свекровь покачала головой:

— Ты не успеешь: она вот-вот уйдет в больницу.

Но я уже ничего не слушала. Не одеваясь, а как была, в ночной сорочке, я набросила на себя пальто, сунула босые ноги в туфли и, на ходу надевая берет, выбежала на улицу.

Ехать было далеко. Я пересаживалась с трамвая на автобус, с автобуса на другой трамвай, стараясь сократить путь, а стрелка часов между тем перешла за девять...

— Царица Небесная, помоги! — молилась я.

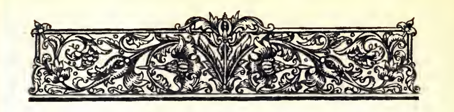
С Ксаной мы столкнулись в вестибюле ее дома. Лицо у нее было осунувшееся, мрачное, в руках она держала маленький чемодан. Я обхватила ее за плечи:

— Дорогая, я все знаю! Мне сейчас приснился о тебе страшный сон: чей-то голос сказал: родная мать хочет убить свое дитя. Не ходи в больницу!

Ксана стояла молча, потом схватила меня за руку и потянула к лифту:

— Я никуда не пойду, — плача сказала она. — Никуда! Пусть живет!

Ксана родила мальчика. Он вырос самым лучшим из всех ее детей и самым любимым.

ПРОСЬБА

В 1957 году в залах Сорбоннского университета в Париже была открыта выставка советской книги. Сопровождали выставку два ответственных партийных работника, люди удивительно милые и сердечные — мужчина и женщина, М. Э. Она была уже пожилая, представительная, с пушистой седой головой и умными карими глазами.

Выставка вызвала у парижан большой интерес, а среди русской эмиграции — сенсацию: на нее шли молодые и старые, живущие в Париже и специально приехавшие из разных мест Франции. М. Э., вернувшись в Москву, рассказывала, что встреч на выставке было очень много, были чрезвычайно интересные, но одна у нее была особенная.

Как-то днем, возвращаясь после завтрака к себе на выставку, М. Э. увидела, что впереди нее с трудом поднимается по лестнице старая сгорбленная женщина.

"Я видела только ее спину, — рассказывала М. Э., — но сразу почувствовала, что это — русская. Прежде всего — костюм: длинное темное платье, белый, углом сложенный платочек на голове, черный суконный жакет. Все не парижского, а нашего русского покроя, и вся стать — не здешняя, а наша.

Я догнала женщину и спросила:

— Вы идете на выставку?

— Да, мадам, — ответила она, подняв на меня добрые выцветшие глаза. — Мне сказали, что на выставке есть очень хорошая русская дама, я иду к ней. У меня дело, — смущенно добавила она.

Я ей отрекомендовалась и предложила показать выставку. Старушка внимательно посмотрела на меня и ответила:

— Тогда я не пойду дальше, трудно мне. А книги — Бог с ними, я пришла не ради них.

Она очень заволновалась и начала дрожащей рукой поправлять на голове платочек.

Стараясь успокоить старушку, я усадила ее на стоявший в углу диван и села рядом.

— Вы давно живете в Париже? — начала я наше знакомство.

— Давно, меня мои хозяева, графы Ш., привезли с собой в восемнадцатом году. Я сама из Коломны. Знаете, может быть, такой город под Москвой? Мы там с мужем жили, и двое детей. От тифа все в десятом году умерли. Я с горя отравиться хотела, едва уберегли. Потом в Москву уехала, не могла Коломну видеть, где столько радости у меня было и столько горя. — Она замолчала и перевела дыхание. — В Москве няней к графам Ш. поступила, золовка меня устроила, она у них в горничных была, — с трудом продолжала рассказчица. — Вынянчила я старшенького, Николеньку, а потом Никитушка народился, его нянчила. Меня господа полюбили, а я, бессемейная, тоже к ним при-

вязалась и как своя в доме стала, полное мне доверие. После революции граф с графинюшкой и со всей семьей в Париж уехали и меня с собой взяли. Все было бы хорошо, но по родине тоскую. Скоро сорок лет будет, как во Франции живу, а глаза закрою — передо мной Коломна, наш домик, тротуарчик перед ним деревянненький, и чудится, что в монастыре ко всенощной благовестят.

Мы долго сидели молча. Потом я спросила:

— Почему вы не вернетесь на родину? Хотите, я помогу вам?

Она покачала головой.

— Куда я поеду и к кому? Была сестра — умерла, а больше у меня и родни нет. Да и годы мои большие, мне ведь восемьдесят два, это к вам шла — так приободрилась, а то я редко из дома выхожу, только в храм Божий. Нет, не видать мне матушку-Россию.

Она опять замолчала и нагнула голову. Скупые слезы медленно текли по ее лицу.

Вытерев их, она в упор посмотрела мне в глаза.

— Просьба у меня к вам. Большая... Не обессудьте за нее — я ведь умру скоро, а так хочется своей родной земле поклониться. Вот и пришла я к вам, дорогая мадам, просить: свезите мой поклон Земле Русской.

И, быстро встав, она опустилась на колени и коснулась лбом пола".

М. Э. замолчала. В комнате стало тихо... Я осторожно спросила:

— Вы исполнили ее просьбу?

— Да, именно так, как она просила.

МОЛИТВА

У меня есть большой друг. Маша. Хотя мы одних лет, но она для меня как духовная мать, а я чувствую себя рядом с ней строптивой девчонкой. Как-то она зашла ко мне и озабоченно сказала:

— Нина в большом горе: муж попал под автобус и его в тяжелом состоянии отвезли в больницу. Помолись о них, Верочка.

— Ну, Маша, — ответила я. — На мне грехов — не перечесть. Разве будет Господь слушать такую молитвенницу?

— Будет! Ты сама знаешь, что неразумно говоришь. Я читаю замечательные записки Афонского старца Силуана, в которых он пишет, что Господь слышит молитву грешников, если они смиряют себя, и еще: когда Господь хочет кого-нибудь помиловать, то внушает другим желание молиться за того человека и помогает в этой молитве. Старец Силуан — наш современник, он умер в 1938 году. Все им написанное внушено Святым Духом.

От разговора с Машей мне стало стыдно, но не до молитвы было: я получила ответственную командировку и той же ночью выехала в Уфимскую область. Там, в небольшом провинциальном городке, я прожи-

ла зиму. Бытовые условия городка были трудные: электричество подавалось нерегулярно, воду брали из уличных колонок, отапливались дровами.

От этих неудобств я была избавлена, так как снимала комнату с полным обслуживанием, но жителям сочувствовала. Особенно жалела одну старушку, которая жила в соседнем доме.

Отправляясь по утрам на работу, я часто встречала ее в старом, много раз чиненном пальто и ветхом платочке на голове. Несмотря на нищенский костюм, старушка выглядела опрятной. Лицо у нее было интеллигентное, выражение замкнутое и робкое, глаза — скорбные.

Обычно я встречала ее идущей от колонки с ведром воды, которое она несла, расплескивая и часто останавливаясь. В одну из таких встреч я взяла ведро из ее замерзших рук и донесла до дома. Она была этим удивлена и, церемонно раскланиваясь, благодарила. Так мы с ней познакомились, а в дальнейшем подружились.

Звали ее Екатерина Васильевна. В прошлом она была учительницей, имела семью, но все умерли, и осталась она одна с крошечной пенсией, большая часть которой уходила на оплату комнаты.

— И нигде хозяева не хотят меня долго держать, — грустно рассказывала Екатерина Васильевна. — Они привыкли, чтобы дешевая жиличка помогала им в хозяйстве или за ребенком смотрела, а я — слабая и старая, мне только бы себя обслужить. Вот подержат меня хозяева, подержат, да́ и сгоняют. И хожу я по

городу, ищу дешевый уголочек, а уж купить себе что из одежды не могу, старое донашиваю, да и его уже нет.

Когда окончилась моя командировка и я сказала Екатерине Васильевне, что уезжаю, она загрустила:

— Вы для меня большой радостью были, — сказала она. — Мои старые друзья поумирали, новых из-за своей бедности приобретать не решаюсь и живу совсем одна. Тоскливо бывает до слез, а кругом — чужие и резкие люди. Я не могу, когда со мной грубо говорят, мне плакать хочется, и я больше молчу.

Я взяла у Екатерины Васильевны адрес и, приехав домой, послала ей вещевую посылку, а потом мы начали с ней переписываться.

Так длилось около трех лет. В продолжение этого времени Екатерина Васильевна несколько раз переходила от одних квартирных хозяев к другим. Каждый переезд был для нее тяжелым переживанием, и на ее письмах я видела следы упавших на строчки слез.

Ежемесячно я посылала ей небольшую сумму денег. Они были ей нужны до крайности. Но еще больше, чем деньгам, она радовалась нашей переписке. "Вы — мой бесценный друг, — писала она мне, — мой утешитель".

Я всегда старалась подбодрить и развеселить старушку, но одно письмо пришло от нее такое, что я растерялась. Новая хозяйка продержала Екатерину Васильевну месяц и предложила немедленно освободить комнату, так как нашлись выгодные жильцы. К кому Екатерина Васильевна ни ходила в поисках

комнаты, везде отказ. Что делать? Хозяйка гонит и грозит. Письмо было полно такого отчаяния, что я, никому не сказав ни слова, надела пальто и — к "Нечаянной Радости".

Я так молилась о Екатерине Васильевне, так плакала, ощущая ее горе, как свое, что забыла все на свете, только одно я понимала: Царица Небесная меня слышит... За стеклом, за золотой ризой была Она, Сама, живая...

Домой я возвращалась успокоенная: появилось такое чувство, что все безысходное горе Екатерины Васильевны я передала в надежные руки. И еще вспомнилось мне, как Маша, со слов старца Силуана, учила меня молиться за других.

Вскоре я сильно заболела, но и больная вспоминала Екатерину Васильевну и молилась о ней.

Прошел месяц, здоровье мое шло на поправку, но я еще лежала в постели.

Как-то дочка подала мне свежую почту. Смотрю, среди полученных писем есть и от Екатерины Васильевны. Что-то пишет бедная старушка... Разрываю конверт и читаю:

"Дорогая моя Вера Аркадьевна! Произошло со мной такое, что до сих пор не могу очнуться.

Месяц тому назад подходит ко мне на улице знакомая учительница и спрашивает: "У вас сохранился ваш учительский диплом?" — "Сохранился", — говорю. "Возьмите его и скорей идите в горсовет, там уже давно всем учителям, у которых нет жилья, дают площадь. Боюсь только, как бы вы не опоздали".

Я взяла диплом, на который смотрела, как на ненужную уже мне бумажку, пошла и успела получить чудесную комнату. Я уже живу в ней! Соседи у меня — хорошие люди, которые относятся ко мне как к человеку, а не как к парии. Я будто вновь родилась на свет".

Прочитав письмо, я радостно перекрестилась, а потом взяла в руки принесенную мне Машей книгу старца Силуана и снова перечла:

"Когда приходит желание молиться за кого-либо, то это значит, что Сам Господь хочет помиловать ту душу и милостиво слушает твои молитвы".

ТЕТУШКИН ПОМЯННИК

У тетушки Веры Илларионовны есть очень интересный помянник, завещанный ей матерью, нашей бабушкой, которая в течение своей жизни вписала в него две тысячи умерших и почти против каждого имени сделала заметки о характере усопшего или об особых событиях в его жизни. Завещая дочери помянник, бабушка обязала её ежедневно поминать усопших и пополнять его новыми именами. Теперь в нем около трех тысяч записей.

Тетя Вера, так же, как и бабушка, записывает не только родных и близких, но и совершенно незнакомых людей. На просьбы родных показать им помянник тетя Вера всегда строго отвечает:

— Это — не семейный альбом, а сокровенная книга, где мне дорог каждый вписанный человек, и любопытствовать ею, прямо скажу, нескромно.

Я — тетушкина любимица, и она сказала, что помянник завещает мне, вот только поэтому я и держу его сегодня в своих руках.

Это — толстая тетрадь в кожаном переплете с вытесненным крестом на его верхней крышке. Страницы помянника разделены на две неравные графы: в первой, узкой — имя умершего, а напротив — в широкой

графе — сведения о нем. Записи неравномерны, есть подробные и совсем краткие, иногда указана только дата смерти.

С большим интересом листаю потертые страницы. Как много имен и кого только здесь нет! Вот интригующая запись:

"Фаина, скончалась в марте 1959 года. Дочь генерала, прожигательница жизни, львица, жестокая. Умерла всеми покинутая в инвалидном доме".

— Тетя Вера, кто эта женщина? — осторожно спрашиваю тетушку.

— Ты ее у меня видала. Такая красивая крашеная блондинка с бархатными глазами. Она была дочерью царского генерала, который после революции перешел на сторону советской власти и имел перед ней большие заслуги. Фаина Михайловна смолоду привыкла к богатой и распущенной жизни. У нее было много любовников, было и три мужа. Никого из них она не любила, но помучить умела. Когда умер третий муж, ей пришлось подумать о куске хлеба. Друзья устроили ее секретарем в научно-исследовательский институт. Фаине Михайловне исполнилось тогда сорок девять лет. Работать она не привыкла и держалась только тем, что искусно ладила с начальством. Поработав несколько лет, она заявила друзьям, что ей надоело быть канцелярской крысой, бросила институт и энергично принялась добиваться персональной пенсии, как дочь прославленного генерала. Но пока шли хлопоты, надо было на что-то жить, и Фаина Михайловна при-

нялась делать займы под обещанную ей персональную пенсию. Вначале она занимала деньги у друзей, а когда онѣ перестали давать, то у кого придется. Вот тут-то мы с ней и познакомились.

Мне очень хотелось наставить ее на путь веры. Фаина Михайловна внимательно меня слушала, раза два ходила к Иверской, но потом заявила, что Царица Небесная ее не слышит, и прекратила посещения.

Не знаю, как бы она жила дальше, но случилось ужасное. По доносу подруги, возведшей на Фаину Михайловну обвинение в государственной измене, ее арестовали. Судил военный трибунал и приговорил к двадцати пяти годам концлагеря. Следователь, который вел дело и видел всю абсурдность обвинения, успел в последний момент дать ей подписать кассационную жалобу.

Больше года провела Фаина Михайловна в лагере, расчищая "бровку" вокруг его территории[1], она была даже бригадиром той группы женщин, которые это делали. И вдруг ее вызвали к начальнику лагеря. Он сообщил, что ее кассация рассмотрена, и она по ней освобождена. Твердым характером обладала Фаина Михайловна, но тут не выдержала и без чувств свалилась на пол.

Вернувшись из лагеря, Фаина Михайловна пришла ко мне. Внешне перемена была чрезвычайная, но внут-

---

[1] *"Бровкой" называется полоса взрыхленной земли вокруг лагеря.* — ***Примеч. авт.***

ренне она осталась прежней. Государство вернуло ей стоимость конфискованного имущества, предложило комнату и работу, но, по словам Фаины Михайловны, у нее не было сил, чтобы начинать жизнь сызнова, и она предпочла инвалидный дом.

На полученную компенсацию купила себе золотые часы с браслетом, заграничное пальто, вельветовый берет зеленого цвета, еще что-то и с ужасом и отвращением уехала в дом для престарелых, чтобы, как она выразилась, сделаться "богаделкой".

Обитательницы дома Фаину Михайловну быстро возненавидели. "Барыня!" — кричали ей вслед. На это она надменно отвечала:

— Барыней была, барыня есть и барыней буду, а вы хамками были, хамками и остались.

"Каторжная!" — неслось с другого угла, но на такой возглас Фаина Михайловна предпочитала не реагировать. Рассказывая мне об этом, она добавила:

— Индюшки, что они в сравнении со мной видели в своей жизни и узнали?! Ничего!

Очень быстро Фаина Михайловна сумела войти в доверие к директору дома, и он поручил ей ответственное место общественницы. Теперь те самые бабушки, которые ее так третировали, попали к ней в зависимость. Мне кажется, что свое привилегированное положение Фаина Михайловна использовала с немалой выгодой для себя, так как у нее появились деньги. Но сама она становилась все мрачней, и на лице у нее застыло выражение глубокой муки. От своих друзей она отошла, приезжала

только ко мне пожаловаться на жизнь, и как-то рассказала:

— Когда мне в доме бывает особенно тяжело, то ухожу отвести душу (я подумала, скажет: в церковь) в парикмахерскую... Вымою голову, сделаю прическу, массаж лица, маникюр, и мне начинает казаться, что я вновь становлюсь человеком.

— Дорогая, — уговаривала я ее не раз, — обратитесь ко Господу, только Он может помочь вам.

Но Фаина Михайловна не любила подобных разговоров.

— В мире существует только одна сила — деньги, а все остальное — тлен, — говорила она.

Стала реже бывать у меня, осунулась, начала жаловаться на сердце и слабость.

В доме она провела пять лет и умерла от инфаркта.

Выслушав эту историю, я пришла в ужас:

— Какая трагическая жизнь.

— Да, и умерла ожесточенная, никому ничего не простившая, прожившая жизнь для одной себя. Упокой, Господи ее душу! — перекрестилась тетя Вера.

— Разве за таких противных людей можно молиться? Они не стоят этого, — возмутилась я.

— Что ты лепечешь! — прикрикнула тетя Вера. — За таких особенно надо молиться, чтобы Господь помиловал их. Твоя бабушка палача в помянник вписала и молилась за него.

Мы помолчали, и я принялась листать помянник дальше.

— А это что за женщина записана у вас: "Анна,

скончалась в восьмидесятых годах прошлого века, прозорливая, необыкновенная личность, известная всему городу"?

— Я ее не знала, только слышала о ней много удивительного. Это запись твоей бабушки.

— Пожалуйста, расскажите все, что знаете, прозорливые так меня интересуют.

— Анна Петровна была известна не только всему городу, в котором жили родители моей мамочки, но и за его пределами. Откуда она в нем появилась — никто не знал. Пришла много лет тому назад, молчаливая, смуглолицая, с черными глазами, одетая во все темное, по самые брови повязанная платком, и попросилась ночевать к одному богатому купцу. Переночевала и осталась жить в его доме до конца своих дней. Почему? Никто не знал и спросить не смел.

Относились к ней в семье купца с великим почтением, и без ее совета никто не начинал ни одного дела.

С почтением и со страхом относились к ней и жители города, так как не было человека, которому бы Анна Петровна чего-нибудь не сказала. Подойти к ней с вопросом или за советом было бы бесполезно: сверкнет глазами и молча отойдет, надо было ждать, когда сама скажет. А говорила она только тем, кому хотела.

Вот, рассказывали, идет она по городу и вдруг останавливается возле одного человека:

— Гуляешь, а со двора телку уводят! Беги без оглядки да соседей зови.

Человек побежал сломя голову. Оказалось, какой-то франт похитил его дочь, но с помощью соседей беглецов задержали.

Моя бабушка, Вера Трофимовна, боялась Анны Петровны до ужаса, потому что она к ней как-то зашла в дом (а заходила она к кому хотела, не взирая на лица) и увидела возле нее двух маленьких дочек, прелестных, как ангелы. Посмотрела Анна Петровна на девочек, покачала головой и сказала:

— Хороши ваши барышни, только вот эту (она указала на младшую) отдадите Богатой Барыне. Плакать будете, горевать, но отдадите. А ей там хорошо будет, лучше, чем у вас.

Повернулась и ушла. А через месяц девочка умерла от дифтерита, тогда ведь прививок не было.

Второй случай такой. Кухня у Веры Трофимовны была в нижнем этаже, там находилась и комната для прислуги. Вот как-то вечером заходит на кухню Анна Петровна, кухарка с поклоном ее встречает, а она кладет на сундук аршин коленкора:

— Возьми, он у вас в доме пригодится.

И уходит...

Кухарка в страхе — коленкором покрывают покойника, аршин — мерка для младенца. Пошли наверх сказать Вере Трофимовне, та — в слезы: дитя умрет. И действительно, ночью заболел ребенок. К утру — хуже, на следующий день — еще хуже. Вызвали врача, тот сказал, что болезнь смертельна.

Вдруг на кухне снова появилась Анна Петровна:

— Я у вас коленкор оставила, отдайте обратно, он вам не пригодится.

Забрала коленкор и ушла. А ребенок выздоровел.

Об Анне Петровне рассказывали много чудесного, я сейчас не помню и сотой доли того, что слыхала в детстве. Но еще один случай сохранился в памяти.

Дом купца, у которого жила Анна Петровна, находился недалеко от проезжего тракта и был расположен так, что его хорошо было видно со всех сторон.

Стояла зима, мели сильные февральские метели. Была глубокая ночь.

И вдруг все обитатели купеческого дома и сам хозяин проснулись от сильного дыма. Что случилось?

— Спите?! — раздался громкий окрик Анны Петровны. — А там люди с дороги сбились, замерзают, вот-вот умрут. Вставайте скорей, помогайте мне!

Все поднялись на ноги и увидели, что дом ярко освещен, занавески на окнах отдернуты, в кухне пылает русская печь, в ней стоят чугуны с кипящей водой, на столе — тесто, и Анна Петровна, озабоченная, строгая, собирается варить галушки с салом.

Привыкнув подчиняться ей беспрекословно, все принялись за дело, готовясь к непонятной встрече.

Вдруг кто-то застучал в окно.

— Слава Богу! — перекрестилась Анна Петровна. — Приехали! Идите, открывайте ворота.

Вскоре большая кухня и прилегающие к ней комнаты были заполнены полузамерзшими, засыпанными снегом людьми в тулупах и валенках. Они топали ногами, терли лица, сдирали сосульки с бровей и усов.

Потом начали вносить на руках и класть на лавки тех, кто так окоченел, что уже не мог двигаться.

Анна Петровна бегала, суетилась, помогала раздеть замерзших, вливала им в рот водку, тех, кто мог ходить, торопила сесть за стол, чтобы согреться только что сваренными галушками.

— Кто же были эти люди?

— Чумаки, везшие из Крыма огромный обоз соли. Сильная метель замела тракт, они сбились с пути, блуждали и постепенно замерзали возле утонувшего в ночной темноте города, который к тому же скрывала от них сплошная пелена снега.

— Если б не огонь в вашем доме, никто бы из нас в живых не остался, все бы замерзли. А тут увидели огонь и шли на него до тех пор, пока кони в ваш забор не ткнулись. Спаси вас Христос за то, что столько христианских душ от смерти вызволили, — кланялись чумаки в ноги хозяину дома, а Анна Петровна тем временем мыла в сторонке миски из-под только что съеденных галушек.

— Замечательно! — восторгалась я. — А как дальше жила Анна Петровна и от чего умерла?

— Ничего не знаю, слишком мала была, когда в нашей семье еще жили рассказы об этой необыкновенной женщине.

— Тетя Вера, а можно вас попросить вписать в помянник мою знакомую, она недавно умерла? — спросила я.

— А кто она? Чем больше я знаю о человеке, тем охотней я о нем буду молиться.

— Это мать моей институтской подруги Киры, дочери профессора. Мы начали дружить с первого курса, и я бывала в доме ее родителей. Отец Киры мне не нравился, слишком чопорный, а мать, Екатерина Васильевна, была душенька — веселая, энергичная, добрая. Дома я заставала ее редко.

— Мамочка у нас — общественница, — с гордостью говорила Кира, — она — редактор стенгазеты "Безбожник" и ведет кружок научно-атеистической пропаганды в клубе "Якорь".

Я удивилась:

— Разве Екатерина Васильевна — атеистка?

— Убежденная, и папа тоже, и мы с сестрой Диной.

После института мы с Кирой попали на один и тот же завод, только работали в разных лабораториях. Как-то она пришла ко мне и шепнула на ухо:

— У нас горе.

— Какое?

— Мама тяжело заболела, завтра ее увозят в больницу на обследование.

— Не волнуйся, может быть, все обойдется, — попыталась я успокоить Киру.

Обследование длилось долго. А когда оно закончилось, Кира вызвала меня из лаборатории в коридор и, обхватив за шею, разрыдалась:

— У мамы — рак.

Холодок пробежал по моей спине. Мы отошли в сторону и сели.

— Папа хотел увезти ее домой, но лечащий врач отговаривает, и сама мама не хочет. Уход за ней замечательный, дома такого не будет, там возле нее все время опытная няня, и мама ее полюбила. Таня, поедем сегодня к маме, она о тебе спрашивала.

После работы мы отправились в больницу. Одетая в белоснежный халат, я робко шла за Кирой, которая чувствовала себя здесь своим человеком.

Мы вошли в светлую нарядную палату с одной кроватью, на которой лежала Екатерина Васильевна. Целая оранжерея цветов окружала ее. Худенькая пожилая няня с веселыми серыми глазами массировала ей кисть руки.

— Вот и гости к вам пришли, — ласково сказала она, увидев нас.

Мы пробыли недолго, так как наш визит быстро утомил больную.

— Как ты нашла маму? — пытливо глядя в мои глаза, спросила Кира.

Я хотела бодро солгать, но вид умирающей Екатерины Васильевны так поразил меня, что я отвернулась и от волнения ничего не могла ответить.

Прошло два месяца. Екатерине Васильевне стало хуже.

— Боли усиливаются, — рассказывала Кира, — но мама в сознании и переносит их терпеливо, только ни на минуту не отпускает от себя тетю Полю, ту няню, которую ты у нее видела. Она самоотверженно ухаживает за мамой, папа сунул было ей в карман деньги, но она рассердилась и сейчас же вернула их.

Прошло еще несколько дней, и Екатерина Васильевна умерла.

Вскоре после ее похорон мы сидели с Кирой в их сразу опустевшей квартире, и она, кутаясь в большой материнский платок, рассказывала:

— В тот день, когда маме стало совсем плохо, мне позвонили из больницы на работу и сказали, чтобы я немедленно приехала.

Я вошла в палату одновременно с папой, и сразу же за нами приехали Дина с мужем.

Мама лежала на спине с закрытыми глазами, сестра только что сделала ей обезболивающий укол, она тяжело дышала, и тетя Поля вытирала ей рот, из которого текла сукровица. Здесь же стоял дежурный врач.

Вдруг мама открыла глаза, посмотрела, но не на нас, а куда-то вверх и... широко перекрестилась.

Это наша-то мама, которая всегда учила меня и Дину не верить в Бога! Мы с ней от неожиданности схватили друг друга за руки.

Прошло еще, верно, полчаса, мама оставалась в забытьи, потом дыхание сделалось едва заметным, и... всё.

Кира расплакалась и долго не могла успокоиться. Потом продолжала:

— Маму похоронили, но то, что она умерла верующей, всех нас так расстроило, что мы с Диной пошли к лечившему ее врачу и рассказали, как она умирала.

— Зачем вы ее нам испортили? — с упреком сказала в конце своего рассказа Дина.

Врач посмотрел на нас сердитыми глазами.

— Мы?! При чем здесь мы? Это тети Полина работа. Как только в ее руки попадает неверующий больной, она обязательно приводит его к вере. А уволить ее невозможно: вы сами видели, что это не работник, а золото.

Так мы ни с чем и ушли из больницы.

Все это рассказала мне Кира, а я, глядя на ваш помянник, подумала: записать бы сюда Екатерину Васильевну, ведь молиться за нее некому.

— Очень хорошо, и давай не только впишем новопреставленную Екатерину в помянник, но и отпоем ее в эту субботу, — сказала тетя Вера.

Продолжаю читать помянник, есть удивительные записи.

— Тетя Вера, идите сюда, — зову тетушку, которая вышла из комнаты. — Что это за запись: "Неизвестный епископ, служил всенощную в Даниловском монастыре летом 30-го года"? Чем значителен этот архиерей, что попал в ваш синодик?

— Кто он был — не знаю, и имя его мне неизвестно. Я тогда была очень далека от Церкви и только вращалась в кругу верующих людей, так как они были гораздо содержательнее и лучше безверов. Вот тогда-то в числе моих знакомых было два закадычных друга — Алеша и Виталий. Оба окончили университет, с увлечением работали каждый по своей специаль-

ности, глубоко верили в Бога и часто бывали в Даниловском монастыре.

Настоятель монастыря, епископ Феодор[1], и многие другие из братии были уже сосланы, на свободе оставались наместник и горстка монахов. Вся территория монастыря была занята какими-то гражданскими учреждениями, а монахам временно предоставили один из храмов, в котором хранились мощи св. Даниила, князя Московского, и небольшое помещение, где они все ютились. Кладбище было упразднено, и отсюда вывозили мраморные плиты, памятники, обелиски с пышными, золотом сделанными надписями. Все было перерыто и изуродовано; могилу Гоголя еще не тронули, и я прочла на ней поразившую меня эпитафию из Библии: "Горьким словом моим посмеюся"[2].

Подавленная и еще мало что понимающая, смотрела я на все окружавшее меня в умирающем на моих глазах Даниловском монастыре. Запомнились его высокие стены, беспорядок и разруха на всей территории, и среди них, как крошечный островок, — храм, в кото-

---

[1] *Архиепископ Феодор (Поздеевский) родился 21.03.1876 г. в Костромской губ. В 1900 г. окончил Казанскую Духовную Академию, рукоположен во иеромонаха. В 1903 г. получил звание магистра Богословия. С 1904 г. — ректор Тамбовской Духовной семинарии в сане архимандрита, с 1906 г. — ректор Московской Духовной Академии. В тот же год хиротонисан во епископа Волоколамского, викария Московской епархии. 1 мая 1917 г. назначен настоятелем Данилова монастыря Москвы. Был против уступок раскольникам-обновленцам, прежде всего — ценой оставления святителем Тихоном управления Церковью, считая, что в Патриархе все спасение; если же Патриарха Тихона не будет, то власть не попустит вообще в России патриаршества, а без патриаршества для Церкви — крах. В октябре 1923 г. свт. Тихоном назначен управляющим Петроградской епархией, с возведением в сан архиепископа. Назначения не принял. В 1924 г. арестован. Незадолго до своей кончины принял схиму с именем Даниила, в честь прп. Даниила Московского. Скончался вне Москвы в конце 1940-х гг.*

[2] *Иер. 20:8.*

ром шли службы. Пело в храме два хора — смешанный и замечательный мужской. В нем вместе с монахами пели миряне.

Виталий показал мне игуменское место сосланного епископа Феодора и его настоятельский жезл, увитый свежей зеленью, как знак того, что любовь братии к нему не увядает и его игуменская власть остается нерушимой.

— Много здешних и приезжих епископов просят у братии монастыря разрешения послужить с ними, — рассказывал Виталий, — но братия не дает согласия, они хранят верность своему страждущему игумену.

Еще Виталий рассказал, что в потаенном месте монастыря живут два схимника:

— Старенькие, седенькие, с глазами кротких детей. Я подошел под благословение к одному из них, он только коснулся моей головы рукой, и все. Здесь есть еще старец, к нему все стараются попасть на исповедь, он замечательный.

Вообще Виталий и Алеша были в монастыре своими людьми, знали всех монахов поименно, заходили к ним в келии, подолгу беседовали. Говорили о них с глубоким уважением. Но особенное чувство восхищения вызывали у них двое юношей (кажется, их звали Коля и Сеня). Один носил полудлинные волосы и подрясник, второй ходил в гражданском костюме. Их очень преследовали за то, что они прислуживали в алтаре и помогали старым монахам, но юноши, ничего не боясь, делали свое дело.

В конце лета или в начале осени, в какой-то двуна-

десятый праздник, мы втроем поехали ко всенощной в Даниловский монастырь. Алеша в храме сразу же куда-то исчез, но вскоре появился и зашептал:

— Сейчас к братии пришел только что вернувшийся из лагеря епископ (и он назвал его имя). Он здесь проездом: попросил, чтобы братия разрешила ему отслужить с ними всенощную. Братия долго колебалась, но потом согласилась, и сейчас вынесли для него из ризницы старинное облачение, в котором служил последний раз владыка Феодор.

На "Хвалите" вышел приезжий епископ. В Царских вратах он на секунду остановился и посмотрел на народ, блеснули мудрые, чистые глаза. Он весь светился в серебряном, будто кованом, саккосе, блестящая митра сливалась с серебром волос, и мягко лежал на плечах белоснежный шерстяной омофор, образ заблудшего агнца, взятого Пастырем на Свои плечи.

Та всенощная представилась мне как незабываемая симфония, центром которой был владыка.

Ярко сохранилось в памяти, как стоял он на солее между Колей и Сеней, одетыми в белые парчовые стихари с перекрещенными золотыми орарями и со свечами в руках. Старец и юноши — это было непередаваемо, и не потому, что красиво, а оттого, что перед толпой людей смело стояли три исповедника. Это все чувствовали и знали, что дни храма, в котором шла эта торжественная всенощная, сочтены, от этого вся служба воспринималась по-особенному высоко и печально.

Когда она отошла, мы протиснулись сквозь толпу, чтобы увидеть, как будут провожать владыку.

Шурша пышной лиловой мантией, сопровождаемый наместником и всей братией, он прошел через весь храм к выходу и остановился. Быстрое движение чьих-то рук, и владыка остается в старой черной рясе. Еще движение, и вместо клобука на его голове — потертая скуфья, а в руке — деревянный посох. Простой монах... Грустно смотрят лучистые глаза. Низкий поклон всем нам, и стройный, собранный владыка один уходит в темноту настежь раскрытых дверей.

Наступая на чьи-то ноги, бежим за ним в толпе выходящих из храма людей.

Владыка быстро идет к трамвайной остановке.

— Подойдем к нему, — упрашивает нас Виталий.

— Неловко, — колеблется сдержанный Алеша.

Препираемся, волнуемся, а владыка в стороне поглядывает на нас. Наконец, когда мы нерешительно двинулись к нему, подошел трамвай. Владыка легко, по-молодому поднялся на подножку и вошел внутрь вагона. Нам хорошо было видно его красивое лицо, когда он стоял возле кондуктора, покупая билет.

Трамвай вздрогнул и тронулся. Владыка посмотрел в окно на нашу взволнованную группу, что-то мягкое скользнуло в его лице, и... вагон ушел.

— Но имя его вы разве не узнали? — разволновалась я.

— Конечно, мальчики знали, но тогда оно для меня не звучало.

— А теперь нельзя у них спросить?
— Нет... Они оба уже записаны в моем помяннике.

Обхватив помянник руками, я думаю: вписывала сюда дальних и ближних моя бабушка, вписывает тетя Вера, особенно заботясь о грешных и безродных, буду когда-то записывать сюда и я.

РАЗГОВОР НА ВЫСТАВКЕ КАРТИН П. Д. КОРИНА

Выставка картин Павла Дмитриевича Корина вызвала у москвичей очень большой интерес. Длилась она небывало долго, так как желающих посетить ее было чрезвычайно много и администрация, склоняясь на многочисленные просьбы, несколько раз откладывала срок ее закрытия.

И, несмотря на это, чтобы попасть в помещение Академии художеств, где была размещена выставка, приходилось долгонько постоять в очереди прямо на улице.

Проникнув внутрь, посетители растекались кто куда, но основная масса устремлялась в заветный зал, где были выставлены эскизы к ненаписанной картине. Художник предполагал назвать ее "Реквием", но Горький настоял на том, чтобы переименовать ее в "Уходящую Русь".

Кто только ни приходил в этот зал!

— Такого разнообразия посетителей не видала еще ни одна выставка, — сказала мне одна из служащих Академии.

В этом я убедилась сама, увидев и старых академиков, и алтарниц в платочках, и художников, и студен-

тов, и просто любопытных обывателей, и знатоков искусства! Было здесь и много духовенства в штатских костюмах, встречались представители иностранных посольств, корреспонденты. Да, кого только не было!

Были молодые, были средних лет, были старички и старушки, как будто вынутые из нафталина и давно уже не бывавшие вне дома.

А чего только ни говорили!

Одни узнавали в изображенных на эскизах людях знакомых и делились о них воспоминаниями, другие были тронуты одухотворенностью лиц, третьи негодовали, что это гимн поповщине. Гул стоял в зале. Возле столика с тетрадью отзывов — большая толпа. Тетрадь толстая и вся исписана, рядом — другая. Ее читают с большим интересом, часто — вслух, комментируют записи и пишут охотно и много.

Иногда публика стоит возле некоторых полотен стеной, так что не пробиться, а в центре — спорящие, так что на картину почти никто уже не смотрит, а слушают и вставляют свои замечания. Спорят страстно, остро и подчас очень интересно.

Вот во время одного из таких споров ко мне случайно подошла немолодая интеллигентная женщина. Сначала мы не обращали друг на друга никакого внимания, потом разговорились. Она была потрясена эскизами к "Уходящей Руси".

— Какие лица, какие люди! — восторженно говорила она. — Пойду домой кормить своих обедом, а потом отправлю на выставку. Пусть смотрят, какие лица!

Я рассказал, ей о тех, кого знала из изображенных на эскизах, а потом мы сели на диванчик отдохнуть.

— Я не могу согласиться с тем, кто сейчас здесь выступал против духовенства, — начала разговор моя случайная собеседница. — Конечно, и среди священников бывают плохие люди, но какие есть хорошие, и как они умеют давать советы! У меня приятельница есть, интеллигентная дама, верующая. В квартире, где она живет, соседка родила девочку, неизвестно от кого. И девочку эту мать возненавидела и очень ее стыдилась и третировала, как могла. Видно было, что она сама страдает очень, но несчастный ребенок мучился еще больше. Моей приятельнице очень жаль было девочку, она пробовала говорить с ее матерью, но та еще больше ярилась на дитя. Тогда она пошла к знакомому священнику и попросила совета, как спасти ребенка. Он подумал и сказал: "Начните хвалить девочку, в особенности при матери. Обращайте внимание окружающих на то, какая девочка умная, сообразительная, послушная. Какие у нее милые глазки, какое хорошее личико. Делайте подарки, приглашайте к себе, когда у вас бывают гости. Вообще всячески поднимайте ребенка в глазах матери и соседей, ведь несчастная мать ведет себя так неестественно от стыда!"

Моя приятельница начала точно выполнять совет священника, и что же? Мать перестала стыдиться своего ребенка, начала ласкать девочку, и теперь все нормально в их отношениях и они любят друг друга.

Еще мне хочется рассказать вам, — продолжала

моя собеседница, — какой замечательный человек был в том учреждении, где я работала. Я по профессии библиограф (сейчас уже, конечно, на пенсии) и работала в библиотеке Министерства сельского хозяйства. Так вот, был у нас там библиограф, мужчина, агроном по образованию. Знаете, это была наша душа, наша совесть, наш утешитель и друг. Какой это был человек! Потом он от нас ушел, долго о нем ничего не было известно, и вдруг мне говорят, что он стал священником.

— И зовут его Николай Александрович Г., — в тон рассказчице закончила я.

— Так вы его знаете?! — восторженно воскликнула она.

Это все, мне только хочется добавить, что незадолго до закрытия выставки на нее приехал Патриарх Алексий[1] в сопровождении митрополита Пимена[2] и свиты. Когда они проходили по залам, публика, забыв все на свете, устремлялась за ними.

— Живые эскизы, живые эскизы, — слышались голоса.

— Уходящая Русь, — сказал кто-то.

— Не уходящая, а незабываемая, — поправил чей-то внушительный бас.

[1] *Патриарх Московский и всея Руси Алексий I (1877—1970).*

[2] *На одном из эскизов к картине "Уходящая Русь" был изображен иеромонах Пимен (Извеков), будущий митрополит Крутицкий и Коломенский, затем — Патриарх Московский и всея Руси (1910—1990).*

ЗАМЕТКИ ОБ ОТЦЕ ПЕТРЕ С-НЕ

Принимаясь писать об отце Петре, я должен оговориться, что мне почти ничего неизвестно о прошлых годах его жизни, а потому свои заметки я начинаю с момента его назначения в Пюхтицкий монастырь, где я познакомился с ним в 1955 году.

+ + +

В Пюхтицу отец Петр приехал ненастным октябрьским днем. Дул сильный ветер и гнал низкие темные облака. Земля раскисла от частых дождей, и отец Петр шел осторожно, чтобы не оступиться.

Подойдя к закрытым воротам монастыря, он поставил чемодан на землю, снял скуфью и опустился на колени прямо в холодную липкую грязь.

Тишина стояла кругом и безлюдье, только ветер шелестел опавшими листьями.

Помолившись, отец Петр поднялся, отряхнул испачканную рясу и через калитку вошел в ограду. Так началась его жизнь в Пюхтице[1].

Было ему тогда шестьдесят два года, но на вид,

---

[1] *Назначение в Пюхтицу отец Петр получил по настоянию отца Петра Гнедича, который был о нем наслышан. — **Примеч. авт.***

казалось, меньше: сухощавый, прямой, выше среднего роста, очень крепкий, с красивыми чертами лица, с пристально глядящими серыми глазами. Волнистые волосы и темная еще борода росли вольно, не зная ножниц.

Образование отца Петра заключалось в трех классах начальной школы и заочно пройденной семинарии. При богатых природных данных: глубоком и пытливом уме, цепкой памяти и исключительной трудоспособности — отец Петр сумел сам так обогатить свои знания, что в общении с ним совершенно не чувствовалась ограниченность его официального образования.

В молодости он собирался уйти в монахи, но, покоряясь родительской воле, женился на выбранной ему отцом невесте. Говорили, что с женой он был суров и необщителен, но, когда она умерла в 1969 году, он горько плакал над ее гробом.

Трудно пришлось отцу Петру в Пюхтицком монастыре: длинные ежедневные службы утром и вечером, полунощница, требы, окормление сестер и мирских, которых вначале было немного, но с закрытием Глинской пустыни и других монастырей их количество сильно увеличилось.

Появление отца Петра в монастыре внесло большую смуту в тихую жизнь обители, разделив её насельниц на два лагеря — молодые и ревностные пошли к нему с открытием помыслов, со стремлением к духовным подвигам, а старые и более консервативные яростно кричали, что женатый священник не мо-

жет быть руководителем монастыря, так как не понимает сущности монашества. Помимо этого, его упрекали в самовольности действий и игнорировании распоряжений игумении.

Так между многими сестрами возникла вражда, потому что каждая считала правильной только свою точку зрения. Но были среди сестер и такие, которые не примкнули ни к одной из разделившихся сторон.

Подобное разногласие возникло и среди мирских, пользовавшихся советами и руководством отца Петра. Одни из них поставили его в киот и утверждали, что путь христианской жизни они увидели только благодаря ему, а другие втаптывали отца Петра в грязь и упрекали в пагубном влиянии на людей.

Такое брожение умов и сердец имело место во все годы, проведенные отцом Петром в монастыре.

\+ + +

Батюшка был очень требовательным и строгим, но прежде всего — к себе. В начале своей жизни в Пюхтице он даже не поднимал белой шторы на своем окне, чтобы не отвлекаться от богомыслия. Спал в основном одетый, сидя на стуле, и иногда ночью со страшным грохотом падал с него, сонный, на пол.

Был неумолим в своих требованиях к вычитыванию молитвенных правил и к соблюдению постов. Скоромную пищу в постные дни не разрешал даже больным.

— Я не благословляю, — скажет и строго замолчит.

От приезжих богомольцев требовал посещения всех церковных служб:

— А то для чего же вы в монастырь прибыли?

С годами стал мягче. А то помню, как одна старушка опоздала к общей исповеди и не слыхала начала молитв перед нею, — узнав об этом, отец Петр отказался дать ей отпущение грехов:

— Не опаздывайте. К поезду, когда куда-либо едете, торопитесь? А здесь дело важней всякого поезда.

Скромен в одежде, в еде, в быту. Если в его комнате вдруг появлялся коврик, картина, удобное кресло, значит, это подарок от духовных детей ко дню ангела.

Молился подолгу, и, когда говорил о молитве, то как о явлении таком же естественном и необходимом, как дыхание. Помню, как он сказал:

— Бог является источником жизни и радости для человека тогда, когда этот человек всегда обращается к Нему и через молитву приобщается этого Источника жизни. Только такое исповедание Бога и нашей веры в Него живо и действенно. Поэтому и говорят, что молитва есть дыхание души. Если погасла молитва, то душа уже мертва и отчуждена от Бога — источника жизни и радости.

Одно время среди богомольцев разнесся слух, что отец Петр отчитывает "порченых". Их стали привозить к нему, но вышло распоряжение, чтобы он этого не делал.

Не знаю, имел он силу над нечистью или нет, только мне пришлось испытать следующее.

Как-то мы вместе с моим другом решили провести зиму в Пюхтице. Мы сняли комнату, и, хотя она по местным бытовым условиям была весьма комфорта-

бельной, мне комната сразу же не понравилась и меня охватило в ней чувство тоски. Я не придал этому значения, и мы поселились.

Вскоре мой приятель уехал по делам в Ленинград, а я остался один. Утром я не всегда посещал храм, но по вечерам простаивал в нем всю службу. Вот после одной из таких служб я вернулся домой, зажег лампу „молнию" (тогда электричества здесь еще не было), затопил печку, вскипятил чайник и расположился за столом с книгой. Трещали дрова, за окном ярко сияла луна, на душе было хорошо. И вдруг — как острое жало, мысль и не мысль, а будто кто-то шепнул: выйди на улицу и удавись. Я передернул плечами, на миг ужаснулся и продолжал чтение дальше.

На второй вечер это явление повторилось, только в более острой и продолжительной форме, так что я долго не мог успокоиться. А на третий — его сила была такой мощной, что на меня напал ужас и я почувствовал, что дальше тот натиск выдержать не могу.

Едва дождавшись утра, я пошел к отцу Петру, но уже не застал его дома и оставил ему отчаянное письмо с просьбой помочь.

Наступивший вечер прошел спокойно, так же спокойны и безмятежны были последующие дни и ночи. Я совершенно забыл о страхованиях, и вдруг встретил в роще отца Петра.

— Ну, как? — спросил он, пристально глядя на меня.

Я недоуменно поднял плечи, начисто забыв все. Потом сразу вспомнил и затряс его руку:

— Спасибо, спасибо! Все прошло!

— И не вернется, — спокойно и значительно сказал отец Петр и пошел своей дорогой.

А на моего друга, который очень любил Пюхтицу, начал нападать страх даже в церкви. Ему казалось, что он вот-вот должен увидеть нечто ужасное.

Рассказал о своем состоянии отцу Петру, тот поднял на него спокойные глаза:

— Вас отсюда гонят.

— Кто? — не понял друг.

— Бесы. Не уступайте им, молитесь.

Мой друг очень извелся в этой борьбе, но не уехал, а усердно молился, и все, слава Богу, прошло.

Через три года я узнал, что в этой комнате, где со мной происходили страхования, был убит выстрелом в окно человек, предавший и сам убивший несколько местных жителей. После убийства его тело несколько дней пролежало в комнате.

\+ + +

Я не был в числе духовных чад батюшки, но, приезжая в Пюхтицу, всегда заходил побеседовать с ним и очень дорожил проведенным вместе временем.

Обычно по приходе мы молились, потом приветствовали друг друга, а затем, зябко ежась в теплом подряснике и меховой безрукавке, отец Петр усаживался напротив меня, и начинался задушевный разговор, которому мешала сильная жара в комнате, но батюшка, по всей видимости, не тяготился ею. Один раз я спросил:

— Вы любите тепло?

— Очень.

— Как же вы выдерживаете в соборе службы, там ледяной холод даже летом?

— Господь помогает, — улыбнулся отец Петр.

+ + +

Один год я не был в Пюхтице, а, приехав, зашел к отцу Петру.

— Ну, рассказывайте, как живете, — ласково встретил он меня.

— Очень плохо — болею, — с грустью ответил я.

— Радуйтесь, — произнес отец Петр.

— Чему радоваться?! Я ведь инвалидом стал.

— Это Господь печется о вашем спасении.

— Нет, батюшка, теперь путь спасения для меня закрыт.

— А в чем вы его видите?

— В помощи ближним. Но болезнь лишила меня этой возможности.

— Вы избрали для себя легкий путь спасения, а Господь посылает вам более трудный — путь смирения. Ведь ничто не смиряет нас так радикально, как болезнь. Не печальтесь о взятом от вас и принимайте посылаемое.

Тему нашего разговора отец Петр потом развил в своем слове, сказанном в храме после литургии:

— Очень многие жалуются мне, что окружающая обстановка мешает делу их спасения. Хочется помолиться, богомыслием заняться, духовную книгу про-

честь, а в семье или у соседей — гости, телевизор включен, музыка. Как можно сосредоточиться, если в сердце — одно раздражение на окружающих, где же здесь спасение? А я вам скажу, что надо благословлять такие условия, потому что они закаляют наше сердце и приучают неустанно следить за ним.

Говорить народу после литургии отец Петр поставил себе за правило. Не всегда его слова бывали одинаково интересны и били в цель, но всегда это был зов ко внутреннему совершенству. Мне запомнилось, как он сказал однажды:

— Следите все время за сердцем: с Богом ли вы. Проверяйте себя! Берегитесь, когда мысли ваши блуждают: то убегают в прошлое, то строят какие-то воздушные замки или приводят воспоминания о причиненных вам кем-то обидах и воспаляют сердце.

Как можно больше молитесь, но помните, что есть люди, которые много молятся, но кому они молятся? Не все молятся Богу, а молятся себе.

Некоторые сетуют, что во время молитвы житейские мысли уносят ее от них. Это потому, что они слишком привержены житейскому, а не духовному. Надо изменить направление мыслей, и молитва останется с молящимся.

Отцу Петру приходилось выслушивать много замечаний об утомительно-длинных поминаниях живых и мертвых во время литургии.

— А вы сами почему не молитесь в это время? —

говорил батюшка упрекавшим. — Поминайте своих. Помянули — вспоминайте чужих. И чужих помянули — тогда творите молитву Иисусову, и благо вам будет.

Он много писал о нравственном состоянии человека, о путях достижения совершенства, и наиболее близким давал читать свои записи. Вот маленькая выдержка из них:

"Мы часто бываем слишком снисходительны к себе в грехах, так называемых "малых" или "повседневных". Не надо забывать, что почти всегда они являются многолетним навыком или признаком и проявлением застарелых страстей. Их сила и опасность обозначается только тогда, когда вступишь с ними в борьбу. Здесь небрежничать очень опасно."

Жил отец Петр в монастыре сначала один, изредка приезжали к нему дети с маленькими внучатами, потом к нему переехала супруга. Она была старше мужа, видимо, красивая в молодости, тихая, молчаливая, будто придавленная сильным характером своего супруга. Хозяйства она не вела по болезни, этим занимались духовно близкие отцу Петру женщины. Детей у отца Петра с матушкой было четверо, внучек — десять, внуков — двое.

Десять лет отец Петр прослужил в Пюхтице без помощника, а некоторые годы — даже без отпуска, так как не хотел оставлять без себя монастырь. Под конец стал изнемогать: богомольцев все больше, коли-

чество поминаний растет, требы увеличиваются, а он — один. И болезни стали одолевать, особенно страдал отец Петр от воспаления тройничного нерва, а последние годы начало донимать сердце и ноги сделались непослушными.

В 1965 году в Пюхтицу вторым священником назначили отца Александра М-а. Но отец Петр был очень предан храму, в нем жила жадность к служению, и видно было, что прибытие второго священника обрадовало его мало. Ему хотелось всё, от большого до малого, по ревности к Богу, делать самому, а тут надо было уступать равную часть другому, тоже ревностному, горячему и, вдобавок, молодому. Видно было, что отец Петр очень страдал и часто бывал несправедлив и незаслуженно холоден к своему смиренному помощнику, но тот терпел безропотно, и дело окончилось взаимным миром.

+ + +

Как правило, отец Петр никогда не выходил из храма один, обязательно появлялся какой-нибудь человек, а иногда два или три, которым срочно требовалось выяснить важное для них дело. Пока шли монастырским двором, к идущим успевал присоединиться еще кто-либо, за калиткой ожидали тоже желавшие получить совет.

— Ну, опять крестный ход, — пошутит кто-нибудь из монашек.

Отец Петр выслушивал всегда всех внимательно и обрывал только в тех случаях, если к нему об-

ращались с совершенно пустым разговором. Говорящего он не торопил, задавал вопросы. Сердился редко, а покрикивал и того реже. Когда, наконец, уходил один в дом, уже согнувшийся от усталости, то казалось, что сложенные на него горести он несет, не сбрасывая со своих плеч.

Мне рассказывали, что однажды в Печорский монастырь, к ныне покойному отцу Симеону приехала пюхтицкая монахиня для разрешения сложного вопроса. Выслушав ее, отец Симеон с упреком сказал:

— Зачем ко мне ездите, когда у вас есть такой священник, как отец Петр?

\+ + +

Пюхтицу часто посещал старый ленинградский ученый, влюбленный в науку и посвятивший ей всю свою жизнь. В откровенной беседе отец Петр посоветовал ему оставить научную деятельность и заняться подготовкой своей души к переходу в иной мир. Это предложение оскорбило ученого и оттолкнуло от отца Петра.

— Это изувер, — говорил тот о нем, — темный фанатик четвертого века.

Потребовались годы для того, чтобы на пороге своего восьмидесятилетия ученый понял, что отец Петр прав.

\+ + +

Домом на Княгининой горе, где между прочими жили оба священника с семьями, заведывала старая

монахиня, Бог знает в силу каких причин возненавидевшая отца Петра. В глаза ему и за глаза она говорила о нем самые порочащие вещи, останавливала приходящих к нему на дом богомольцев, стыдила их, что они обращаются за советом к такому ужасному священнику, пугала Божьей карой и очень часто добивалась того, что отвращала людей от отца Петра. Многие указывали батюшке на недопустимое поведение монахини, но он отвечал:

— Это такой крест, который мне по силам, есть куда тяжелее.

И относился к ней с неизменным добродушием, которое приводило ее в ярость.

В течение своей жизни я посетил некоторые действующие монастыри, и у меня возникло сомнение: могут ли они, при тех условиях, в которых находятся, способствовать спасению людей, пришедших в них. Я высказал свои соображения отцу Петру и получил его убежденный ответ:

— Монастырь — это передний край борьбы с врагом, это кузница, где выковываются человеческие души. Каким бы несовершенным ни был монастырь, он поможет человеку, если он пришел в него ради любви ко Господу. Не надо забывать, что в монастырь идут лучшие люди в мире. Конечно, есть среди них исключения. Это те, которые пришли ради самых низменных целей, или по непониманию монашества, или в состоянии временного подъема. Таких людей много,

но в данном случае речь идет не о них, и тот, кто пришел в монастырь ради спасения души, не сольется с ними.

Вы хорошо знаете, что каждый человек терпит многочисленные нападения от беса, но особенно много усилий враг прилагает для борьбы с монашествующими, так как в миру бес увлекает какой-либо одной страстью и держит ею на поводке, потому что мирской человек редко со своей страстью борется, а в монастыре идет горячая борьба со страстями, их стараются отсекать, и потому бес идет на различные уловки, зачинает ссоры, сплетни и т. п., чтобы внести разлад и уныние в сердца борющихся.

Говорят, что в монастырях много плохих монахов, а откуда они пришли? Из мира. Но они пришли для того, чтобы стать лучше.

СОКОЛИНАЯ ГОРА

Этим летом мы с мужем побывали у отца Василия на Соколиной горе. Ночь ехали поездом, потом сорок километров тряслись на старом автобусе.

Когда мы из него вышли, то увидели синь бескрайнего озера, небольшой совхоз, поле и темную стену леса, а над всем этим простором — высокую Соколиную гору, увенчанную храмом.

Взобравшись на нее, мы направились к небольшому церковному домику, из которого вышел осанистый мужчина в рабочем костюме и высоких сапогах.

"Геолог", — мелькнуло у меня в голове. Но муж уверенно подошел к нему, назвал отцом Василием представился и подал привезенную нами посылку.

Батюшка принял нас радушно, пригласил в дом и угостил картошкой со свежими грибами.

— Красотища у вас какая! — сказал муж, любуясь расстилающимся перед нами видом.

— Да, — согласился отец Василий. — Только беда — никто в этой красоте священствовать не хочет. Приедут отцы в здешнюю глушь и не знают, как бы из нее скорее выбраться, а некоторые и того хуже — пить принимаются. Церковь запустили и забросили. Когда

три года тому назад я вошел в нее первый раз, то страшно стало от того небрежения, в котором она находилась. Иконы, и те на своих местах не стояли, а где попало были приткнуты. В алтаре на престоле вместо облачения старая фелонь лежала, а на ней скомканное полотенце валялось и стояла грязная чаша. Кадило — на веревках... Староста ко мне подошла — руки от работы заскорузлые, лицо в морщинах, а глаза так и стараются в меня заглянуть. "Дохода у нас, батюшка, нет, прихожан — две старухи да я, уезжайте сразу". Посмотрел я на нее и говорю: "Зачем же уезжать, я здесь останусь". Дрогнуло у нее лицо, и глаза она опустила.

Приехал в понедельник и всю неделю приводил храм в порядок. Заходили любопытные молодые и старые, смотрели... Я им ничего не говорил, а делал свое дело. Потом, смотрю — молча, по-деловому начали помогать и к субботе убрали. Да, тяжело вспоминать... — Отец Василий дернул головой и отвернулся.

— Церковный дом тоже был запущен? — спросила я, чтобы прервать молчание.

— Да, когда я его осматривал, то оказалось, что крыша протекает, печка развалилась, полы в щелях и крыс полно. В этом доме когда-то псаломщика убили, и пошла про него дурная слава, люди боялись в нем жить, и дом обветшал. Ну, я — монах, и решил: поселюсь. Отслужил молебен, потом ежа поймал и пустил крыс ловить, а дальше потихоньку привел все в порядок. Зимой прохладно бывает, но жить можно.

Мы пошли осматривать храм, не переставая задавать отцу Василию вопросы.

— В первое воскресенье, в которое я здесь служил, — рассказывал отец Василий, — народу собралось человек двадцать. Петь некому, одна древняя старуха читает. Начал я один петь. Слышу, ко мне из народа два голоса присоединились. Позвал я их на солею, и так всю обедню, хоть и плохо, но пропели.

А когда я вышел говорить слово, то увидел, что меня никто не слушает, а все между собой о чем-то совещаются. Потом некоторые начали выкрикивать: "Батюшка, не уходите от нас!" После литургии народ меня окружил и давай уговаривать, чтобы я остался. Как я ни уверял, что уходить не собираюсь, мне не поверили и долго за мной следили. Только когда я взял корзинку и ушел в лес за грибами, успокоились: останется!

Ну, а я решил прежде всего привести в порядок храм Божий и сделать в нем ремонт. Для этого надо было получить разрешение правящего епископа. Поехал... В автобусе мне пришлось выслушать от пассажиров много насмешек в свой адрес, и места мне никто не дал, хотя можно было потесниться. Так я сорок километров и простоял в проходе.

Архиерей, увидев меня, сделал кислое лицо: ждал, верно, что и я о переводе хлопотать пришел. Но, услыхав, что я прошу оставить меня на Соколиной горе и дать разрешение на ремонт, подобрел и на все согласился.

Сначала мы осматривали храм внутри и долго любовались двумя древними иконами. Заглянули с порога в алтарь, где все блестело чистотой; а я с любопытством посмотрела, чем был покрыт престол, и увидела на нем новое желтое облачение. На аналое лежало вышитое полотенце, на полу — ковер.

Снаружи храм был оштукатурен, а крыша и купол блестели недавней покраской.

— Хорошо отремонтировано, — похвалил муж. — Кто же вам дал рабочих?

— Какие там рабочие? — рассмеялся отец Василий. — Я сам мастер на все строительные работы, в концлагере эту науку прошел, вот своими руками и делал.

— И купол сами красили? — ужаснулась я.

— А кто же? Привязал себя ко кресту веревкой и красил. Вишу на куполе, а внизу под горой совхознички в поле работают. Посмотрят вверх да и показывают один другому: "Вона, где наш батя висит". Конечно, одному трудно было работать, но Господь помог. А нанять рабочих я не мог, храм очень бедный.

С корзинкой в руках к нам подошла пожилая сурового вида женщина.

— Познакомьтесь, — сказал отец Василий, — это наш староста, Мария Борисовна. Она все должности в себе совмещает: и староста, и звонарь, и псаломщик. Когда я ектению читаю, она с тарелкой по храму ходит и, где надо, поет: "Тебе, Господи! Подай, Господи!" Вот, Мария Борисовна, поведите, пожалуйста,

нашу гостью на озеро искупаться, а то ей одной страшно будет, а я с гостем пойду.

Мы отправились. Мария Борисовна сначала неохотно, а потом воодушевившись, рассказала мне о церковных делах и о батюшке:

— Трудно отцу Василию. С тех пор, как начал он у нас служить, народу сильно прибавилось, даже из города приезжают. Многие за советом приходят. Хорошо, он здоровый, а другой бы на его месте давно не выдержал. И подумать только: своими руками какой ремонт сделал! Правда, еще не все доделано, но это уже пустое. Ума не приложу, где средства взял! Все церковные деньги в моих руках, а уж какие деньги! Не иначе, как кто из приезжих духовных детей дал, он ведь на себя мало тратит, а все норовит в храм. Это он и ковер для алтаря купил, а облачение на престол сам пошил.

Зимой отцу Василию плохо приходится: домишко старый и холодный, бывают дни, что вода на полу замерзает. Потом пойдут метели, занесет снегом под самую крышу, вот он тогда и откапывается, а откопается — надо дорожки чистить, потом дорогу к церкви размести, чтобы людям можно было пройти. Но труднее всего с водой: расчистит тропочку к колодцу, что под горой, а пока воды наберет, тропку ветер и занесет начисто, а то поскользнется на ней, воду прольет, и начинай все сначала.

Совхозное начальство отца Василия сильно донимало, натерпелся он от них — ужасть! Потом уж и они разглядели, что это за человек.

Когда я вернулась после купанья, отец Василий с мужем сидели возле храма и беседовали.

— Отец Василий, страшно вам было висеть на куполе? — вмешалась я в их разговор.

— Страшно, — ответил батюшка. Потом усмехнулся и рассказал: — Вишу я на куполе в прошлом году накануне Преображения, крашу и вспоминаю: завтра к столу рыба разрешается, вот бы гостей, что ко мне из города на праздник приедут, рыбкой угостить. Но где тут ловить, когда времени осталось только с купола слезть, вымыться да скорей всенощную начинать?

Спустился я на землю, пошел на озеро, поплыл, ополоснулся — и только повернул обратно, смотрю: у берега налим вьется, большой, как поросенок. Что делать? Как его голыми руками поймать? И начал я налима потихоньку волной к берегу гнать. Он, как очумелый, из стороны в сторону мечется, а я его гоню да гоню, потом большой волной — раз! — и на берег выплеснул. Вода вся — в песок, а налим предо мной на боку лежит. Вот я на другой день и потчевал гостей налимьей ухой.

На меня этот рассказ произвел сильное впечатление. Когда вечером мы все сидели за ужином, я опять его вспомнила.

— Ну, что вы удивляетесь, — спокойно ответил отец Василий. — Разве вы не замечали, что Господь всегда посылает человеку то, что ему нужно для блага ближнего? В моей жизни много подобных случаев было. Для примера вернемся опять к прошлому лету. Когда я купол красил, то так об него кисть стер, что

одна палка осталась, а работы еще много. Где хорошую кисть взять? Ни в одном магазине не найдешь, потому что товар сезонный, все красят. Горевал я, горевал, да за каким-то делом пошел к себе в сарай. Смотрю, ведро стоит, и в нем — кисть, да какая хорошая. Взял я ее и стал работать. Потом спрашиваю Марию Борисовну: "Откуда кисть?" Она на меня большие глаза сделала: знать не знаю. Тут уж я не допытывался, а поблагодарил Господа и докрасил этой кистью всю крышу.

Мы провели с отцом Василием еще один день и на другое утро уехали.

ПРЕДСМЕРТНОЕ ЖЕЛАНИЕ

Письмо от брата: "Пожалуйста, навести Сергея Николаевича. Пишет, что очень болен, совсем пал духом и не находит себе покоя. Помоги ему, чем сможешь".

В тот же день вечером я пошел к Сергею Николаевичу. Это был старый, известный скрипач, давнишний друг моего брата. Меня проводили в его спальню, нарядную, заставленную старинной мебелью комнату. Больной лежал на кровати, выпростав на одеяло тонкие нервные руки. Он смотрел на меня грустными глазами и говорил:

— Тоска у меня, ни заесть, ни запить не могу, все не мило. Умирать надо, а не хочется, да и страшно...

— А вы верите в Бога? — спросил я.

— Да. Но в той суматохе, в какой я прожил всю жизнь, редко о Нем приходилось вспоминать, а вот сейчас все Он на ум приходит. Только я ничего о Боге не знаю, а спросить не у кого.

Первый раз пришлось мне услышать от веселого и немного легкомысленного Сергея Николаевича такие слова. Я задумался, а потом предложил:

— Хотите, я познакомлю вас с очень хорошим и образованным священником?

Сергей Николаевич махнул брезгливо рукой:

— Не люблю я их брата. Сейчас же начнет в грехах копаться, вечными муками пугать, а я сам знаю, что за них по головке не погладят.

— Ну, что вы! Есть замечательные священники, — вступился я.

Мы не успели еще закончить наш разговор, как в комнату вошла жена Сергея Николаевича, пышная дама. Поздоровавшись, она недовольно сказала:

— Зачем Сереже священник, он же не умирает?

— Он придет для беседы... — пояснил я.

— Не к чему, — прервала меня супруга.

— То есть, как это не к чему? — неожиданно громко и немного визгливо вскрикнул Сергей Николаевич. — Почему это не к чему? Я хочу побеседовать с хорошим священником и причаститься. Слышишь, хочу! Петр Павлович, — повернулся больной в мою сторону, — прошу вас завтра же пригласить батюшку ко мне, а если он не может завтра, то в ближайшее удобное для него время!

— Хорошо, — сбитый с толку горячностью больного, ответил я.

— Только он, верно, потребует за посещение много денег? Тогда скажите ему, что я не богат, на пенсии, а потому на большой куш пускай не рассчитывает.

Мне сделалось неприятно, и я сказал:

— Отец Александр, которого я хочу пригласить к вам, придет не из-за денег.

Но Сергей Николаевич меня не слушал и раздраженно повторял:

— Пусть не рассчитывает.

Священник, о котором шла речь, был уже не молод, священствовать начал пять лет тому назад, но среди знавших его пользовался большими авторитетом и любовью. Выразив согласие посетить Сергея Николаевича, он после литургии приехал к нему со Святыми Дарами. Я не присутствовал при их встрече, но, так как мне хотелось узнать, как она прошла, я отправился на другой день к больному.

Едва я вошел в спальню, как Сергей Николаевич порывисто протянул мне руки:

— Дорогуша, кого вы мне прислали?! Это же не человек, а сокровище! Мы говорили с ним, как два добрых друга. Я страдал и плакал, он утешал и плакал со мной. И ко мне пришла светлая радость. Мне так хорошо, так спокойно, и все это сделал он, отец Александр! Спасибо вам за необыкновенное знакомство. — Он пожал мне руку, а потом сказал: — И знаете, он отказался от конверта с деньгами, который я ему пытался вручить. Даже руки назад спрятал, покраснел: "Я пришел к вам как друг — причем же здесь деньги?"

Я не был у Сергея Николаевича неделю, а когда зашел, то увидел страшную перемену: он исхудал, задыхался, не мог ничего есть.

— И опять у меня на сердце тоска, — хрипло шептал он. — Так хочется увидеть отца Александра, поговорить с ним. Если бы мог, я бы пополз к нему на коленях. Ах, как хочется его увидеть!

И Сергей Николаевич просительно посмотрел на меня. Но я знал, что отец Александр крайне занят,

причастился же Сергей Николаевич недавно, и потому мне показалось неудобным снова беспокоить батюшку.

Через три дня Сергей Николаевич скончался. Меня поразило выражение его мертвого лица, оно было мудрое и просветленное, как будто он понял то самое важное, что всю жизнь от него было скрыто.

После похорон Сергея Николаевича я встретился с отцом Александром и рассказал о смерти старого скрипача. Поговорили о покойном, и я, как об интересной детали, рассказал о его мучительном желании увидеть перед смертью отца Александра.

— И вы не пришли за мной?! — вскочил на ноги батюшка, до того спокойно сидевший на стуле. — Это же был вопль души, разлучавшейся с телом! Как вы могли, как вы посмели не исполнить предсмертной просьбы?

Я растерялся. Я никогда не видел отца Александра таким взволнованным. А он, прижав руки к груди, сокрушенно уже не говорил, а шептал:

— Он, умирающий, хотел ползти на коленях. За чем? За словом Божиим, а вы...

Прошло много лет, а в моих ушах все еще звучит слабый, прерывающийся голос Сергея Николаевича: "Как мне хочется увидеть отца Александра, если бы мог, я бы пополз к нему на коленях..."[1]

---

[1] В этом и двух следующих рассказах речь идет о протоиерее Александре Ветелеве (1892—1976), профессоре Московской Духовной Академии, докторе богословия.

ИСПОВЕДЬ

Шел 1963-й или 64-й год. Литургия в храме Знамения Божией Матери, что у Рижского вокзала. Лето... Жарко и душно с самого утра.

В боковом приделе, где образ мученика Трифона, отец Александр проводит общую исповедь. Исповедники стоят томные, безучастные, мысли их, по всей вероятности, витают где-то далеко за пределами храма, а отец Александр проникновенно говорит им об их грехах, о любви к Богу и людям.

Состав исповедников пестрый, большей частью это пожилые домашние хозяйки, горсточка молодежи, несколько мужчин интеллигентного вида и две-три дамы, смиренно повязанные платочками поверх модных причесок. Уже два раза приходили из алтаря от отца Клеоника и напоминали, что пора кончать затянувшуюся исповедь, но отец Александр не кончал. Он силился, но безуспешно, сдернуть с нас липкую сеть равнодушия. Он волновался, горел, а мы даже не тлели.

Почему так получилось — не знаю! Жара ли нас разморила, бес ли попутал или просто все мы легкомысленно, не подготовив себя внутренно, пришли к великому Таинству.

И вдруг отец Александр шагнул к самому краю амвона и, глядя на нас большими скорбными глазами, сказал:

— Слушаете вы меня сейчас, а сами думаете: вот разболтался старик о наших грехах и удержу ему нет — и такие вы, мол, и вот этакие, а сам-то ведь тоже не святой. Правильно вы думаете, потому что я — величайший грешник, и обличаю вас только по долгу своего священства, не больше. Простите же меня, Христа ради!

И, закрыв руками лицо, отец Александр зарыдал горестно и громко.

Народ дрогнул, все как бы очнулись, ожили, бросились к нему. Впереди стоящие хватали отца Александра за руки, целовали их, плакали, задние напирали на передних и, перебивая один другого, кричали:

— Грешны, батюшка, простите!

Вытирая непросохшие слезы, отец Александр гладил склоненные перед ним головы и сдавленным от волнения голосом говорил:

— Чего я от всех вас хочу? Искреннего покаяния. Ведь вы сейчас на суд Божий пришли, для этого надо собрать все силы своей души и молить о прощении. Надо кричать к Небесам так, чтобы они дрогнули, а не благодушно слушать, как я буду перечислять ваши грехи.

ПОСЛЕДНЯЯ ЗАУТРЕНЯ

Великая Суббота. 1976 год. 24 апреля по новому стилю...

В десять часов вечера я пришла к своему духовному отцу, чтобы, как обычно (с тех пор, как он заболел), провести вместе Пасхальную ночь. Дочка его поехала на службу в Елохово, а сам отец Александр крепко спал.

В большой комнате, на застеленном праздничной скатертью столе стояли кулич, блюдо с крашеными яйцами и цветы у портрета покойной матушки.

Мне стало грустно, одиноко, и, погасив свет, я прилегла на диван. С улицы доносился шум проезжавших машин, но постепенно становилось все тише, и я уснула.

Разбудил меня бодрый голос отца Александра:

— Почиваете? А я, хоть и плохой священник, но хочу сейчас отслужить заутреню, уже двенадцать. А вы как, встанете?

Я вмиг соскочила с дивана. Отец Александр стоял в рясе и епитрахили. Мы пошли в его комнату. Я помогла ему завязать поручи, расстелила на письменном столе чистое полотенце, отец Александр положил крест, Евангелие, вынул книжечку с "Последованием заутрени", и служба началась...

Сначала мы "служили" стоя, но, быстро устав, сели рядом за столом и, забыв все на свете, читали и пели пасхальную службу.

Отец Александр делал возгласы, а я была и солисткой хора, и чтецом, и народом. Иногда у меня перехватывало горло и я замолкала, тогда он ободряюще начинал подпевать сам. Когда полагалось делать возглас, голос его звучал тихо, но проникновенно, наполненный внутренней силой:

— Яко Тя хвалят вся силы небесныя и Тебе славу возсылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков.

По временам он замолкал, и мы тихонько плакали. Не знаю, отчего плакал он, а я плакала от радости, что есть в мире Христос и что я в Него верю.

Пропели все стихиры. Прочесть слово Иоанна Златоуста целиком отец Александр не смог.

— Дочитайте с дочкой, когда она вернется, — сказал он, — а сейчас еще помолимся.

И он начал читать ектению. Читал не по служебнику, а свою, импровизированную. Читал, откинувшись всем усталым телом на спинку кресла и глядя полными слез глазами на ярко освещенные лампадой образа.

Вначале он молился о мире, о стране, о Церкви, о Патриархе, о духовенстве и о тех, кто хочет стать на священнический и иноческий путь. Затем умолк и снова начал:

— Спаси и помилуй всех, к Тебе, Господи, взывающих и Тебя ищущих, — тут он стал читать длинный

список имен своих родных, духовных чад, знакомых. Потом повернулся ко мне и сказал: — Будем сейчас вспоминать и своих, и чужих, в особых условиях находящихся. Если кого забуду, подскажите. Вот Ларе скоро родить... — Он помолчал и опять поднял глаза к образам: — Спаси, Господи, и помоги всем женщинам, готовящимся стать матерями, и тем, которые рождают в эту ночь, и чадам их, появившимся на свет.

И, верно, вспомнив Саню и Сашу, Танечку и Мишу, продолжал:

— Благослови и пошли мир, спокойствие и тишину всем, в брак вступить собирающимся...

А мужей, оставленных женами, и жен, оставленных мужьями, — утешь и вразуми.

Спаси и наставь деток, без родителей оставшихся.

Сохрани стариков в их старости. Не дай им пасть духом от болезней, печалей и одиночества.

Спаси и сохрани сражающихся в бою, тонущих в морской пучине, подвергающихся насилию и нападению злых людей.

Огради одиноких путников, идущих по дорогам и заблудившихся в лесной чаще.

Спаси бездомных и дай им верный приют, накорми голодных, огради от всякой неправды и злого навета заключенных в тюрьмах и лагерях и пошли им утешение и свободу.

Помилуй прокаженных, больных всеми болезнями, какие есть на свете, калек, слепых, слабоумных.

Помилуй, дай светлую пасхальную радость живу-

щим в инвалидных домах, всем одиноким и обездоленным людям.

Прими души всех умирающих в эту ночь, дай жизнь и облегчение лежащим на операционных столах, вразуми врачей...

Тихо шелестела старенькая шелковая ряса при каждом движении отца Александра.

Он закрыл руками лицо и замолчал. Потом спросил:

— Кажется, всех помянули?

Я вспомнила своего соседа Юрочку, его жуткого брата, и сказала:

— Пьяниц забыли.

— Всех, кто в Твою Святую ночь бражничает, бесчинствует, — умири, вразуми и помилуй, — устало прошептал отец Александр.

Светила лампада перед Нерукотворным Спасом, смотрели на нас с темного неба редкие звезды, а мы сидели, старые, немощные, и молились Воскресшему Господу, победившему и старость, и болезни, и самую смерть.

О ХРАМЕ ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ

Государственная комиссия, которой было поручено строительство в Москве храма-памятника во имя Христа Спасителя, долго искала соответствующее ему место и, наконец, остановила свой выбор на высоком берегу Москва-реки возле Каменного моста, как раз там, где стоял небольшой женский Алексеевский монастырь. Это было в 1836 году.

Поскольку монастырь не представлял собою ни исторической, ни архитектурной ценности, решено было насельниц его вместе со всем имуществом перевести в Красное село, а его снести, чтобы освободить площадь для строительства храма.

Когда об этом решении было сообщено игумении обители, она категорически отказалась ему подчиниться. Не помог даже грозный приказ правящего епископа.

"Никуда из своего монастыря не уйду, разве только на руках меня вынесете", — заявила она.

Видя всю нелепость игуменского поведения, решили перевозить монастырь без ее участия. Игумения заперлась в своих покоях, никого не принимала и никуда не выходила, а в монастыре была развернута самая энергичная работа по его переезду.

Когда все было закончено и на территории обители осталась одна игумения со своей келейницей, ей предложили сесть в приготовленный экипаж и ехать на новое место. Но и в этом случае она не согласилась подчиниться. Тогда ее подняли на руки, вынесли из игуменской, перенесли через опустевший двор и посадили в экипаж рядом с находившейся уже в нем келейницей.

Содрогаясь от слез, игумения последний раз посмотрела на то, что навсегда оставляла, и сказала: 'Что суетитесь, к чему ломаете, ведь храму-то здесь не стоять?!"

И, рыдая, упала головой на плечо своей келейницы.

+ + +

Ночью того дня, когда был подписан приказ о сносе храма Христа Спасителя и вывозе из него всех икон и ценностей, дежуривший вблизи храма постовой милиционер увидел у его западных дверей яркий свет.

Испуганный этим странным явлением, милиционер выхватил из кобуры наган и бросился узнать, в чем дело. Подбежав к храму, он увидел, что из его широко развернутых дверей прямо вверх, к звездному небу, идет светлый яркий путь, а по нему в великой славе уходят те святые, изображения которых стояли в нем.

Прошли пророки с Предтечею во главе, за ними — святитель Николай с Василием Великим, Григорием Богословом и Иоанном Златоустом. Опираясь на по-

сохи, проследовали московские святители Петр, Алексий, Иона и Филипп. В четырех мантиях двинулись преподобные, возглавляемые Сергием Радонежским, за ними — мученики и мученицы, отдавшие свою жизнь за Христа. В веянии белых крыльев пронеслись вслед за ними херувимы и серафимы. После всех сошли со своих мест на стене стерегущие входы ангелы.

Так ушла душа храма и остался лишь один остов его на попрание и поругание людям.

Тогда бесшумно закрылись двери его, погас лившийся с неба свет, и землю окутала густая, непроглядная тьма.

+ + +

Это было пасмурным и, как мне помнится, осенним днем 1931 года.

Я стоял в начале Остоженки в негустой толпе собравшихся людей. Мы стояли молча, напряженно всматриваясь в хорошо видимый храм Христа. Подойти к нему ближе не было возможности, так как вокруг него стоял высокий забор.

Прохожие удивленно поглядывали на нас, некоторые спрашивали: "Чего вы ожидаете?" Им сдержанно отвечали, что сейчас начнут разрушать храм Христа. Спрашивающие присоединялись к отвечающим, толпа увеличивалась и напряженно молчала.

Я не скажу точно, в котором это было часу, в одиннадцать или в час дня, когда на блестящем и величавом куполе храма показались черные точки людей.

Раздался резкий удар молота по железу. В ответ ему

в толпе кто-то охнул, кто-то застонал, какой-то мужчина, кусая губы, повернулся и быстро ушел, закрывая уши.

Я подумал, что, верно, так, как стояли мы, стояли наши предки у Лобного места, ожидая увидеть чью-то казнь.

После первого удара молота последовал второй, третий, сотый, а может быть, и тысячный, и вот первый золотой лист, оторванный от купола и перевязанный веревкой, стал медленно спускаться вниз. При спуске он обернулся черной тыльной стороной.

— Так он не золотой, а только позолоченный, — раздался разочарованный женский голосок.

— Чего захотели, чтоб весь золотой был, — сердито прогудел хриплый бас.

Теперь на куполе зияло черное отверстие. Скоро в воздухе повис второй лист, третий, четвертый.

— Здорово торопятся, из кожи лезут, — заметил кто-то.

— Лучшие верхолазы работают, — буркнул пожилой мужчина.

— Ну, вы как хотите, а я больше не могу смотреть, как убивают, — обращаясь, видимо, к дочери и мужу, громко сказала седая женщина и ушла, утирая слезы.

Я тоже не мог смотреть и пошел вверх по Пречистенке.

Через несколько часов я возвратился обратно. Посмотрев на храм, я вздрогнул: вместо золотого купола на меня скалился его черный железный остов.

\+ + +

Храм Христа был снесен для того, чтобы на его месте воздвигнуть монументальное здание дворца Советов по проекту архитектора Иофана. После войны потекли упорные слухи, что строительства дворца на этом месте не будет, что грунт здесь не подходящий, что дворец поставят на Ленинских горах и т. д. и т. п.

Потом разнеслась весть, что за забором начаты усиленные работы по устройству там зимнего бассейна.

Слухи оказались самыми достоверными, и в скором времени масса желающих получила приятную возможность круглый год купаться в нагретых водах обширного искусственного водохранилища.

\+ + +

После литургии в храме Илии Обыденного я медленно спустился вниз по переулку и остановился возле барьера зимнего бассейна, чтобы посмотреть, как плещутся люди в его голубоватой воде.

Рядом со мной остановились и стали тоже смотреть на купающихся бабушка и внучка лет пятнадцати с нежным красивым личиком. Я только что видел их в храме, где они стояли впереди меня.

Девочка оживленно разговаривала с бабушкой. Но вдруг глаза у нее расширились, она побледнела, лицо стало каменным, и она закричала очень громким срывающимся голосом:

— Бабушка, посмотри, бабушка, что это такое? Храм стоит высокий, белый, и купол у него синий-

синий, а на нем — звезды золотые, и их много. Храм! Храм во имя всех мучеников! Бабушка!!!

Глаза у нее помутнели, на губах показалась пена и полилась изо рта. Бабушка охватила девочку руками, но не могла удержать — будто сраженная чьим-то ударом, упала она на землю и забилась в эпилептическом припадке.

Я помог бабушке положить больную на стоявшую вблизи скамью. Девочка стихла и лежала в забытье. Бабушка села рядом, положила ее голову к себе на колени, а лицо прикрыла носовым платком.

— Давно это у вашей девочки? — спросил я.

— С детства, после того, как бандиты напали на ее отца.

— И часто бывает?

— Редко и беспричинно, и всегда видит что-нибудь необыкновенное, а придя в себя, забывает виденное начисто.

Мне удалось быстро найти такси, я усадил в него бабушку и пришедшую в сознание внучку, потом вернулся к тому месту у перил бассейна, где стоял с ними и слышал восторженные слова девочки:

"Храм стоит высокий, белый... *Храм во имя всех мучеников*".

ИЗ КНИГИ

«БОЛЬШОЕ И МАЛОЕ»

В Москве, в часовне у Иверских ворот, находилось два образа Иверской Божией Матери: чудотворный, стоявший в центре часовни, и второй, поменьше размером, несколько иного письма, помещавшийся у боковой стены.

Когда в 1812 году наши войска оставляли Москву, Кутузов приказал взять с собой чудотворный образ Иверской Божией Матери, а другой был оставлен населению покидаемого города. Через несколько месяцев началось отступление наполеоновской армии

и Москва была подвергнута варварскому грабежу со стороны французов. Грабили солдаты, офицеры, маршалы, и один из них сумел вывезти вместе с награбленными вещами и образ Иверской Богоматери.

Привезя икону во Францию, он поместил ее в своем загородном поместье, и она в продолжение многих лет оставалась в нем, переходя из рода в род.

В 1931 году произошел раздел имущества между членами семьи покойного маршала, поместье было продано, и вместе с ним был продан образ. Купил его французский антиквар, еврей по национальности, имевший большое предприятие по скупке и продаже уникальных вещей. Считая, что образ представляет собой большую художественную ценность, антиквар выставил его в витрине своего парижского магазина.

Когда русские эмигранты, наводнявшие в то время Францию, увидели икону, то в магазин началось паломничество. Появились и покупатели, но цена, назначенная антикваром, была слишком высокой — двадцать пять тысяч золотых франков.

Верхушка русской эмиграции с адмиралом Русиновым во главе пришла в сильное волнение. Такой суммой никто из них не обладал, но желание купить образ было очень большим, и потому решили провести среди эмигрантов подписку по сбору денег. Для этой цели выбрали специальный комитет, который с трудом собрал около пяти тысяч франков.

Видя, что больше собрать денег не удастся, комитет начал переговоры с антикваром о снижении цены, но

тот твердо стоял на своем и никакой скидки не сделал. Тогда его попросили дать образ под расписку, чтобы с ним совершить поездку на юг Франции, и там среди русских собрать нужную сумму.

Поездка была совершена, но нужной суммы не только не собрали, на даже растратили часть тех денег, которые были собраны ранее.

Сознавая свою беспомощность, комитет обратился за содействием к митрополиту Евлогию[1]. Прежде чем дать ответ, митрополит пригласил искусствоведов и попросил их высказать свое мнение о художественной и материальной ценности иконы. Специалисты ответили, что она не древнего письма, а XVII века и что цена, назначенная антикваром, завышена. Услыхав такой ответ, митрополит Евлогий сразу отказался от покупки.

Опечаленные члены комитета поехали к митрополиту Серафиму (Карловацкая ветвь), полагая, что он пойдет им навстречу, но митрополит проявил полное равнодушие и ответил отказом.

---

[1] *Митрополит Евлогий (Георгиввский; 1868—1946). Родился в с. Сомовв Одоевского увздв Тульской губ. Окончил Тульскую Духовную свминарию. По соввту прп Амвросия Оптинского поступил в Московскую Духовную Акадвмию. По ев окончании был помощником смотрителя духовного училища в г. Ефремовв. С 1895 г. — ивромонах Евлогий, преподаватвль Тульской свминврии В 1895—1897 гг. — инспектор Владимирской семинарии. В 1897—1902 гг. — врхимандрит, ректор Холмской семинарии. С двк. 1902 г. — впископ Люблинский. С 1905 г. — епископ Варшавский и Холмогорский. Был двпутвтом II и III Государственной думы. В 1912—1914 гг. — врхивпископ Холмский, в 1914—1917 гг — архивпископ Волынский. С 1920 г. — в змиграции. В 1921 г. указом святитвля Тихона и Синода на архивпископа Евлогия возлагавтся управлвнив русскими церквями в Западной Европв. С 1922 г. — митрополит В дальнейшвм произошел разрыв митрополита Евлогия с Русской Православной Цврковью За границвй, а с 1930 г. — с Московской Патриархивй, с пврвходом в юрисдикцию Патриарха Константинопольского.* ***См. кн.: Митр. Евлогий. Путь моей жизни. М., 1994.***

После всех неудач комитет (видевший в иконе духовную и национальную ценность) решил пойти на последнее средство — он обратился к епископу Вениамину (Федченкову)[1], возглавлявшему так называемую "большевистскую" церковь. Такое название ей было дано потому, что только она признавала над собой власть московского митрополита Сергия. Общение с ее представителем считалось крайне предосудительным, а о самом епископе Вениамине говорили, что он продался большевикам и что всем известно, как советский посол Довгалевский приходил к нему в алтарь и передал сорок тысяч на устройство храма; храм епископ Вениамин на эти деньги поставил, но вместо креста в нем серп и молот...

[1] *Митрополит Вениамин (Федченков; 1880-1961) родился в Кирсановском уезде Тамбовской губ. Учился в духовном училищв, в Твмбовской духовной семинарии, в Санкт-Пвтербургской Духовной Академии. В 1907-1908 гг. — профессорский стипендиат нв кафедрв Библвйской истории, е в 1909-1911 гг. — личный секретарь архиепископа Выборгского и Финляндского Сергия (Страгородского), будущего Патриарха Московского и всея Руси. В 1911 г. возведен в сан ерхимандрите. Ректор Таврической (1911-13) и Тверской (1913-17) духовных семинарий. Член Поместного Собора Русской Православной Церкви 1917-1918гг. В 1919 г. хиротонисан ео епископе Севастопольского, примыкел к Белому деижвнию, еходил ео Временное Высшве Русское Церковное Управление епархий Юго-Востока России. После исхода Врангелевской армии из Крымв организовал в Константинополе Временное Высшее Русское Церковное Управление зв границей, которое позже нашло приют в Сврбии, у Сербского Пвтриарха Димитрия в Сремских Керловцах. Здесь в 1921 г. по инициативе владыки Вениамина и Патриарха Димитрия состоялся известный Русский Всезаграничный Церковный Собор, положивший начало Русской Православной Церкви Заграницей. В 1925-27 и 1929-31 гг. преподавал в Парижском Православном Богословском институте во имя прп. Сергия Радонежского. В 1930 г. после разрыва митрополита Евлогия (Георгиевского) с Московской Петриархией, епископ Вениемин оставил Богословский институт и вместе с иеромонвхами Феодором (Текучевым; впоследствии епископом) и Стефаном (Светозаровым) основал первый приход Московской Патриархии в Париже — Трехсвятительское подворье. С 1933 г. архиепискол Вениамин — временный Экзарх Московской Патриархии в Северной Америке. В 1947 г. вернулся в Россию. Управлял Рижской и Латвийской епархией, служил в Ростове-на-Дону, в Саратовской епархии. С 1958 г. находился е Псково-Печерском монастыре, где и погребен*

И вот, не взирая на все эти сплетни, комитет послал своего представителя к епископу Вениамину.

Церковь, возглавлявшаяся им, была предельно бедна и устроена на средства одной русской эмигрантки[1] в бывшем зерновом складе. Сам владыка настолько нуждался, что подчас просил кого-либо из прихожан билетик на проезд в метро. К Пресвятой Деве он питал беспредельную любовь и преданность, а Ее Иверский образ особенно почитал, так как он играл в его жизни большую роль и день ангела владыки (13/26 октября) приходился на день празднования Иверской иконы Божией Матери. Поэтому, когда ему сказали о возможности купить образ, он, не раздумывая, сейчас же поехал по указанному адресу.

Между тем, образ был уже убран с витрины магазина и отправлен на склад, где хранились редкие, но неходкие вещи. Когда епископ Вениамин вошел вместе с хозяином в складское помещение, то увидел, что образ поставлен вниз головой. Ужас, жалость и обида за святыню охватили его сердце. С помощью хозяина он поставил его, как следовало, и начал переговоры об условиях покупки. Антиквар назвал цену и сказал, что образ предназначен для продажи с аукциона, который состоится через три дня.

Мысль о том, что икона Царицы Небесной будет продаваться с молотка, потрясла епископа. Его ис-

[1] *Надежды Андреевны Соболевой, которая в то время была женой швейцарского миллионера. В 1947 она вернулась в Россию, а в 1953 г. приняла монашество. Вся запись сделана с её слов.*

креннее волнение и желание во что бы то ни стало купить ее тронули антиквара, и он предложил рассрочку в выплате денег: восемь тысяч ему должны были уплатить немедленно, четыре тысячи — в течении года, а на остальные тринадцать тысяч он давал трехлетнюю рассрочку. Так как епископ Вениамин не мог сразу сам решить этот трудный вопрос, антиквар дал ему несколько дней на размышления и позволил увезти к себе образ.

Привезя его в свой скромный храм, где иконы были только на иконостасе, а на стенах кое-где висели небольшие фотографии с них, владыка поставил его на самой середине, а сам в волнении ушел в алтарь. "Где взять деньги?" — гвоздём сидело в его голове, и он всю ночь не находил себе покоя.

На другой день епископ Вениамин служил литургию и во время евхаристического канона воззвал ко Господу с мольбой о помощи. Внутренний голос ответил ему: "Где твоя вера?" — и смятение ушло...

Это было в пятницу. А в субботу за всенощной владыка сказал слово о вере и о принятии ею невозможного для рассудка. Потом он рассказал об Иверской иконе и просил народ помочь выкупить из плена русскую святыню.

На воскресенье был назначен сбор денег. После литургии ближайшая помощница владыки, Надежда Андреевна, взяла глубокое блюдо и пошла с ним между рядов молящихся.

Деньги клали все, многие принесли последнее, что имели. Старенькая няня, она же и экономка знамени-

той артистки Малого театра, эмигрировавшая вместе со своей хозяйкой из России, принесла довольно крупную сумму, собранную ею на собственные похороны.[1] Один прихожанин принес свое жалованье, взятое авансом у хозяина за несколько месяцев вперед. Себе он не оставил ничего в надежде, что Господь его не оставит[2]. Было еще много жертв, подобных этим.

Собрано было две с половиной тысячи франков, сумма невероятно высокая для тех бедняков, которые посещали храм, но недостаточная даже для первоначального взноса. И епископ Вениамин пошел на крайнее средство — он написал письма своим друзьям в разные города Франции, прося их ссудить его теми квартирными деньгами, которые каждый из них откладывал в течение трех месяцев, чтобы в определенный срок внести их владельцу дома (плата вносилась один раз в три месяца). В то время даже однодневная просрочка платежа грозила выселением на улицу, а найти свободную квартиру было до крайности трудно, поэтому все квартиронаниматели, в ущерб самому необходимому, старались не тратить денег, отложенных на оплату жилья.

И вот эти-то неприкосновенные суммы и попросил у своих друзей владыка Вениамин, обещая вернуть их в нужный срок. И ни один из друзей не ответил отказом.

---

[1] *Когда няня скончалась, владыка Вениамин сам отпевал ее, и похороны были устроены с такой пышностью и при таком большом скоплении людей, что падкие на зрелище парижане, собравшиеся поглазеть на них, не хотели верить, что хоронят простую няню. — **Примеч. авт.***

[2] *В дальнейшем этот человек принял монашество. — **Примеч. авт.***

Так был собран первый взнос...

Для оплаты следующих поступили таким образом. С образа сняли фотографии, их изящно отделали и каждому из прихожан вручили пять экземпляров иконок с тем, чтобы продать их пяти человекам. Каждому из купивших дать еще пять и попросить продать, а те в свою очередь всем приобретшим иконку давали поручение продать пять таких же.

Продано было огромное количество иконок, они разошлись не только по всей Франции, но и по всей Европе, а впоследствии их можно было увидеть даже в Америке и в Австралии.

Благодаря их распространению и рассказам о том, что в Париже в бедном русском храме стоит образ Иверской Божией Матери, началось стечение русских для поклонения национальной святыне. Приезжали со всех уголков Франции и из других стран. Все жертвовали на выкуп иконы, одни клали деньги прямо в кружку, висевшую возле нее (и бывали очень крупные суммы, до пятисот франков), другие присылали их почтой на имя владыки.

Адмирал Русинов[1], узнав, что образ находится в Трехсвятительском храме у владыки Вениамина, поспешил со своей стороны принять все меры к тому, чтобы он был выкуплен и, даже несмотря на неприязнь к владыке, лично поехал к нему и вручил четыре тысячи сто франков, которые были раньше собраны

[1] *Интересно отметить, что, познакомившись с епископом Вениамином, адмирал Русинов проникся к нему таким уважением, что сделался прихожанином Трехсвятительского храма. — **Примеч. авт.***

возглавлявшимся им комитетом. Таким способом были собраны двадцать пять тысяч франков.

И теперь образ Царицы Небесной, пройдя путь из России во Францию, стоит в Париже на улице Петэль в русском Трехсвятительском храме и утешает тех, кто волей или неволей оставил свою Родину.

\+ + +

Владыка Вениамин (Федченков) рассказывал, что, в бытность свою архимандритом, приехал в Оптину пустынь к старцу Нектарию за советом. После пространной беседы старец вывел своего гостя на крыльцо и, показывая ему на открывавшийся перед ними чудный вид, сказал:

"Видите, какая красота? И все это Бог сотворил из *ничего*...

И вот, когда человек почувствует в сердце своем, что он — *ничто,* тогда Бог начинает творить из него великое".

Владыка Вениамин считал старца Нектария своим духовным отцом.

\+ + +

Давид Александрович Озеров, бывший смотрителем Зимнего дворца, рассказывал своей сестре Елене Александровне Нилус, что однажды, когда под его наблюдением шли какие-то работы во Дворце, то

в бывшем кабинете Александра I на обратной стороне его портрета была обнаружена прикрепленная к нему фотография старца Федора Кузьмича.

+ + +

Я не знаю, когда Сергей Сахаров (в будущем — иеромонах Софроний) приехал в Париж и начал учиться живописи. В Париже он был в очень дружеских отношениях с русской художницей Верой Орловой, которая высоко ставила его художественное дарование.

Когда ему было около двадцати шести лет, он поехал на Балканы для пополнения своего художественного багажа. Оттуда он написал Орловой, что, находясь вблизи Афона, очень бы хотел поехать туда и запечатлеть на холсте его красоты, но деньги на исходе и приходится возвращаться в Париж. Получив это письмо, Орлова немедленно перевела Сергею нужную сумму денег и просила обязательно посетить Афон.

Он поехал туда, встретился со старцем Силуаном[1], вступил в число послушников русского монастыря,

---

[1] *Преподобный Силуан Афонский (1866—1938, день памяти — 11/24 сентября). В год 1000-летия Крещения Руси Константинопольская Православная Церковь причислила блаженного Старцв к лику святых По благословению Святейшего Патриврха Московского и всея Руси Алексия II его имя внесено в месяцеслов Русской Православной Церкви Прп Силувн (мирское имя — Симеон) родился в Тамбовской губернии, в селе Шовском, в семье крестьянинв Иовнна Антонова. Воинскую службу проходил в Санкт-Петербургв. Незвдолго до ее окончвния решил испросить благословения св прав. Иоанна Кронштвдтского Нв застав его, оставил записку: "Бвтюшка, хочу пойти в монахи; помолитесь, чтобы мир меня не задержал" В 1892 г. преподобный прибыл на Св. гору Афон и был принят послушником в Русский Пантелвимонов монастырь. В мантию пострижен в 1896 г., в схиму — в 1911 г Подвизался здесь в течениe сорока шести лет* **См. кн.: Старец Силуан. Жизнь и поучения. М., Ново-Казачье, Минск, 1991.**

стал учеником великого старца, а потом, с 31-го года по 38-й, до самой смерти старца — самым близким к нему человеком. Прожив на Афоне четырнадцать лет, он приезжал в Париж для операции. Им написана обошедшая весь мир книга "Старец Силуан".

+ + +

Дальняя родственница знаменитого художника Федотова (он был двоюродным братом ее бабушки со стороны матери) Надежда Андреевна Соболева (в будущем — монахиня Силуана) рассказывала, что к каждой из своих картин Федотов писал стихи (а может быть, это были маленькие поэмы), в которых с тонким юмором описывал содержание картины. Мать Надежды Андреевны имела у себя тетрадь с этими поэтическими творениями художника. Третьяков узнал об этом и буквально не коленях вымолил у нее эту тетрадь для Галереи.

+ + +

Мать Силуана рассказывала, как, находясь в эмиграции и живя в Париже, она (тогда еще — Надежда Андреевна) задалась целью устроить бесплатную или самую дешевую столовую для несчастных голодающих эмигрантов. Хотела она эту столовую устроить при открытой ею на свои средства церкви на рю Петэль. Заручившись благословением владыки Вени-

амина и настоятеля церкви, она развила бурную деятельность по устройству столовой. Очень многие лица пришли ей на помощь: одни предложили свои услуги, другие — посуду, третьи — средства. И, несмотря на это, дело с устройством столовой не двигалось с места.

Очень удрученная неудачами, Надежда Андреевна пришла как-то в церковь еще до начала службы и, став на колени перед Распятием, просто с воплем недоумения по поводу неудач в таком нужном деле обратилась ко Господу. И ясно услышала голос:

"Раздавай хлеб духовный".

От неожиданности она присела и воскликнула:

— Какой же это?

И вдруг, как молния, мелькнула мысль: "Книги".

На другой же день она начала просить у настоятеля благословение на устройство библиотеки при церкви. Но настоятель принялся всячески отговаривать ее от этой затеи. Так они препирались несколько дней.

Наконец, он не только сдался, но даже отдал для будущей библиотеки все имевшиеся у него книги и брошюры.

Место для библиотеки было отведено небольшое, там стояла кадка из-под масла, лежали в ящике огарки... Надежда Андреевна все вымыла, выскоблила, повесила образ, затеплила перед ним лампаду и, сев на табурет, грустно задумалась: где взять полки для книг? Купить в магазине? Это страшно дорого. Нужно нанять мастера. А где его сыщешь?

Пока она раздумывала, в храм вошел один из его частых посетителей. Поздоровавшись и оглядев чисто убранное помещение, он спросил, что здесь будет. Надежда Андреевна объяснила ему и с горечью поделилась своей заботой о полках для книг.

— Вот это — самое пустое, — сказал пришедший. — Я ведь столяр, и в миг полки вам сделаю. — С этими словами он вынул складной метр и начал мерить и рассчитывать ширину и высоту полок. — Я ведь случайно зашел. Сегодня расчет взял на работе, на другую перехожу. И вот шел мимо храма и зашел помолиться, да и попал на нужное дело.

На другой день к вечеру полки были установлены и даже выкрашены коричневой скоросохнущей краской. И за работу столяр ничего не взял, только четырнадцать франков за материал.

И вот Надежда Андреевна начала покупать духовные книги. Денег уже не было. Помог на первых порах комод из розового дерева, который удалось продать довольно удачно.

Потом Надежда Андреевна начала делать походы на так называемый "блошиный рынок" и у старьевщиков в старом хламе выбирать красивые, но испорченные вещи: дорогие вазочки с отбитой ножкой, драгоценные чашки без ушка, цепочки разных сортов и т. п. Из всего этого хлама живший при храме калека казак делал изумительные по своей красоте лампады. И он, и Надежда Андреевна проявляли чудеса изобретательности. Сделанные казаком лампады она вы-

ставляла в своей библиотеке для продажи, назначая за них хорошую цену. На вырученные деньги покупались книги.

Очень много книг высылал ей с Афона старец Силуан, с которым она тогда завязала знакомство и начала переписку.

Часть книг для библиотеки она приобрела у одного русского, которому удалось привезти с Родины очень много духовной литературы.

В числе сделанных ею покупок были исключительные по своей ценности приобретения. Успех библиотеки был очень большой, и все книги аккуратно возвращались читателями.

Когда митрополит Елевферий[1], приехавший в храм, зашел посмотреть на новорожденную библиотеку, то он восхищенно сказал:

— Вот что можно сделать верою и любовью.

\+ + +

— Однажды, в 1931 году[2], в только что основанном в Париже на улице Петэль православном храме во имя Трех святителей, я увидала на

[1] *Митрополит Елевферий (Богоявленский) родился в 1870 г. в Курской губ. Окончил Курскую Духовную семинарию. В 1890 г. рукоположен во священника. В 1890 г., после смерти жены, поступил в Московскую Духовную Академию, по окончании ее принял монашество. С 1909 г. — архимандрит, ректор Смоленской Духовной семинарии. В 1911 хиротонисан во епископа Ковенского. С 1917 г. управлял Виленской и Литовской епархиями. С 1930 г. возглавлял также приходы Московской Патриархии в Западной Европе. Скончался в Вильно 31.12.1940 г.*

[2] *Настоящая запись сделана со слов ныне покойной Надежды Андреевны Соболевой.*

лестнице статного иеромонаха, похожего на грека. Шла Божественная литургия, совершаемая епископом Вениамином (Федченковым) по иерейскому чину. Народу было немного: этот "большевистский" храм, основанный горсткой (29 человек) горячо верующих и преданных Родине русских, в будни посещали мало.

После обедни владыка приглашал всех присутствовавших на чашку чая (к чаю обычно все приносили кто что мог и складывали в корзину). Приглашенный также иеромонах оказался, к моему удивлению, не греком, а англичанином-католиком, лордом Бальфуром. В Англии по традиции третий сын лорда должен идти по духовной линии и свою долю наследства принести к ногам римского папы, который тогда назначает ему послушание.

Лорду Бальфуру от папы был дан в Бельгии участок земли для устройства монастыря, где должны были воспитываться кадры для борьбы с Православием.

Монастырь был создан; там изучали русский и церковно-славянский языки, русскую иконографию, знакомились с Православием во всех его чертах; иеромонахи должны были по внешности во всем походить на православных священников.

Теперь Давид Бальфур намечался в кардиналы в Польшу. Сюда он пришел как гость, для ознакомления с новым приходом, ввиду происшедшего в Париже раскола. Православные относились к трем разным юрисдикциям: 1) Антониевской, по имени митрополи-

та Антония Храповицкого[1], возглавлявшего так называемый карловацкий раскол; 2) Евлогианской — отказавшиеся подчиняться "местоблюстителю" и поминавшие Вселенского Константинопольского Патриарха и 3) Московской — подчинившиеся митрополиту Сергию и объединившиеся вокруг епископа Вениамина, который был викарием по Франции при Елевферии (Богоявленском), митрополите Виленском и Литовском.

За чашкой чая велась духовная беседа, в конце которой, при прощании, епископ Вениамин, ласково хлопнув по плечу иеромонаха Давида, сказал:

— Хороший батюшка, одного не хватает: в Православие надо переходить!

На лице отца Давида мелькнула гневная молния, некоторым из присутствовавших замечание владыки

---

[1] *Митрополит Антоний (Храповицкий) родился в 1863 г. в с. Латагино Новгородской губ. В 1885 г. окончил Петербургскую Духовную Академию, получил сан иеромонаха. 1886 г. — преподаватель Холмской Духовной семинарии. 1887 г. — и. д. доцента Петербургской Духовной Академии. 1888 г. — магистр богословия. 1889 г. — архимандрит, ректор Петербургской Духовной семинарии. С 1890 г. — ректор Московской Духовной Академии. С 1895 г. — ректор Казанской духовной академии. В 1897 г. — хиротонисан во епископа Чебоксарского. В 1899—1900 гг. — епископ Чистопольский, в 1900—1902 г. — Уфимский и Мензелинский. В 1902—1914 гг. — епископ Житомирский и Волынский, одновременно состоял Экзархом Вселенского Патриарха для Галиции и Карпатской Руси. С 1906 г. — архиепископ. В 1906—1907 гг. — член Государственного Совета. С 1912 г. — член Священного Синода. В 1914—1917 гг. — архиепископ Харьковский и Ахтырский. В 1917 г. уволен на покой в Валаамский монастырь. С августа 1917 г. — архиепископ Харьковский. В ноябре того же года возведен в сан митрополита. С мая 1918 г. — митрополит Киевский и Галицкий. Член Поместного Собора Русской Православной Церкви 1917—1918 гг., один из главных кандидатов на пост Патриарха. Член Патриаршего Синода. В 1919 г. — временно управляющий Екатеринодарской епархией. В этом же году возглавил Высшее Церковное Управление в Новочеркасске, на территории Белой армии. С 1920 г. до своей кончины 10.08.1936 г. — в эмиграции в Сербии, глава Русской Православной Церкви за границей. 22.06.1934 г. запрещен в священнослужении постановлением Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского). Носил титул Блаженнейшего. Перед кончиной принял схиму.*

показалось неуместным и могущим задеть религиозные чувства католика.

Этот иеромонах остался в нашей памяти как необычный гость.

Приблизительно через год в библиотеку при нашем храме зашел Владимир Николаевич Лосский (сын философа) и сказал:

— Помните иеромонаха Бальфура? Он сейчас шестой месяц гостит у римского папы, подбирая материалы против Православия и собирается на Афон за подкрепляющими документами.

Прошло еще некоторое время. Мне сообщают:

— Бальфур-то, можете себе представить! С Афона поехал в Литву к митрополиту Елевферию. Что ему там делать?

Следующее известие: Бальфур с месяц живет у митрополита Елевферия.

И наконец: отец Бальфур перешел в Православие.

Эти известия нас потрясали.

В 1933 г. в Вербное воскресенье владыка Вениамин объявил с амвона: иеромонах Бальфур перешел в Православие и едет в Париж. Он должен быть здесь в конце Страстной недели и вместе с нами совершит пасхальное богослужение; после розговин (а розговины бывали у нас совместные в помещении над храмом) расскажет нам обо всем сам.

Наступил день Воскресения Христова. За литургией причащались все присутствовавшие в храме; епископ Вениамин служил вместе со всем духовенством, оста-

вшимся верным Матери-Церкви, среди них был и иеромонах Давид.

В четвертом часу все поднялись наверх, уселись — духовенство за столом, остальные кто как смог, — и владыка Вениамин, представив нам иеромонаха Давида, сказал:

— Батюшка вам обо всем расскажет.

Поднялся молодой иеромонах и, с легким акцентом, начал так:

— Несколько лет тому назад я присутствовал на съезде Православной молодежи во Франции; все участники съезда причащались Св. Христовых Таин; я один остался "отлученным". Сегодня моя радость исполнилась, я не только был участником Божественной литургии, но и сподобился быть причастником Св. Чаши.

В течение полугода я был гостем папы (Пия XI) и был затем командирован на Афон, чтобы найти в монастырских библиотеках один документ, могущий помочь католической церкви в борьбе против Православия.

На Афоне я остановился в одном из греческих монастырей. Все мои розыски были безуспешны; мне осталось посетить только русский Пантелеимонов монастырь, находившийся на противоположной стороне полуострова; дорога туда была тяжелой, и я все откладывал это посещение; наконец, я собрался туда.

Подойдя к монастырю, я вошел в открытые ворота, очутился на пустом дворе и стоял, озираясь по сторонам и никого не видя.

Но вот открылось окошечко, оттуда свесилась голова старца, приложившего ладонь к уху и спросившего, что мне угодно.

После моего ответа, что я прошу разрешения игумена ознакомиться с библиотекой, старец ушел и через некоторое время вернулся и пригласил меня следовать за ним. Провожая меня, он остановился у дверей одной из келий и сказал: "А на возврате не зайдете ли ко мне побеседовать?" Я про себя подумал, что заходить не буду, — что мне может сказать интересного этот старик? Верно, будет только тянуть в Православие.

Пробыв довольно долго в библиотеке и подобрав некоторые документы, я на обратном пути все-таки из любопытства решил заглянуть к этому старцу. Он усадил меня на табуреточку, сам сел напротив и, не дожидаясь моих вопросов, начал мне рассказывать всю мою жизнь, с двенадцатилетнего возраста, когда я начал думать о предстоявшем мне духовном пути, всю мою борьбу, и не только факты моей жизни, но и все мои помыслы; он восстановил все, даже то, что я сам позабыл.

Эта первая беседа длилась три с половиной часа. Наступившая темнота заставила меня торопиться; потрясенный, я смог только просить разрешения прийти на следующий день.

Когда он наступил, я, уже не боясь тяжелого пути, "летел" к старцу. После второй беседы я сказал: "Что же мне делать? Я чувствую, что не могу уже оставаться католиком". Старец ответил: "Молитесь Господу Духу Святому, и Он наставит вас на истину".

Мне захотелось молиться так, как принято здесь.

"У нас принято, — сказал старец, — молясь о разрешении трудного вопроса, поститься и затвориться на три дня."

Я тут же попросил у игумена позволения остаться, чтобы помолиться у них. Срок моей визы кончался, мне пришлось сперва съездить и похлопотать о ее продлении на неделю, а потом вернуться в монастырь св. Пантелеимона.

После трех дней молитвы мне стало совершенно ясно, что оставаться в лоне католической церкви для меня более невозможно. Для меня за эти дни молитвы несомненно выявилось умаление Духа Святого в католическом догмате Filioque[1].

Собранные мною материалы я запечатал в пакет и отослал в Ватикан с просьбой отчислить меня из католического духовенства.

Размышляя о том, что истина открылась мне не в греческом, а в русском монастыре, я понял, что и служение свое я призван начать именно в Русской Церкви.

Центр Православия за границей — Париж. Но в Париже Русская Церковь представлена тремя юрисдикциями — где же истина?

---

[1] *Filioque (филиокве) — "и от Сына". Католическое добавление в составленный святыми Отцами (в том числе, свт. Николаем Мирликийским Чудотворцем, свт. Спиридоном Тримифунтским Чудотворцем и другими) на 1 и 2 Вселенских Соборах Символ веры, в 8-й его член: "И в Духа Святаго, Господа, Животворящаго, Иже от Отца исходящаго...". Является одним из основных еретических догматов католицизма. Согласно словам Самого Спасителя, запечатленным во св. Евангелии, Святой Дух исходит от Бога Отца и посылается в мир Богом Сыном (Ин. XV: 26).*

На этот вопрос старец Силуан (так звали этого дивного старца) сказал, что не смеет ответить без молитвы, и добавил: "Попрошу еще двух старцев помолиться со мной об этом".

Через три дня те два старца ответили: "Мы постриженики митрополита Антония Храповицкого, по-человечески с ним связаны, любим его и уважаем, как отца; но истина не у него, а у митрополита Елевферия, которого мы совсем не знаем и о котором ничего и не слышали".

Срок визы истек еще раз. Ничего не оставалось, как расстаться со старцем Силуаном, незабываемые беседы которого услаждали меня все эти дни. Путь мой лежал в далекую Литву.

Митрополит Елевферий встретил меня ласково, но и осторожно; испытывал меня в течение месяца, прежде чем перевести в Православие.

Приняв Православие, я просил митрополита и о православном иноческом постриге. Я вспомнил о фразе, сказанной мне владыкой Вениамином при первом знакомстве, и мне захотелось принять постриг именно от его руки. Митрополит Елевферий благословил, и через несколько дней, если Богу будет угодно, совершится мой постриг.

Через две недели отец Давид был пострижен епископом Вениамином с именем Димитрия во имя борца за Православие — святителя Димитрия Ростовского".

\+ + +

Совершить постриг послушницы Вениамины (Надежды Андреевны Соболевой) в мантию митрополит Ленинградский Григорий[1] поручил архимандриту Леониду, а для пущей торжественности с ним ехали протоиерей Петр Гнедич, правая рука и любимец митрополита Григория, и еще какой-то священник.

Из Ленинграда в Пюхтицу отцы выехали на машине, и когда до цели их путешествия оставалась меньшая половина пути, отец Петр спросил архимандрита Леонида, какое имя он собирается дать новопостригаемой.

— Нареку Нилой в честь прп. Нила Сорского, которого очень чту сам и которого так же чтит митрополит Вениамин.

— Нареките Силуаной, — посоветовал отец Петр.

— Это почему же?!

— От нее первой мы услыхали весть о дивном афонском старце Силуане, до нее о нем никто ничего не знал. Живя во время эмиграции в Париже, она, как вам известно, была самой активной помощницей епископа Вениамина (Федченкова), который в 1930 году отказался выйти из юрисдикции Московской Патриархии. Благодаря этому он потерял храм, в котором

---

[1] *Митрополит Григорий (Чуков; +1955). До принятия монашества — протоиерей Николай. Был настоятелем Казанского собора в Петрограде. В 1922 г. вместе со священно-мучениками Вениамином (Казанским), митрополитом Петроградским и Гдовским, и архимандритом Сергием (Шеиным), мучениками Юрием (Новицким) и Иоанном (Ковшаровым) на Петроградском процессе об изъятии церковных ценностей был, с другими шестью его участниками, приговорен к расстрелу. Затем, в числе этих шестерых помилован. Хиротонисан во епископа в 1942 г. Был архиепископом Саратовским, затем — Псковским.*

служил до этого, и должен был построить свой, а денег ни у него, ни у тех, кто остался с ним, не было. Надежда Андреевна была замужем за швейцарским миллионером. Тайно от мужа она продала свои драгоценности и на полученные деньги было куплено помещение и отделано для храма. Обладая большой инициативой, Надежда Андреевна устроила там библиотеку для прихожан. Духовную литературу, крестики и иконки она закупала в Афонском Пантелеимоновом монастыре. Все это делалось через старца Силуана, который тогда, видимо, нес послушание при типографии. От него у нее есть письма, написанные его рукой, есть даже его собственные старенькие потертые четки, которые она умолила прислать ей на память. От людей, лично знавших старца, она много слыхала о нем и, вернувшись на Родину, охотно делилась со всеми этими рассказами.

— Все равно назову Нилой, — непреклонно сказал архимандрит.

— Это не все, — продолжал отец Петр. — Ведь именно ей митрополит Вениамин подарил с собственноручной надписью первую присланную нам на Родину книгу о старце Силуане, написанную иеромонахом Софронием[1]. Она не держит ее, как реликвию, а дает читать всем желающим, стараясь познакомить как можно больше людей с этим апостолом любви XX века.

---

[1] *Иеромонах Софроний со своим автографом подарил ее митрополиту Вениамину, а тот передарил ее послушнице Вениамине. — **Примеч. авт.***

— И не уговаривайте меня, отец Петр, я нареку Вениамину Нилой, — безапелляционно сказал архимандрит, когда машина подъехала к обители.

В Пюхтицу приехали перед всенощной, а постриг был назначен на другой день вечером.

Матери Вениамине передали о разговоре, бывшем между отцами в машине. Она очень опечалилась, но перечить не посмела и послала, как положено, в алтарь образок прп. Нила Сорского, чтобы его положили на св. престол.

Начался постриг. Прекрасно пел хор, стройно шла служба, трогательна была мать Вениамина, трижды распинавшаяся перед алтарем на холодном полу собора.

Но вот архимандрит Леонид последний раз собирается выйти на амвон, чтобы наречь постригаемую ее новым именем, и последний раз стоящий у престола отец Петр моляще просит его:

— Назовите Силуаной.

— Сказал — нареку Нилой, — уже в сердцах отвечает отец Леонид и, срезая прядь волос с головы склонившейся перед ним Вениамины, громко и торжественно произносит:

— И нарекается имя ей — Силуана.

Когда архимандрит Леонид со страшно сконфуженным видом вернулся в алтарь, отец Петр низко поклонился ему:

— Спасибо, огромное спасибо.

Архимандрит растерянно потер руками лицо и ответил:

— Сам не знаю, как получилось: на губах была Нила, а выговорил Силуану.

Как-то, в один из своих приездов в Россию, иеромонах Софроний, встретившись с епископом Леонидом, поинтересовался, перед кем хлопотала мать Силуана, чтобы быть нареченной этим именем, и был сильно удивлен, услыхав вышеприведенный рассказ.

РАССКАЗ ОТЦА ГЕОРГИЯ

Вместе с рассказами Л. С. Запариной в православном самиздате оказался нижепубликуемый рассказ неизвестного автора. Поскольку он близок рассказам, опубликованным в этой книге, и неизвестен широкому читателю, мы решили включить его в настоящий сборник.

Чтобы тебе был понятен мой рассказ, я должен сделать небольшое отступление.

Когда-то я был игуменом Мещовского монастыря, который находился в Калужской губернии. По монастырским делам мне частенько приходилось бывать в Калуге. В один из таких приездов иду я по улице и вижу: возле хорошего большого дома стоит женщина в небрежно накинутой теплой шали и кого-то поджидает. Увидев меня, быстро подошла и поклонилась. Лицо бледное, и такая скорбь на нем, что я сразу со всем вниманием воззрился на нее, а она мне говорит:

— Батюшка, муж умирает, отойти от него далеко не могу, а его напутствовать скорей надо. Не откажите, прошу вас, зайдите к нам!

На счастье, у меня были с собой Святые Дары.

Ввела она меня в дом, посмотрел я на ее мужа — совсем плох, недолго протянет. Исповедал его, причастил. Он в полной памяти. Благодарить меня начал со слезами, а потом сказал:

— Горе у меня большое: я ведь купец, но подошло такое дело, что дом пришлось заложить, а выкупить не на что, и его через два

дня с аукциона продавать будут. Вот теперь умираю, и семья неустроенной остается.

Жалко мне его стало.

— Не горюйте, — говорю, — может быть, Господь даст, и я вам как-нибудь помочь сумею.

А сам скорей вышел от купца, да на телеграф, и вызвал к себе в гостиницу одного духовного сына, тоже купца.

Тот вечером уже у меня в номере сидел, смекнул, в чем дело, и, когда аукцион был по продаже дома, сумел нагнать за него цену до двадцати пяти тысяч. Дом купил город, из полученных денег семь тысяч пошло на погашение залога, а восемнадцать внесли в банк на имя жены умиравшего купца.

Тут уж я с отъездом в монастырь позадержался и после всех денежных операций пошел к больному рассказать об удачном окончании дела. Он еще жив был, благодарил меня, что я спас его семью от бедности, и к вечеру умер. Хоронить его я не остался, а поспешил в обитель, да за разными событиями так про него и забыл.

Прошло много лет... Был я арестован, и пришлось мне сидеть в камере смертников, вместе со мной находилось тридцать семь человек.

Почти каждую ночь к нам приходили и забирали на расстрел пять-шесть человек. Так нас осталось семеро.

Как-то днем подошел ко мне сторож тюремный и шепнул:

— Готовьтесь, батюшка, сегодня я получил на всех вас список. Ночью увезут.

Я передал своим соузникам слова сторожа.

Нужно ли говорить, что поднялось в душе каждого из нас? Хотя мы знали, что осуждены на смерть, но она все стояла за порогом, а теперь собиралась его переступить...

Не имея сил оставаться в камере, я надел епитрахиль и вышел в глухой, без окон, коридор помолиться. Я молился и плакал так, как никогда в жизни, слезы были до того обильны, что насквозь омочили шелковую вышивку на епитрахили, она слиняла и растеклась разноцветными потеками.

Вдруг я увидел возле себя незнакомого человека. Он участливо смотрел на меня, а потом сказал:

— Не плачьте, батюшка, вас не расстреляют.

— А кто вы? — удивился я.

— Вы, батюшка, меня забыли, а у нас здесь добрые дела не забываются, — ответил человек. — Я тот самый купец, которого вы в Калуге перед смертью напутствовали.

И только этот купец из моих глаз ушел, как вижу, что в каменной стене коридора брешь образовалась, и я через нее увидел опушку леса, а над ней в воздухе свою покойную мать. Она кивнула мне головой и сказала:

— Да, Егорушка, вас не расстреляют, а через десять лет мы с тобой увидимся.

Видение окончилось, и я опять очутился возле глухой стены. Но в душе моей была Пасха! Я поспешил в камеру и сказал:

— Дорогие мои, благодарите Бога, нас не расстреляют, верьте слову священника (я понял, что и купец, и матушка говорили о всех нас).

Великая скорбь в нашей камере сменилась неудержимой радостью: мне поверили, и кто целовал мои руки, кто плечи, а кто и сапоги. Мы знали, что будем жить!

Прошла ночь, и на рассвете нас перевезли в пересыльную тюрьму. Оттуда я попал в Бутырки, а вскоре по амнистии был освобожден и жил последние годы при Даниловском монастыре; шестеро же моих соузников стали моими духовными детьми.

Через несколько лет меня вновь арестовали и выслали сюда, в Каратюбу, где мы сидим сейчас с тобой вместе и беседуем.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛР № 061616 от 22.09.92.

Сдано в набор 9.01.95. Подписано в печать 25.03.95. Формат 60×84/16. Объем 19 п. л. Заказ № 3101. Тираж 10 000 экз. Издательство «Трим». Москва, Хамовнический вал, д. 18. Отпечатано с готовых диапозитивов на ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга» Роскомпечати. 127018, Москва, Сущевский вал, 49.

64

